

6

Русская речь

1977

Русская речь

Научно-популярный журнал
Института русского языка Академии наук СССР.
Основан в 1967 году. Выходит 6 раз в год
Издательство «Наука». Москва

№ 6, 1977, ноябрь — декабрь

В номере:

1917—1977

Ю. А. Бельчиков. Изучение стилистики русского языка в Советском Союзе	3
В. В. Одинцов. Язык первых декретов	12
Ф. Г. Бирюков. Советская проза 20-х годов	21

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

С. М. Ключев. Александр Иванович Одоевский (к 175-летию со дня рождения)	30
М. А. Лапшин. Мастерство Сергея Никитина — рассказчика	40

СЛОВО ПИСАТЕЛЮ

П. П. Дудочкин. Испытание слова. Этюды	48
--	----

КУЛЬТУРА РЕЧИ. ГРАММАТИКА

Н. П. Пеньковская. Астролёт, звездолёт, космолёт, планетолёт	57
Р. И. Аванесов. Об одном неправильном употреблении мужского отчества	63

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

С. В. Редькин. Совнарком	70
А. С. Юрченко. «И один в поле воин»	73
А. Ф. Василенко. Погода	77
Л. Л. Трубе. Метель. Вьюга. Буран	79

СЛОВАРИ

И. А. Попов. Наш адрес прежний 84

СТАРАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ

А. В. Барандеев. «Книге Большому Чертежу» 350 лет 89

ПО КАРТЕ РОДИНЫ

Е. С. Отин. Валуйки, Лиски 102

ШКОЛА

А. В. Дановский. Слово в поэтике классицизма 107

СРЕДИ КНИГ

Р. Б. Кершиене. Институт русского языка АН СССР — читателю 66

В. Г. Костомаров. «Культура русской речи на Украине» 97

В. А. Никонов. Из словаря русских фамилий (продолжение) 115

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

Новые слова в спорте; Слёт; Бенефис, дебют 117

Указатель статей, опубликованных в журнале «Русская речь» за 1977 год 124

На обложке рисунок В. С. Комарова

*При перепечатке
ссылка на журнал «Русская речь»
обязательна*

ИЗУЧЕНИЕ СТИЛИСТИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

Становление стилистики русского языка как самостоятельной отрасли русского языкознания совершается в советскую эпоху. Развитие русской стилистики неразрывно связано с общетеоретическими исследованиями, опирающимися на лингвистический материал как русского, так и других языков. Вместе с тем разработка проблем русской стилистики в основных направлениях определялась и импульсировалась историей литературных языков (прежде всего истории русского литературного языка) и теорией литературного языка.

Бурная революционная эпоха, с присущей ей острейшей идеологической борьбой, с повышенными требованиями к слову, особенно — к публичному, с переоценкой и перестройкой духовных, эстетических ценностей, с горячим стремлением революционных масс к самоутверждению и самовыражению не только в сфере политики, но и в искусстве создавала атмосферу живого общественного интереса к языку, к тем его сторонам, которые делают наш язык «выразителем и властителем наших дум» (Л. В. Щерба).

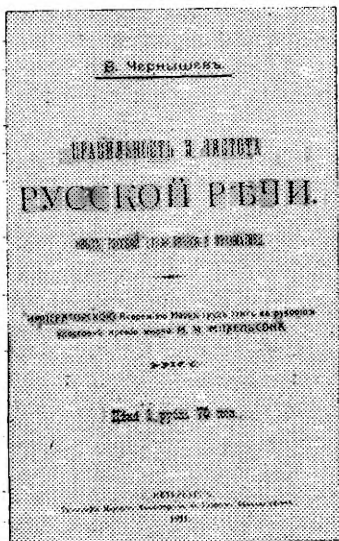
В советское время разработка стилистики начинается с вопросов языка художественной литературы, с проблематики художественной, или поэтической речи. Это было связано, с одной стороны, с тем, что первые попытки исторического осмысления русского литературного языка нового времени в дооктябрь-

ский период строились на основе изучения языка крупнейших писателей (см. работы Я. К. Грота, К. С. Аксакова, Е. Ф. Будде, отчасти Ф. И. Буслаева). С другой стороны, тем, что, по свидетельству Л. В. Щербы, в 10—20-е годы XX века и в языкознании и в обществе пробудился интерес к языку как деятельности человека, направленной «всякий раз к определенной цели, к наилучшему и наименее удобному выражению своих мыслей и чувств... Прежде всего поэты... стали более или менее сознательно относиться к языку...» (Л. В. Щерба. Языковая система и речевая деятельность. М., 1974, с. 102).

В области изучения языка художественной литературы, поэтической речи большие достижения принадлежат М. М. Бахтину, С. И. Бернштейну, В. В. Виноградову, Г. О. Винокуру, В. М. Жирмунскому, Б. А. Ларину, А. М. Пешковскому, В. Б. Шкловскому, Л. П. Якубинскому, а также Р. Р. Гельгардту, А. И. Ефимову, А. В. Чичерину и др.

Следует особо подчеркнуть значимость для становления стилистики как науки в 20-е годы сборников «Русская речь» (вып. I. Пг., 1923; Новая серия, вып. 1—3, Л., 1927—1928) под редакцией Л. В. Щербы, которые сыграли важную роль в определении задач и основных направлений стилистических исследований, в их углубленном теоретическом обосновании и в организации исследовательских усилий вокруг актуальных проблем молодой отрасли отечественной лингвистики.

Разработка стилистики языковых единиц в конце 20-х годов ставится в связь с изучением проблем культуры речи, интерес к которым «особенно сильно возрос у нас в советскую эпоху. Эти проблемы,— отмечал В. В. Виноградов,— сначала связывались очень тесно с более общими задачами так называемой «языковой политики» в связи с бурно развивающимися процессами становления и развития новых национальных литературных языков народов Советского Союза» (В. В. Виноградов. Проблемы культуры речи и некоторые задачи русского языкознания.— Вопросы языкознания, 1964, № 3). И в настоящее время вопросы культуры речи, литературной нормы переплетаются с систематическими исследованиями функционирования слов, форм, конструкций в разнообразных условиях и ситуациях современного речевого общения, с изучением закономерностей и особенностей употребления языковых единиц в социально обусловленных разновидностях русского литературного языка. В этом отношении показательны сборники «Вопросы культуры речи» (вып. I—VIII. М., 1955—1967), издававшиеся по инициативе и под руководством С. И. Ожегова. Данная непериодическая серия сыграла большую роль в углублении,

уточнении как проблематики, так и методов и приемов стилистического исследования.

В конце 20-х годов Г. О. Винокур выдвигает задачу разработки «практической стилистики» как учения «о средствах языка» и учения «о языковых заданиях, с точки зрения разнообразного применения языковых средств в каждом из них». «Речь устная и письменная,— писал Г. О. Винокур,— ораторская и разговорная, канцелярская и поэтическая, и митинговая, и парламентская, докладная записка или указ, беседа с приятелем и дипломатический обмен любезностями, язык в прозе и в стихах — все эти языковые задания, вместе с прочими бесчисленными явлениями, которые можно продолжить в каждом из этих видов и подвидов, требуют своих средств выполнения и своей „техники“. Этим средствам и их применению и учит практическая стилистика, иначе „прикладное языкознание“, или *suī generis* лингвистическая технология» (Г. О. Винокур. Культура языка. М., 1929).

Конкретно исследовательская разработка «практической стилистики», начавшаяся в конце 20-х — середине 30-х годов, была ответом на редакционно-издательские (К. И. Былинский, Д. Э. Розенталь) и отчасти школьные (К. Б. Бархин, М. А. Рыбникова) нужды. В стабилизации современных норм литературной речи, в совершенствовании русской речевой культуры наряду с «Толковым словарем русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова (1935—

1940) положительную роль сыграл труд К. И. Былинского «Практическая стилистика языка газеты» (1941), в котором были систематизированы и обобщены на основе литературных норм основные правила употребления грамматических форм, различных сочетаний слов, установлены общие закономерности словоупотребления. Это отвечало как внутренним потребностям языкового развития, так и целям развернувшейся в 30-е годы культурной революции.

В изучении вопросов грамматической стилистики исследователи 20-х — 30-х годов опирались на уникальные для своего времени разыскания в этой области, предпринятые еще в предреволюционные годы В. И. Чернышевым, обобщенные им в книге «Правильность и чистота русской речи. Опыт русской стилистической грамматики», СПб., 1911 (2-е изд.: 1914—1915, 3-е изд.: 1915; переизд. в книге: В. И. Чернышев. Избранные труды, т. 1. М., 1970) и отчасти на словари «трудностей» русской речи конца XIX — начала XX веков.

В 50-е годы нормативно-стилистическое, или «культурно-речевое» направление продолжает развиваться. Оно осложняется, с одной стороны, теоретическим осмыслением, углубленной разработкой проблематики нормы с выходом в общественную речевую практику. В этом отношении оказалась весьма продуктивной для дальнейших стилистических исследований постановка вопроса о литературных нормах В. В. Виноградовым (см. его рецензию на книгу А. Н. Гвоздева в журнале «Вопросы языкознания», 1952, № 6) и особенно С. И. Ожеговым (Очередные вопросы культуры речи, 1955). С другой стороны, становится типичным при изучении конкретных стилистических вопросов более глубокий и более дифференцированный функциональный подход к употреблению языковых единиц и категорий в современном речевом общении. Наряду с такими книгами, как: А. Н. Гвоздев. Очерки по стилистике русского языка. М., 1952, изд. 3 — 1965; А. И. Ефимов. Стилистика художественной речи. М., 1957, изд. 2 — 1961 (см. его же: Стилистика русского языка. М., 1969); Д. Э. Розенталь. Практическая стилистика русского языка. М., 1965, следует назвать, конечно, и сборники «Вопросы культуры речи» (1955—1967).

В 60-е годы нормативно-стилистическое направление сменяется функционально-стилистическим исследованием языковых единиц, на чем настаивали еще в 20-е годы Г. О. Винокур и Л. П. Якубинский. Цель этого исследования — установление экспрессивно-стилистической характеристики языковых единиц (и категорий) в различных условиях речевого общения. В эти же годы получают развитие статистические методы изучения грамматических категорий в текстах различной функциональной принадлежности

(см. работы Б. Н. Головина, Л. К. Граудиной, О. Б. Сиротининой и др.). Показателен труд Л. К. Граудиной, В. А. Ицковича и Л. П. Катлинской «Грамматическая правильность русской речи» (1976), в котором авторы стремятся показать и перечень грамматических вариантов, актуальных для современной речевой практики, и частотность, и особенности их употребления в книжной и разговорной речи.

Как уже отмечалось, в советском языкознании в середине 20-х годов наметился поворот к вопросам социолингвистики и семантики, к глубокому теоретическому (а также и исследовательскому) постижению функциональной стороны языка. «Речевая деятельность,— писал Л. П. Якубинский,— есть явление многообразное... и определяется всем сложным разнообразием факторов, функцией которых является человеческая речь. Вне учета этих факторов и изучения функционально соответствующих им многообразий невозможно ни изучение языка «как непосредственно данного живому восприятию явления, ни уяснения его генезиса, его „истории“» (Л. П. Якубинский. О диалогической речи. 1923).

В своих поисках обоснованной функциональной теории на путях все более глубокого постижения марксистско-ленинской методологии советское языкознание разрабатывает оригинальные концепции стилистической структуры литературного языка, откликаясь на актуальные для мирового языкознания первых десятилетий XX века идеи (в особенности Ф. де Соссюра, Пражского лин-

гвистического кружка). Начинается исследование функциональных разновидностей и типов русского литературного языка, причем особо выделяются вопросы форм и типов поэтической речи, разновидностей языка художественной литературы.

В этом отношении заслуживают внимания теоретические и исследовательские разработки Г. О. Винокура в области «языка газеты», выдвинутая Л. В. Щербой идея построения стилистики русского литературного языка на основе «концентрических кругов — основного и целого ряда дополнительных» (Л. В. Щерба. Современный русский литературный язык, 1938), и в особенности теоретические представления В. В. Виноградова о стиле, сформулированные в связи с задачами истории русского литературного языка («О задачах истории русского литературного языка...», 1946): «Стиль языка — это семантически замкнутая, экспрессивно ограниченная и целесообразно организованная система средств выражения», соответствующая тому или иному типу или форме речевого общения. В этой формулировке содержатся основы того понимания стиля как фундаментальной функциональной категории литературного языка, которое с 50-х годов станет общепринятым и исходным в теоретических построениях функциональной стилистики: «Стиль,— писал В. В. Виноградов в 1955 году,— это общественно осознанная и функционально обусловленная, внутренне объединенная совокупность приемов употребления, отбора и сочетания средств речевого общения в сфере того или иного общенародного, общенационального языка, соотносительная с другими такими же способами выражения, которые служат для иных целей, выполняют иные функции в речевой общественной практике данного народа» (В. В. Виноградов. Итоги обсуждения вопросов стилистики).

Проведенная на страницах журнала «Вопросы языкознания» в 1954 году дискуссия, начатая Ю. С. Сорокиным, имела громадное организующее воздействие на направление и характер дальнейшего развития стилистики. Центром стилистических разысканий стали проблемы функционального осмысления и повседневной речевой практики и литературного языка в целом и отдельных его разновидностей. Наблюдается решительный отход от «констатирующего» описания частных явлений, преобладает тенденция к систематическому и углубленному дифференцированному изучению стилей.

Для исследовательской практики последних десятилетий характерны динамический подход к стилистическому истолкованию языковых элементов и категорий. Так, исследование языка газеты В. Г. Костомаров видит в последовательном анализе «тех языковых категорий, которые систематично используются в языке газе-

ты в связи с ее объективными потребностями» (В. Г. Костомаров. Русский язык на газетной полосе. М., 1970).

В этом плане показательна работа М. Н. Кожина «О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими» (1972), в которой получили систематическое описание морфологические категории, актуальные для современного русского научного стиля, в соотношении друг с другом и в сопоставлении с аналогичными характеристиками этих же категорий в других стилях (см. также: К. А. Рогова. Синтаксические особенности публицистической речи, 1975). Типично и систематизированное изучение лингвистического содержания основных функциональных разновидностей русского литературного языка. Современные работы по русской стилистике опираются на солидную теоретическую базу отечественной науки — на труды Л. В. Щербы, В. В. Виноградова, Г. О. Винокура, А. М. Пешковского, Б. А. Ларина, В. М. Жирмунского. В этой связи следует выделить книгу В. В. Виноградова «Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика» (1963), которая играет важную конструктивную роль в становлении и развитии метода стилистических исследований.

Наряду с исследованиями публицистического, научного стилей, языка художественной литературы, в последнее время интенсивно разворачивается изучение русской разговорной речи, определился круг проблем, связанных с выяснением основных функциональных ее характеристик. Важно отметить, что данные проблемы активно разрабатываются после упомянутой дискуссии 1954 года,

особенно в связи с выдвинутым В. В. Виноградовым тезисом о необходимости разграничения типа языка и формы речевой деятельности. Эти вопросы разрабатываются Н. Ю. Шведовой, Е. А. Земской, Ю. С. Сорокиным, Т. Г. Винокур, О. Б. Сиротининой, О. А. Лаптевой и другими.

Углубленное систематизированное изучение функционального расслоения русского литературного языка и его наиболее крупных стилевых единиц приводит к постановке вопроса о многомерности «системы стилей» русского литературного языка (как и всякого другого современного развитого литературного языка).

Разработка русской стилистики, как и общих, теоретических проблем стилистики, связана прежде всего и главным образом с крупнейшими научными центрами — Ленинградом и Москвой. В последние годы складываются новые центры стилистических исследований. Таким центром стал Саратов. Значителен вклад в изучение русской стилистики и ученых Перми, Свердловска, Воронежа, Горького и других городов. Важную роль для русской стилистики играют исследования лингвистов Киева, Минска, Харькова.

С 50-х годов отмечается знаменательная для нашего времени закономерность: коллективное обсуждение актуальных вопросов стилистики на многочисленных конференциях, устраиваемых в Москве, Ленинграде, Киеве, Алма-Ате, Горьком и в других городах, в ходе дискуссий на страницах журналов «Вопросы языкознания», «Русский язык в национальной школе», «Вопросы литературы», «Вестник Московского университета. Серия журналистика».

Развитие стилистики русского языка в СССР характеризуется актуальностью обсуждаемых и разрабатываемых проблем, высоким теоретическим и исследовательским уровнем, что принесло ей международное признание.

Стилистика русского языка сложилась как ведущая отрасль советского языкознания, развиваясь на путях глубокого овладения марксистско-ленинской методологией, теоретически осмысливая и решая в своей исследовательской практике те задачи, которые ставит перед наукой о языке советское социалистическое общество в ходе культурного строительства и осуществления ленинской национальной политики.

Ю. А. БЕЛЬЧИКОВ

СЕРП И МОЛОТ

Шли матери полем в рассветные дали —
Серпы перетруженных слушались рук.
Отцы наши молоты к небу вздымали —
И звезды, искрясь, рассыпались вокруг.
Свет глаз материнских, что в сердце мы носим,
И подвиг отцов, что поднесь не забыт,
И молот, и серп, и звезда, и колосья —
Не это ли герб наш — Отечества щит?
Как много героев в сражениях ярых
За Родину пало в суровые дни!
Но молот и серп как бесценный подарок
Оставили нам не напрасно они.
Просты и мудры, словно опыт столетий,
Орудия эти пришли к нам давно,
И все, что бессмертно на нашей планете,
Их братским содружеством сотворено.
Откованный молотом серп — как примета,
Что красен и славен трудом человек.
Там доброю радостью сердце согрето,
Где молот и серп неразлучны вовек.
Сметает с дороги их сила живая
И сумрачных львов, и двуглавых орлов.
Они опояшут от края до края
Лучами простор, что прекрасен и нов.
И путь перед ними широкий и дальний,
И дел у них столько — работай, не стой!
Пусть молот не знает пустой наковальни,
Серпу не привидится колос пустой!

Петрусь Бровка

Солнце восходит не только из-за лесов, из-за моря,
Оно рождается утром в каждом открытом взоре.
Не только за цепью горной встает оно ранней ранью,
Из наших сердец открытых восходит его сиянье.
Его подняла когда-то краснознаменная осень.
С той светозарной даты солнце в груди мы носим.
Над новью, над стариною, над красотой земною.
Солнце восходит все выше, с тобой оно и со мною.

Вы должны пройти
Бороздою великой пахоты
И декреты советские первые

с земле и мире

Выучить наизусть...
Здесь начало наше

и наша сущность.

Юстинас Марцинкявичус,
Революция

ЯЗЫК ПЕРВЫХ ДЕКРЕТОВ

Декрет о мире был первым государственным, политическим, дипломатическим актом Советского правительства. Все было новым и необычным. Необычны были принципы межгосударственных отношений, провозглашение честных и открытых методов дипломатии, признание равноправия всех народов. Необычен и стиль этого обращения революционного правительства к народам воюющих стран. Естественно было ожидать, что такое обращение будет составлено из революционных лозунгов, насыщено эмоциональной, возвышенной лексикой. Но оно строго и деловито: «Рабочее и крестьянское правительство, созданное революцией 24—25 октября и опирающееся на Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, предлагает всем воюющим народам и их правительствам начать немедленно переговоры о справедливом демократическом мире». (Здесь и далее «Декрет о мире» цитируется по книге: «Декреты Советской власти». Т. I. М., 1957.)

Очень важно, каким языком обращается правительство к народу в трудные, опасные для страны исторические моменты. Вспомним, как говорили представители царского правительства с народом, например, в трудные годы войны 1812 года, когда войска Наполеона подходили к Москве.

«Когда до чего дойдет, мне надобно молодцов и городских, и деревенских; я клич кликну дни за два; а теперь не надо, я и молчу! Хорошо с топором, не дурно с рогатиной, а всего лучше вилы тройчатки: француз не тяжеле снопа ржаного...

... а чтобы скорее дело решить, Государю угодить, Россию одолжить и Наполеону насолить, то должно иметь послушание, усердие и веру к словам начальников, и они рады с вами и жить, и умереть. Когда дело делать, я с вами, на войну идти, перед вами, а отдыхать за вами. Не бойтесь ничего, нашла туча, да мы ее отдуем, все перемелется, мука будет...» (М. Богданович. История Отечественной войны 1812 г.). Так писал, стараясь выразиться понятно, «народным слогом», граф Растопчин.

Л. Толстой очень точно охарактеризовал эти «фольклорные» упражнения сиятельного патриота: «Ему не только казалось (как это кажется каждому администратору), что он управлял внешними действиями жителей Москвы, но ему казалось, что он руководил их настроением, посредством своих воззваний и афиш, писанных тем ёрническим языком, который в своей среде презирает народ

и которого он не понимает, когда слышит его сверху» (Л. Н. Толстой. Война и мир).

Просторечных, разговорных, диалектных, фольклорных элементов в языке декрета о мире, декрета о земле (как, впрочем, и в других декретах) нет. Более того, в них свободно используется книжная лексика, социально-политическая терминология: *аннексия, конфискация, контрибуция, эксплуатация, ультимативный* и др.

Вместе с тем эти слова не должны были и не могли остаться непонятными массе. Смысл их либо ясен из контекста, либо специально расшифровывается (толкование, «перевод», объяснение, подбор синонимов): «...таким миром правительство считает немедленный мир без аннексий (т. е. без захвата чужих земель, без насильственного присоединения чужих народностей)...»; «Вместе с тем правительство заявляет, что оно отнюдь не считает вышеуказанных условий мира ультимативными, т. е. соглашается рассмотреть и всякие другие условия мира...».

Но было бы неправильным считать, что здесь только объясняется иностранное, малопонятное слово, так как вскоре после приведенного толкования дается строго научное определение понятия «аннексия»: «Под аннексией или захватом чужих земель правительство понимает, сообразно правовому сознанию демократии вообще и трудящихся классов в особенности, всякое присоединение к большому или сильному государству малой или слабой народности без точно, ясно и добровольно выраженного согласия и желания этой народности, независимо от того, когда это насильственное присоединение совершено, независимо также от того, насколько развитой или отсталой является насильственно присоединяемая или насильственно удерживаемая в границах данного государства нация. Независимо, наконец, от того, в Европе или в далеких заокеанских странах эта нация живет».

Строго научное определение, «определение через род и видовое отличие», как учит логика, нечасто встречается в правительственных заявлениях. В данном случае с классовых позиций («сообразно правовому сознанию демократии вообще и трудящихся классов в особенности») точно указаны основные, существенные признаки понятия; оно объективно и соразмерно, хотя в нем использованы речевые фигуры. Например, повтор — «независимо от того...». Казалось бы повторение (анафора) излишне, достаточно было бы один раз написать «независимо от того...» и затем

деть в сопоставлении с существовавшими ранее определениями понятия «аннексия». Так, наиболее известный, авторитетный Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона писал: «Аннексия (лат. присоединение, присвоение). Этим наименованием обозначается присоединение области или края к другому государству, не основанное на формальном акте отречения прежнего государя. В новейшее время выражение это употребляется преимущественно по отношению к завоеванным Пруссией в 1866 году северогерманским государствам...» (приводится ряд частных примеров). Определение слишком узкое и не столько выявляющее, сколько скрывающее существенные признаки. «Формальное отречение» — совсем не то, что насильственное присоединение «малой или слабой народности без точно, ясно и добровольно выраженного согласия и желания этой народности». Другой Энциклопедический словарь (А. и И. Гранат и К^о) определял понятие «аннексия» так: «Присоединение какой-нибудь страны к другому государству, в особенности — присоединение не на основании формального акта, составленного в силу международного права». И здесь на первый план выдвигается «формальный акт» и совершенно неясным остается то, каким образом осуществляется «присоединение», как учитывается и учитывается ли вообще согласие и желание присоединяемой народности, каково соотношение или взаимоотношение присоединяемого и присоединяющего и др.

Однажды объяснив значение слова *аннексия*, затем дав строгое научное определение этого понятия, В. И. Ленин в следующем абзаце развивает, конкретизирует свою мысль:

«Если какая бы то ни было нация удерживается в границах данного государства насилем, если ей, вопреки выраженному с ее стороны желанию — все равно, выражено ли это желание в печати, в народных собраниях; в решениях партий или возмущениях и восстаниях против национального гнета, — не предоставляется права свободным голосованием, при полном выводе войска присоединяющей или вообще более сильной нации, решить без малейшего принуждения вопрос о формах государственного существования этой нации, то присоединение ее является аннексией, т. е. захватом и насилем».

В понятии «аннексия» важно не то, что это «присоединение», а то, что это присоединение без согласия народа, вопреки его желанию. Поэтому в рассматриваемом аб-

посредством лексического повтора): «Справедливым или демократическим миром...» и заканчивается указанием на то, что «таким миром правительство считает немедленный мир без аннексий...». В третьем выдвигается на первый план понятие «немедленно»: «Такой мир предлагает правительство России заключить всем воюющим народам немедленно...». В трех следующих развертывается (как это показано нами ранее) понятие «аннексия». Седьмой абзац заканчивается словами об исключении «всякой двусмысленности и всякой тайны при предложении условий мира». Именно с этого начинается восьмой: «Тайную дипломатию правительство отменяет...». Так обеспечивается логическая строгость и определенность выдвигаемых положений. Внутри абзацев каждое из выдвигаемых понятий и положений обстоятельно развивается, обеспечивая цельность всего текста декларации. Например, важно было заключить мир как можно быстрее. И вот уже в первом абзаце появляется слово *немедленно* («начать немедленно переговоры»), во втором говорится о «немедленном мире», но здесь еще усиливается понятие «мир», а в третьем усиливается понятие «немедленно» (показательно изменение логического ударения, другие формы выделения понятий): «Такой мир предлагает правительство России заключить всем воюющим народам немедленно, выражая готовность сделать без малейшей оттяжки тотчас же все решительные шаги, впредь до окончательного утверждения всех условий такого мира полномочными собраниями народных представителей всех стран и всех наций». Смысл *немедленно* в той или иной степени, более или менее полно повторяется (отражается) в других основных в данном абзаце лексических единицах: «без оттяжки» (плюс усиление — без «малейшей»), «тотчас же», «готовность», «решительные шаги». Кроме того, выделяется абсолютность желаний мира — «решительный», «окончательный», «все шаги», «всех стран», «всех наций». Слово *немедленно* (и заменяющие его понятия) появляются и в дальнейшем.

Чем диктовалась необходимость столь основательного, детального развертывания важнейших понятий, включая определение их, объяснение? Об этом сказал В. И. Ленин на II съезде Советов, предлагая декрет собравшимся: «Мы боремся против обмана правительств, которые все на словах говорят о мире, справедливости, а на деле ведут захватные грабительские войны» (Т. 35, с. 17).

Ни одно правительство, конечно, не стало бы возражать против справедливого, демократического мира вообще. До тех пор, пока не стоят вопросы — что значит «справедливый», в каком смысле «демократический»? Но без этих вопросов и сам призыв был бы бессодержательным. Практика показывает, как легко по-разному осмыслиются философские и политические термины. В. И. Ленин неоднократно предупреждал, что слова *свобода*, *демократия*, *революция*, *социализм* могут быть использованы для маскировки самой реакционной теории и практики.

В статье «О твердой революционной власти» читаем: «Надо только, чтобы фраза не темнила ума, не засоряла сознания. Когда говорят о „революции“, о „революционном народе“, о „революционной демократии“ и т. п., то в девяти случаях из десяти это лганье или самообман. Надо спрашивать, о революции *какого класса* идет речь? о революции *против кого?*».

Точность в словоупотреблении, общий строгий, деловой стиль лучше всего свидетельствовал о серьезности стремления Советского правительства к миру, о деловом подходе к сложным вопросам. Логичность, деловитость, строгость не исключали, разумеется, возможности использования экспрессивных, эмоциональных языковых средств. Эти средства, придавая торжественность документу, хорошо передавали настроение момента:

«Справедливым или демократическим миром, которого жаждет подавляющее большинство истощенных, измученных и истерзанных войной рабочих и трудящихся классов всех воюющих стран,— миром, которого самым определенным и настойчивым образом требовали русские рабочие и крестьяне после свержения царской монархии,— таким миром правительство считает немедленный мир без аннексий... и без контрибуций».

Выразительную основу этого высказывания составляет не лексика, не специальные изобразительные средства (метафора, сравнения, перифраза, гиперболы и др.), а синтаксис: простой повтор (без... без...), градационный повтор («истощенных, измученных и истерзанных»), парные объединения однородных определений («рабочих и трудящихся классов», «определенным и настойчивым образом»), а главное — общее периодическое построение всего высказывания: «... миром, которого... миром, которого... — таким миром...».

Еще более сдержанно, в деловом стиле написан «Декрет о земле». Декрет составлен из строгих юридических формулировок. Начинается он просто, без всякого введения:

«1) Помещичья собственность на землю отменяется немедленно без всякого выкупа.

2) Помещичьи имения, равно как все земли удельные, монастырские, церковные, со всем их живым и мертвым инвентарем, усадебными постройками и всеми принадлежностями переходят в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных Советов крестьянских депутатов, впредь до Учредительного собрания.

3) Какая бы то ни была порча конфискуемого имущества, принадлежащего отныне всему народу, объявляется тяжким преступлением, караемым революционным судом...» (В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 35, с. 24).

Бросается в глаза контраст между значительностью содержания и простотой его выражения. Формулы делового, юридического языка («собственность... отменяется», «имения, равно как все земли», «живой и мертвый инвентарь», «переходят в распоряжение», «впредь до...», «конфискуемое имущество», «объявляется тяжким преступлением», «преступлением, караемым»; в том же направлении действует и книжный синтаксис — дополнения и обособления, причастные обороты) придавали, конечно, особую весомость, серьезность документу.

Вместе с тем революция могла говорить и другим языком — все определялось задачами момента, целевой установкой. Вспоминая о первых днях Советской власти, В. И. Ленин позднее, на XI съезде РКП(б) говорил:

«У нас была полоса, когда декреты служили формой пропаганды. ...эта полоса была законной, когда большевики взяли власть и сказали рядовому крестьянину, рядовому рабочему: вот как нам хотелось бы, чтобы государство управлялось, вот декрет, попробуйте. Простому рабочему и крестьянину мы свои представления о политике сразу давали в форме декретов. В результате было завоевание того громадного доверия, которое мы имели и имеем в народных массах» (Т. 45, с. 111).

Пропаганде социализма, завоеванию доверия масс во многом способствовала форма выражения новых мыслей, сам язык первых декретов.

В. В. ОДИНЦОВ

Рисунок В. Толстоногова

СОВЕТСКАЯ ПРОЗА 20-х ГОДОВ

Великая Октябрьская социалистическая революция, открывшая новую эру человечества, дала художникам слова неповторимый, возвышенный по своему содержанию и исторической значимости материал, вдохновила на творчество, которое стало летописью времени. «Мой родной народ на своих исторических путях шел вперед не по торной дороге, — говорил М. А. Шолохов в Стокгольме при вручении ему Но-

белевской премии.— Это были пути первооткрывателей, пионеров жизни. Я видел и вижу свою задачу как писателя в том, чтобы всем, что написал и напишу, отдать поклон этому народу-труженику, народу-строителю, народу-герою, который ни на кого не нападал, но всегда умел с достоинством отстоять созданное им, отстоять свою свободу и честь, свое право строить себе будущее по собственному выбору» (М. Шолохов. По велению души).

Зачинателем того нового литературного движения, которое связывало будущее нашей страны и всего человечества с революцией, народовластием, стал задолго до Октября гениальный художник слова Алексей Максимович Горький. Непримируемость к насилию, рабству, прогнившему до основания самодержавному строю, власти помещиков и буржуазии, вера в светлое будущее народа—эти чувства пронизывают все творчество буревестника революции. Необычайно широкий диапазон его мышления, глубина правды, народность, гуманизм, боевой наступательный порыв («Пусть сильнее грянет буря!») определили особенные черты революционной литературы вообще, творчество тех, кто шел за Горьким и стал первооткрывателем темы Октябрьской революции.

Культура эксплуататорских классов уже в конце прошлого века обнаружила признаки упадка, загнивания вместе с породившим ее социальным строем. В искусстве решалась судьба реализма: величайшее достижение художественной мысли человечества, созданное Пушкиным, Бальзаком, Гоголем, Флобером, Толстым, Мопассаном, Чеховым, мастерами живописи и музыки, стало рассматриваться с позиций разных модных течений как явление архаическое, не соответствующее стремительному темпу жизни, утончившейся психологии человека двадцатого столетия. Субъективизм, индивидуализм, «темный язык» становились нормой «изысканного вкуса». Открывался простор для формалистических упражнений.

Л. Толстой в 1897 году писал:

«Так и говорят прямо теперешние художники: „Я творю и понимаю себя, а если кто не понимает меня, тем хуже для него“.

Утверждение о том, что искусство может быть хорошим искусством, а между тем непонятным большому количеству людей, до такой степени несправедливо, последствия его до такой степени пагубны для искусства, и вместе с тем так оно распространено, так въелось в наше

И. Бунин, чутко осознав тупик, в который заходила дворянско-буржуазная культура, однако, не понял, что удержать художественное творчество в главном русле, которое было проложено тысячелетним развитием прогрессивных тенденций, обогатить новыми достижениями, мог только революционный народ.

Как известно, и в период Октября вопрос о художественной литературе разрешался не без ожесточенных стычек. И после революции пришлось преодолевать то литературное поветрие, которое пришло от дореволюционного времени с воинственными лозунгами формализма, нигилизма, ниспровержения классиков. Это нашествие деклассированных групп из интеллигенции грозило захлестнуть молодую советскую литературу. А. Серафимович так определял «размежевание» сил:

«Одни пишут по старинке, не мудрствуя лукаво, как писали лет семьдесят тому назад...

Другие, наоборот, кинулись за самыми последними литературными течениями. Или за самыми крикливыми, цветистыми формами... Слова в простоте не скажут.

Наконец, здоровая часть пролетарских писателей впитывает в себя все здоровое и лучшее, что было в русской литературе. Как пчела собирает мед с каждого цветка, так они собирают лучшее, ценное у старой литературы. Но забирают не зря, не слепо, не подражательно, а перерабатывают по-своему, вносят частицу своего я. Они взяли у старых писателей простоту и значительность содержания, и у новейших — экономику слов, сжатость, ритмичность, остроту образов» (А. С. Серафимович. Сборник неопубликованных произведений и материалов. М., 1958).

Непосредственное вмешательство В. И. Ленина, призывавшего строить культуру на основе творческого, критического усвоения всех созданных ранее человеческим гением богатств, осудившего вульгаризаторские взгляды пролеткульта, навязывание народу извращенных эстетических представлений, «когда сплошь и рядом самое нелепое кривляние выдавалось за нечто новое, и под видом чисто пролетарского искусства и пролетарской культуры преподносилось нечто сверхъестественное и несуразное» (В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 38, с. 330). Ленинские высказывания о языке советской эпохи, систему которого он стремился сохранить и защитить от теоретиков того же пролеткульта, футуристов,

имажинистов и всяких прочих «леваков»,— это вмешательство укрепляло позиции той «здоровой части» литераторов, о которой говорил Серафимович.

Даже в наше время можно встретить порой попытку пересмотреть историю, приподнять «левые» течения, экспериментаторские опусы, как, якобы, начало подлинно творческое, новаторское, обогащавшее искусство и выразительные средства языка. На самом же деле, заумь, кривляние, словесное трюкачество уводили далеко в сторону от подлинно художественных решений, от реализма. Если брать для сравнения прозу первых лет революции, то ведь не А. Белый и Б. Пильняк создали те полотна, которые составили художественную ценность,— их дали нашему народу и всему человечеству М. Горький, А. Серафимович, Вс. Иванов, Ю. Либединский, Д. Фурманов, Л. Сейфуллина, А. Фадеев, А. Неверов, К. Федин, А. Толстой, Л. Леонов, А. Малышкин, Б. Лавренев, Л. Соболев, И. Бабель, Ф. Gladков, А. Чапыгин, Ю. Тынянов, О. Форш и другие. Если кто-то из них поддавался иногда «игре в форму», нарочито затрудненную, хаотичную, невообразимо пеструю, то они вскоре увидели всю пагубность этой манеры замкнутого в себе, «зашифрованного» письма, приводившей каждый раз к нарушению контакта с читателем. В этом самокритично признавался, например, Вс. Иванов, увлекавшийся одно время орнаментализмом.

Опыт большой литературы первых лет революции свидетельствует о том, что живое, трепетное, по-настоящему волнующее слово приходит к художнику только с большими идеями, переживаниями общенародного масштаба. Слово здесь становилось выстрадавшим, глубинным, зачерпнутым из полноводной реки национальной жизни. Писатель знал свое время, народ, чувствовал пафос истории. Об этом поколении Маяковский сказал: «Мы диалектику учили не по Гегелю. Бряцанием боев она врывалась в стих».

Будущие мастера слова находились в боевом строю, когда огненное кольцо фронтов стягивалось в тугой узел. Голодный паек, теплушки, тиф, окопы — все это они перенесли вместе с рядовыми красноармейцами. Много ездил по фронтам А. Серафимович, комиссаром легендарной Чапаевской служил Д. Фурманов, в партизанском отряде воевал А. Фадеев, пулеметчиком сражался в Первой конной Вс. Вишневский, познали фронтовую страду А. Малышкин, Б. Лавренев, Л. Соболев, И. Бабель. Вс. Иванов

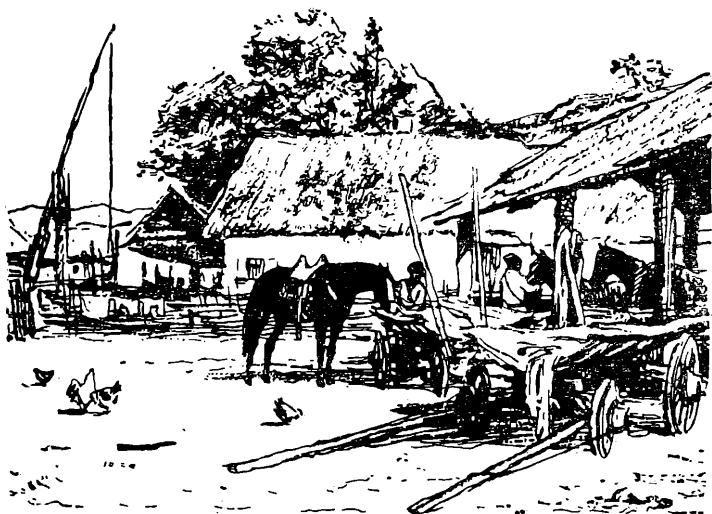
Д. Фурманов. «Мятеж» (М., 1925). Обложка первого издания

А. Фадеев. «Разгром». Иллюстрация О. Верейского

партизанил в Сибири, Л. Леонов был среди тех, кто брал Перекоп, совсем юный М. Шолохов служил в продотряде, «гонялся за бандами» на Дону. «Может быть, не в том и была наша задача,— говорил Л. Леонов, вспоминая горячее время,— чтоб немедленно и до конца изъяснить разверзающуюся новь, наполненную вспышками молний, содроганиями тверди, грохотом исполинской ломки. Порою бумага тлела в наших руках! Не в том ли заключалась обязанность наша, чтобы пронести светильник гуманистической литературы сквозь бурю величайшего преобразования, довести до сведения потомков—как же свершалось все это? Еще не одно поколение литераторов впереди займется изображением и осмыслением баснословных дней и подвигов минувшего полувека, после которого иначе стали выглядеть людские души и поверхность этой страны» (Л. Леонов. Литература и время, М., 1967).

Прозу наших ведущих писателей того времени отличает поразительная новизна впечатлений, действительность рассматривается в упор, герои ходят по книгам как живые, события передаются с кинематографической яркостью и динамикой. Не надо было мучительно придумывать сюжеты—они сложились сами по себе, навек остались в памяти людей остро драматические, с отблеском

пожаров и лязгом оружия, пыльными трактами, ночевками под открытым небом, ржанием коней, звуками горна, мечтами о будущем...

На главном месте в этих книгах — трудовые массы. Или это растянувшаяся на многие версты кубанская гольтьба, ринувшаяся вдоль Черного моря на соединение с красными частями (Железный поток), или несметное множество штурмующих Перекоп и рвущихся в Крым (Падение Даира), или чапаевские орлы, наводящие своим бесстрашием ужас на белогвардейцев.

Конечно, не все художники одинаково разбирались в сложном процессе, но в «Железном потоке», «Чапаеве», «Барсуках», «Разгроме», «Донских рассказах», «Тихом Доне» и других произведениях постоянное и особое внимание к той силе, которая придавала народному движению организованность и целеустремленность, освещала, как факелом, путь вперед. Этой сплывающей, направляющей силой стала ленинская партия, люди, проводившие ее политику в массы.

Иначе подходили к событиям, скажем, В. Шишков, А. Яковлев, А. Веселый, И. Бабель. В их творчестве — очень заметная поэтизация стихийности, вольницы, разгула, «партизанщины», и их герои, хотя и борются за новое, не всегда осознают свои поступки. Это, тем не ме-

нее, не лишает прозу такого рода познавательных и художественных качеств.

Проза первых лет революции замечательна тем, что укрепляла реализм и развивала его дальше, она была обращена к миллионам людей из бывших «низов» общества, основывалась на большой правде века, подчеркнуто осуществляла, наряду с эстетической, цель широкого народного просвещения.

Всюду в этой прозе присутствует выразительный народный язык. Писатели становились первооткрывателями драгоценных сокровищ, знали цену образному слову масс, красочно строили диалог. Постоянное обращение к сказовым жанрам в большинстве случаев было оправданным, обогащало стилистические приемы.

Прозаики очень чутки к мелодии фразы, песенному строю. Их привлекает поэтика «Слова о полку Игореве», былин, сказаний, они опираются на те образцы, которые насыщены элементами разговорной речи — произведения Гоголя, Щедрина, Лескова, Г. Успенского, Горького.

В наше время, когда так часто говорят о среднем стилистическом уровне ряда произведений, нивелировке языка, важно изучить, как пример, четко выраженный индивидуальный стиль в прозе двадцатых годов.

Тогда же начали создаваться классические образцы эпоса двадцатого века, которые отражают состояние истории, отмеченное интенсивным проявлением народных сил, переходами, переломами, потрясениями в жизни общества. В эпосе писатель проявляет всю широту исторического мышления, проникновенное чувство народности и — как результат всего — высшую степень мастерства.

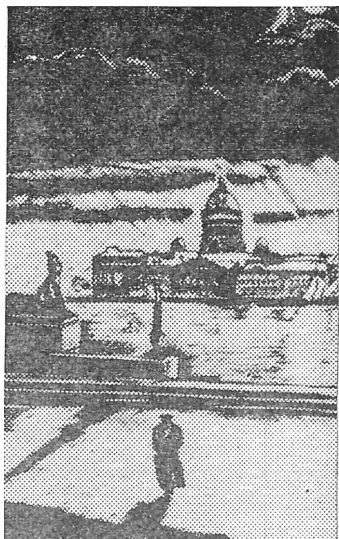
Три эпопеи знает наша литература о периоде революции — «Жизнь Клима Самгина» М. Горького, «Хождение по мукам» А. Толстого, «Тихий Дон» М. Шолохова. Они зародились в те годы и отразили своим непосредственным материалом истории, проблематикой и монументальной формой величественную, сложную, противоречивую, стремительно идущую вперед эпоху с ее предельным напряжением борьбы, пафосом и драматизмом. Эти создания — без всякого преувеличения — взлет в истории литературы, достижение мирового искусства, особенно разительное на фоне того упадка культуры, который был в нашей стране до Октября и продолжается в буржуазных странах по сей день.

Самый факт рождения нового эпоса в стране революции свидетельствует еще раз о том, что эпопея возможна лишь как искусство восходящего класса, который возглавляет прогресс, познает жизнь на большом и близком расстоянии, в больших и малых масштабах, изучает все классы и прослойки общества.

Эти книги, в особенности «Тихий Дон», породили огромную исследовательскую литературу у нас и за рубежом. Теоретики разрешают на их основе самые злободневные проблемы социального, политического, эстетического плана, убеждаются в том, что только на путях широкого художественного освоения жизни с позиции прогрессивного мировоззрения, только при мысли о судьбах человечества, только при наличии точных представлений об исторических путях мирового прогресса возможно настоящее, подлинно народное искусство всеобъемлющей формы.

Литература двадцатых годов уверенно прокладывала путь к познанию далекого прошлого в его кульминационных моментах, когда на арену выступали народные массы. В лучших образцах исторического повествования находим и правильное понимание традиции, и изумительную силу «зрительности», достигаемую совершенным знанием языка того времени.

Если считать, что литература есть познание человека, который перестраивает мир силой воли и разума, то советская проза 20-х годов в противовес упадочным модернистским течениям, — сделала широкий и уверенный шаг, став ярким достижением человеческой культуры.

О. Форш. «Одегь камнем» (М., 1937). Иллюстрация Л. Хижинского

Ф. Г. БИРЮКОВ

Рисунок Ю. Космынина

К 175-летию со дня рождения

Александр Иванович ОДОЕВСКИЙ

1802—1839

В начале января 1827 года А. С. Пушкин передал А. Г. Муравьевой, отъезжавшей из Москвы к мужу на каторгу, послание декабристам: «Во глубине сибирских руд...», в котором великий поэт призывал осужденных хранить «гордое терпенье» и веру в грядущую победу:

Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут — и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут.

Свободный голос А. С. Пушкина проник «сквозь мрачные затворы» в каторжные норы декабристов, его друзей, товарищей и братьев и вдохновил А. И. Одоевского на «Ответ»:

...Наш скорбный труд не пропадет:
Из искры возгорится пламя, —
И просвещенный наш народ
Сберется под святое знамя.
Мечи скуем мы из цепей
И вновь зажжем огонь свободы:
Она нагрянет на царей, —
И радостно вздохнут народы.

Это стихотворение, написанное от лица декабристов, поражает нас своей политической

Ответ
 А. Одоевского
 на послание
 Пушкина.
 Список
 принадлежащая
 декабристу
 В. Ф. Раевскому

Ответ на послание
 Пушкина

Свирель возмужавшая, ты слышишь, слышишь
 Где плывет к нам, к нам, к нам
 Ты слышишь, слышишь, слышишь, слышишь
 Ты слышишь, слышишь, слышишь, слышишь

Ты слышишь, слышишь, слышишь, слышишь
 Ты слышишь, слышишь, слышишь, слышишь
 Ты слышишь, слышишь, слышишь, слышишь
 Ты слышишь, слышишь, слышишь, слышишь

Ты слышишь, слышишь, слышишь, слышишь
 Ты слышишь, слышишь, слышишь, слышишь
 Ты слышишь, слышишь, слышишь, слышишь
 Ты слышишь, слышишь, слышишь, слышишь

зрелостью и силой выражения. Не удивительно, что строка из этого стихотворения — «Из искры возгорится пламя» стала эпиграфом газеты «Искра», издававшейся в 1900—1903 годах под руководством В. И. Ленина.

А. И. Одоевский родился 26 ноября (8 декабря) 1802 года в Петербурге, в семье, принадлежащей старинному роду удельных князей Черниговских. Получил он прекрасное домашнее образование и воспитание под руководством университетских профессоров и лучших гувернеров столицы.

Девятнадцати лет (1821) Одоевский поступил юнкером в лейб-гвардии гусарский полк, через два года был произведен

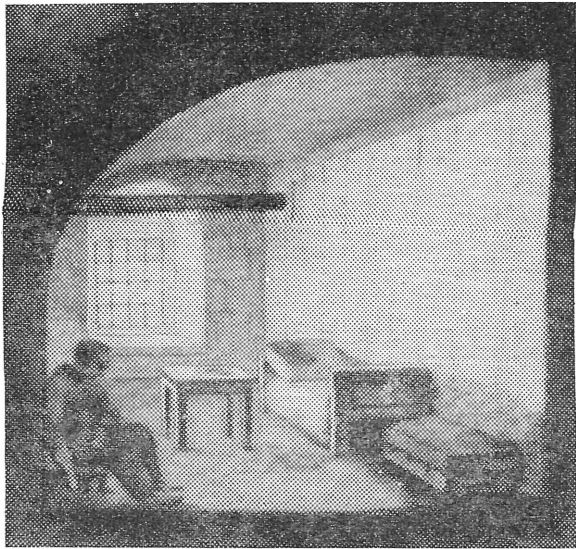
*Камера декабристов
в Петропавловской
крепости.
Рисунок
неизвестного
художника*

в корнеты. Увлекающийся, пылкий юноша вошел в круг передовой молодежи, особенно подружился с А. С. Грибоедовым, который познакомил его с Рылевым, А. Бестужевым и другими.

Одоевский живо интересовался литературой, писал стихи и мечтал посвятить себя служению искусствам и наукам. Из ранних юношеских стихотворений Одоевского почти ничего не сохранилось. Известны лишь «Молитва русского крестьянина» и то во французском прозаическом переводе, из которого можно узнать о свободолюбии и отрицательном отношении юноши к крепостному праву.

В стихотворении «Бал», опубликованном в 1830 году, светское общество представлено бездушным, в образе пляшущих скелетов. Антиправительственный характер носит и стихотворение «Безжизненный град», обнаруженное у декабриста Трубецкого после его ареста.

Общественно-политические вопросы, занимавшие в 20-е годы XIX века мыслящую русскую молодежь, волновали и Одоевского. Недовольство царским произволом и горячая любовь к России тесно сблизили Одоевского с видными деятелями революционного подполья — Рылевым, А. Бестужевым и другими. Летом 1825 года Одоевский был принят в Северное тайное общество. Он встал

на путь революционной борьбы и был одним из воодушевленных членов общества. Незадолго до восстания декабристов он радовался, что пришло время действовать. После 14 декабря 1825 года А. И. Одоевского, активно участвовавшего в восстании, постигли суровые и долгие испытания: одиночное заключение в Петропавловской крепости, каторга в Читинской и Петровской тюрьмах (за Байкалом), ссылка. После десятилетнего пребывания в Сибири Одоевский в 1837 году был назначен рядовым в Новгородский драгунский полк, стоявший на Кавказе, куда в это же самое время был сослан М. Ю. Лермонтов, который познакомился здесь со многими декабристами, переведенными из Сибири на Кавказ. Особенно сблизился Лермонтов с А. И. Одоевским. В 1839 году, находясь в военной экспедиции, Одоевский заболел малярией и 15 (27) августа умер в крепости Псезуане (ныне пос. Лазаревское, близ Сочи). М. Ю. Лермонтов посвятил его памяти стихотворение, полное глубокой любви:

В толпе людской и средь пустынь безлюдных
В нем тихий пламень чувства не угас:
Он сохранил и блеск лазурных глаз,
И звонкий детский смех, и речь живую,
И веру гордую в людей, и жизнь иную.

Памяти А. И. О[доевско]го

В 1838 году в Пятигорске познакомился с Одоевским Н. П. Огарев, который впоследствии написал: «Одоевский был, без сомнения, самым замечательным из декабристов, бывших в те времена на Кавказе» («Полярная звезда» на 1861 год).

Для Огарева Одоевский был примером в избранной им революционной борьбе. Поэтическая деятельность А. И. Одоевского развернулась после 14 декабря 1825 года. Почти все его литературное наследство относится к периоду пребывания на каторге в Читинской и Петровской тюрьмах. Декабрист Н. И. Лорер удостоверяет, что Одоевский был «главным поэтом» узников, которого все любили и относились к нему бережно.

Дружеская атмосфера в тюрьме помогла поэту освободиться от тягостных дум и переживаний, вызванных поражением декабристов. Он активно включился в жизнь «каторжной академии», организованной узниками на Петровском заводе в просветительских целях. Наряду с другими декабристами — Никитой Муравьевым и Н. П. Репиным, читавшими лекции по военным наукам, Е. П. Оболенским — по философии, М. П. Свиридовым — по истории средних веков, П. А. Мухановым — по русской истории, Ф. Б. Вольфом — по физике, химии и анатомии, Ф. Ф. Вадковским — по астрономии и др., А. И. Одоевский прочитал по памяти цикл лекций по русской литературе от «Слова о полку Игореве» и занимался преподаванием русского языка. А. Е. Розен вспоминал, что с ним Александр Иванович занимался четыре года, составил для него свод грамматических правил (русскую грамматику). Широту эрудиции Одоевского и его поэтический талант, умение экспромтом отвечать на вопросы «премилыми» стихами ценили все, но сам поэт пренебрегал своим дарованием. Его стихи дошли до нас благодаря друзьям, которые их записывали, перелагали на музыку. Одно из стихотворений «Славянские девы» (1830) положено на музыку декабристом Ф. Ф. Вадковским, превосходным скрипачом; оно дошло до нас, как песня, мотив ее, к сожалению, утрачен (см.: «Песни русских поэтов». — Библиотека поэта, м. серия, 2 изд., 1950, с. 161 — 162).

А. И. Одоевский в своих стихотворениях отразил жизнь узников, главным образом, в сфере нравственной идеологии.

Что за кочевья чернеются
Средь пылающих огней, —
Идут под затворы молодцы
За святую Русь.
За святую Русь неволя и казни —
Радость и слава.
Весело ляжем живые
За святую Русь.

Стихи на переход наш из Читы
в Петровский завод

Откликнулся Одоевский и на такое важное событие, как добровольный приезд на постоянное жительство жен декабристов к своим мужьям. Поэт называет их благими вестниками providения: они

явились как дочери земли,
и узникам, с улыбкой утешенья,
любовь и мир душевный принесли.

Кн. М. Н. Волконской

В суровых условиях каторги Одоевский создал ряд подлинно революционных стихотворений, в которых мужественно отстаивает святое дело декабристов, их трагический подвиг, их веру в грядущее торжество свободы.

Думая о повешенных декабристах, устами скальда поэт говорит:

За павших ваш меч отомстит...
И где б ни потухнул наш пламенный жизни,
Пусть доблестный дух до могилы кипит,
Как чаша заздравная в память отчизны.

Скальд

В польской революции 1831 года поэт увидел связь с делом декабризма и посвятил этому событию стихотворение «При известии о польской революции»:

Вы слышите: на Висле брань кипит! —
Там с Русью лях воюет за свободу
И в шуме битв поет за упокой
Несчастных жертв, проливших луч святой
В спасенье русскому народу.

Сочувствие и интернациональную солидарность к освободительной борьбе славянских народов поэт высказал и в гимне «Славянские девы» и других стихах.

В «Элегии» (В. И. Ланской) (1829) грустные раздумья поэта о людских судьбах сменяются утверждением жизни.

Но вечен род! Едва слетят
Потомков новых поколенья,
Иные звенья заменят
Из цепи выпавшие звенья;
Младенцы снова расцветут,
Вновь закипит младое племя,

Интересна «Колыбельная песня» (1832), посвященная младенцу, родившемуся в Петровской тюрьме, сыну декабриста Андрея Евгеньевича Розена. В честь Кондратия Рылеева младенец получил имя Кондратий. Песня эта — своеобразное завещание новому поколению: А. И. Одоевский, обращаясь к младенцу, говорит, что вместо небесного ангела хранителя к нему явится другой, земной хранитель, в образе К. Ф. Рылеева:

С любовью на тебя свой ясный взор он склонит,
И на тебя дохнет, и в душу огонь заронит!
И очи с трепетом увидят, как венец
Вкруг выи синий пламень вьется,
И вспомнишь ты земной его конец,
И грудь твоя невольно содрогнется!

Но он, даруя цель земному бытию,
По верному пути стопы твои направит, —
Благословит на жизнь, а не на смерть свою,
И только жизнь в завет тебе оставит.

Значительное место в творчестве Одоевского занимают стихотворения на национально-исторические темы. В 1833 году поэт писал, что с очень давних пор история служит источником его обычных вдохновений — древняя история, столь простая, иногда столь прекрасная в устах наших монахов-летописцев. В 20-х и в начале 30-х годов XIX века оживился интерес к проблемам национальной русской культуры и национального литературного языка. Характерным для поэзии Одоевского являются декабристские темы «смутных» периодов русской истории: воспевание древнерусских очагов вольницы Новгорода и Пскова, борющихся с Московскими царями.

Вдохновленный героической борьбой древнерусских республик, погибших в XVI веке в неравной борьбе с московским «самовластием», Одоевский написал стихотворения: «Неведомая странница», отрывок из «Послов Пскова», «Кутья», «Старица-пророчица».

В поэтическом наследии поэтов-декабристов и их эстетических воззрениях — К. Ф. Рылеева, В. К. Кюхельбекера, В. Ф. Раевского, А. А. Бестужева, А. И. Одоевского и других — безусловно есть много общего. Все они боролись за национально-освободительное, демократическое, самобытное искусство. Все они отрицательно относились к языку карамзинистов, который считали «приторным, искусственно тощим, приспособленным для немногих». Их мнения сводились к тому, что «недовольно присвоить себе сокровище иноплеменников: да создается для славы Рос-

сии... поэзия истинно русская... Вера праотцов, нравы отеческие, летописи, песни и создания народные... — лучшие, чистейшие, вернейшие источники для словесности» («Мнемосина», ч. II, 1824, с. 38).

В своем художественном развитии поэзия декабристов прошла сложный путь: от классицизма к активному романтизму, к этапу борьбы за реализм, за правдивое изображение жизни. Каждый из поэтов-декабристов шел своим творческим путем, по-своему претворяя в искусстве новые литературные принципы, темы, жанры, творчески опираясь при этом на родоначальника новой русской литературы и русского литературного языка А. С. Пушкина.

А. И. Одоевский обладал собственным поэтическим голосом. Он искал в поэзии новые непроторенные пути. Если поэты-декабристы, изображая древнерусскую «вольницу», мало считались с историей, не стремились при этом к ее правдоподобию, идеализировали историю, то Одоевский, в отличие, скажем, от «Дум» Рылеева, стремится воссоздать древнерусский колорит, основанный на фактах истории, избежать анахронизмов, то есть неправильного приурочения событий и явлений одной эпохи к другой. Скорбные рассказы Одоевского о задавленной вольности древнерусских республик и их героях отличаются суровым и трагическим лиризмом. Но вместе с тем, — это и отклик на поражение декабристов. Так, неведомая странница говорит восставшим:

Вас цепи ждут, бичи, темницы тесные;
В страданиях пройдет за годом год.

Нет, — веруйте в земное воскресение:

В потомках наше племя оживет,

И чад моих святое поколение

Покроет Русь и процветет.

Неведомая странница

Декабристы, создавая поэзию истинно русскую, естественно обращались к народным песням. Рылеев в «Войнаровском» и «Наливайко» обращается к украинским песням, Бестужев-Марлинский пишет якутскую балладу «Саатырь», Кюхельбекер создает «Песню лопаря», Одоевский пытается обновить классическую систему стихосложения, широко применяет русские народные песенные размеры. Гимн «Славянским девам» заканчивается мотивом русской народной песни:

Старшая дочь в семействе славяна
Всех превзошла величием стана, —
Славой гремит, но грустно живет:
В тереме дни проводит, как ночи,
Бледно чело, заплаканы очи,
И заунывно песни поет.
Что же не выйдешь в чистое поле,
Не разгуляешь грусти своей?
Светло душе на солнышке-воле
Сердцу тепло от ясных лучей...

В стихотворении «Дальний путь» слышатся народные напевы:

С другом любо и в тюрьме! —
В душе молвит красна девица, —
Свет он мне в могильной тьме...
Встань, неси меня, метелица...

К творческим достижениям А. И. Одоевского относятся и такие стихотворения, как «Сон поэта», «Умирающий художник» (на смерть Д. В. Веневитинова), «Последняя надежда» (Е. А. Баратынскому), «Элегия» (на смерть Грибоедова), «Элегия» (В. И. Ланской) — «Что вы печальны дети снов», «Тризна» и другие.

Поэт возрождал жанр элегии и обогащал его психологическим содержанием, придавал элегии эмоциональный тон, тон «исповеди сердца». Делая попытки осмыслить исторический опыт в жанре элегии и соединить личные переживания с гражданскими, стремясь к философскому и эстетическому осмыслению изображаемой действительности, Одоевский наметил путь к становлению лермонтовского стиля.

Заметна заслуга Одоевского в разработке традиционной темы о поэте и поэзии, получившей у него философское осмысление. Вклад Одоевского в русскую поэтику, в частности в область строфики и рифмы, оказал благотворное влияние на последующее развитие русской поэзии. Освободительный пафос его вдохновенных стихов служит нашей социалистической культуре и зажигает «лучом своим дум высоких вдохновенье».

С. М. КЛЮЕВ

ВРЕМЯ ЛЕНИНА

Внимая чутко день за днем
Календарю традиционному,
Мы счет годам своим ведем
По летоисчисленью новому.

Начало летоисчисления —
С «Авроры» залпа, штурма Зимнего,
Неудержимо Время Ленина,
Полно сиянья негасимого.

Оно в сражениях проверено,
Свершеньями оно отмечено,
Необозримо Время Ленина —
Река бурлящая и вечная!

Оно и грозное, и звездное,
Судьбой высокою подарено.
В нем — подвиг Щорса и Матросова,
В нем — слава гордая Гагарина.

На карте века обозначены
Пути и новостройки главные,
Дни наши яркие, горячие,
Столетиям миновавшим равные!

Метут снега, и вихри кружатся,
Но людям все сильнее верится
В эпоху мира и содружества,
Добра и счастья человечества.

Оно врывается апрелями
И сокрушает льды-сомнения...
Неудержимо Время Ленина —
Пора весны. Пора цветения!

Живем, сердцами остро чувствуя
То время гулкое, летящее.
В нем ясно видится грядущее
Сквозь будничное настоящее

Непобедимо Время Ленина!
Точней и выше нет понятия.
Нас в новый день ведет уверенно
Коммунистическая партия!

• • • • •

При жизни Сергея Никитина (1926—1973) вышло тридцать сборников его рассказов и коротких повестей. Никитин закончил Литературный институт имени А. М. Горького, который, по признанию самого писателя, дал ему очень много. Занимался он в семинаре известного литературного критика Николая Замошкина. Часто бывал на творческих семинарах К. Федина, К. Паустовского, В. Катаева. Он познакомился с Э. Казакевичем, который жил в то время во Владимирской области. Известный уже в то время писатель принял живое участие в творческой судьбе Никитина. В 1952 году в областном издательстве под редакцией Э. Казакевича вышел первый сборник молодого автора «Возвращение», состоящий из семи рассказов. Пахнущий типографской краской этот сборник Сергей Никитин представил в качестве дипломной работы в Литературный институт и получил высший балл.

Автор «Возвращения» и второго сборника рассказов — «Большой путь», тоже изданного во Владимире, в 1955 году был принят в Союз писателей. Рекомендовали его Н. Замошкин и Э. Казакевич.

На литературном конкурсе, посвященном Всесоюзному фестивалю молодежи, рассказ «В бессонную ночь» был удостоен золотой медали. После этого Сергей Никитин часто печатается в «Огоньке». По заданию этого журнала был на Украине и в Сибири, на Севере и на Каспии. Одна за одной выходят его книги — во Владимире и Ярославле, в столичных издательствах — «Молодой гвардии», «Московском рабочем», «Советской России». Книги писателя переиздаются и сейчас.

МАСТЕРСТВО

Рассказы Никитина интересны тем, что в них настоящая жизнь, глубоко и здраво осмысленная. Обстановка, психология героев, портреты, диалоги, пейзажи — все это вычерчено уверенной и точной рукой писателя.

Никитин обладал большим интересом к окружающим людям, знал их ежедневные потребности, быт и язык.

Мастерство писателя, складываясь из многого, начинается с замысла, отбора жизненного материала, что и определяет стиль, язык, тональность и ритм произведения.

Например, рассказ «Пошутили». Повествование начинается с того, что Ваня Воеводин, осматривая утром

Сергея Никитина — рассказчика

свои сельсоветские владения, «натыкается» на ночного сторожа Пронюшку Лунева. Вдруг раздался выстрел, потом другой.

«Это на Лыковой гриве,— по едва заметному дымку определяет Пронюшка.— Богато кто-то возьмет чирчков.

— Что он, запрещение не знает?— хмурится Ваня.— Вон, вон! Опять наподдал, подлец! Ну, на-род! Ведь сам я объявление на каждом столбе клеил.— Никакого внимания!».

Далее Ваня предлагает Пронюшке «накрыть» браконьера.

«— Да это свой кто-нибудь,— не скоро продолжает Пронюшка...

— Ну и что же! Запрещение для всех одно.

— Оно так... Да только ляд с ним. Свой ведь...

— ... Мы его только пуганем на первый раз, чтобы не повадно было,— уговаривает Ваня...

— ...Пошутим, значит,— раздумывает Пронюшка.— Пошутить — это можно, шутить я люблю...».

Затем, подкравшись к охотничьему шалашу, они обнаружили браконьера — печника Жилина, отобрали у него ружье и пригласили в сельсовет подписать акт о браконьерстве.

Рассказчик, если он действительно хочет достичь объемной индивидуализации персонажей, должен правильно передать даже звук и тембр голоса каждого из говорящих. Лунев, Воеводин и Жилин — как по-разному они относятся к одному и тому же событию, как по-разному говорят.

Писатель сумел сделать так, что их скупые фразы становятся окнами во внутренний мир героев. Заискивание перед начальником и в то же время наплевательское отношение к закону сквозит в словах Жилина: «Ты бы, Иван Васильевич, того, не строжничал, — просит Жилин, — наплюй на эти акты. Свой суд короче. Поладим как-нибудь». А в словах Вани, обращенных к Жилину, звучит принципиальность, непримиримое отношение к нарушителю, действия которого определяются образным, ярким сравнением: «всю пойму, как орешек, вылуцтит» браконьер, если его не наказать.

Языковое мастерство Никитина очень самобытно. Все разнообразие живой разговорной речи писатель воплощал с завидной полнотой и точностью. Язык в рассказах и маленьких повестях Никитина, особенно при передаче прямой речи, полон особых оттенков, значения, красочности.

Всех героев Никитина читатель слышит потому, что их великолепно слышит автор и учится у них употреблению свежего, характерного, подходящего к месту слова. Никитин не боится вставить в речь персонажей просторечное или диалектное слово, выражение, если они являются ярким средством социальной характеристики. Например, *напужали, наподдал, надьсь, ляд с ним, душа захолонула, строжничал, черт лянъялый* — эти выражения метко передают характер и особенности деревенских людей.

Так, речь старика Пронюшки пересыпана пословицами, прибаутками, характерными обращениями: *голубь, милоч.* «Ты, голубь, мотай на ус. Тебе правду говорят. А за правду не сердись: скинь шапку да поклонись».

Чем моложе по возрасту герой его произведения, тем меньше в его языке диалектизмов, просторечных слов. Например, двадцатичетырехлетний Ваня Воеводин почти совсем обходится без них.

За всей кажущейся простотой и обыденностью действия в приведенном рассказе стоит колоссальный труд автора. Прежде чем написать что-либо о своих героях, Никитин немало времени провел с ними под общей крышей, проехал сотни километров по дорогам. Он пристально изу-

чал их, и, когда садился за письменный стол, обилие «материала» давало возможность отобрать самое существенное.

Писатель избегает пространных описаний и, как правило, не дает своим героям развернутых портретных характеристик. Вот два портрета из рассказов «Собственный дом» и «Дальние родственники». Катерина Козлова — высокая сухопарая старуха, «которая была так худа и костиста, что лопатки торчали у нее на спине наподобие сложенных крыльев. За нрав непримиримый, напористый и деятельный ее называли в городе „Рабочий клич“, отождествляя с районной газетой того же названия». «Был Васька молод, красив, удачлив в охоте, всегда спокоен, и казалось, что в жизни для него все ясно, просто, понятно, устроено как нельзя лучше и что в ней он так же удачлив, как и в охоте...». Этих людей зрительно представляешь, и ярко вырисовывается основная черта их характера: непримиримость, напористость Катерины Козловой и практичность, удачливость Васьки Лоскутова.

Рисуя внешность человека, Никитин часто подмечает какую-нибудь деталь, настойчиво ее повторяя. Например, в «Запахе сена» у Сашки «желтые ястребиные глаза», а у Верки — «круглые, в мохнатых ресницах...». Поэтому, как правило, лицо героя не забывается.

Никитин обычно мало останавливается на внешних чертах персонажей, стараясь подметить у каждого, о ком он пишет, главное, определяющее, в котором выразительнее сказывается характер, тенденции его развития.

Председатель колхоза Репкин, в недавнем прошлом городской житель, «делал все нарочито «по-деревенски» — ходил в сапогах и косоворотке, ел деревянной ложкой, любя папиросы «Север», курил вонючий самосад и умывался под глиняным рукомойником, хотя привез из города мраморный умывальник» (Запах сена).

Писатель стремится к слиянию внешнего и духовного облика героя в одно гармоническое целое.

Большое место у писателя и его литературных персонажей занимает природа. «Я, — замечает писатель в рассказе «Голубая планета», — твердо верю, что путь к природе — это путь к прекрасному не только вне себя, но и в себе. Кто волновался, вдохнув буйный запах черемухи, видел, как раскрывается на рассвете точеный цветок лилии в тихой заводи реки, грустил, провожая взглядом осенний караван журавлей, проходил, как по сказке. по зим-

нему ельнику — тот и в себе неизменно открыл что-то прекрасное».

О любви писателя к природе говорят даже названия его произведений: «Весенним утром», «Однажды летом», «Осень, осень...», «Первые заморозки», «Снежные поля», «По ягоды», «Гроза», «Моряна», «Море», «Живая вода», «Вечерняя заря» и т. д.

Отношение писателя к природе — простое и непосредственное, и в награду мир природы сокровенно открывается его взгляду. Обостренное чувство Никитина точно фиксирует картины природы, делает их ближе, эмоциональнее. Вокруг него мир во всей своей прелести, и он его знает во всех подробностях и говорит о нем с читателем, используя различные художественные тропы: олицетворение, метафору, сравнение. Так, вода у Никитина «бойко и весело разговаривает с травой, с крышами, с деревьями, с пшеницей и овсом», река «подсинена ветром и дышит плеском», небо «такое голубое, словно пьет твои глаза», молодое лето «убрано цветами шиповника», мартовская сосулька «истекает прозрачными слезами».

Пейзаж у Никитина встречается как бы в двух видах. Во-первых, чисто пейзажные зарисовки, где природа предстает «сама по себе». Это — заросший кустарником и травами лесной буерак, то весенний паводок, то сверкание луга в лучах восходящего солнца.

Другой вид пейзажа — несколько видимых и точных деталей вместо пространных описаний. Природа здесь — живая участница человеческой жизни, раскрывающая для тех, кто с ней постоянно общается, все свои богатства, созвучные внутреннему миру героев: «Ночью ветлы над прудом стучали ветвями, ухало на крыше железом, а тому, кто полусонный, босиком выскакивал в потемки сеней, чудилось снаружи какая-то возня, какое-то чмоканье и плесканье, словно там хлестали по стене мокрой тряпкой. Затем в дни, наступившие вслед за этой ералашной ночью, все ненадолго смешалось в Токовце. На улицах, разбрасывая клочья свалывшейся шерсти, грызлись собаки; у парней и девчонок ошалело мутнели глаза, раздувались ноздри, а ребятишки забывали родительские наказания, приходили домой затемно, в мокрых шубенках... Именно в эти дни видели, как почтарь Кирька обнял почерневший ствол ветлы, крепко поцеловал его и рывками пошел дальше...» (Крах).

Весна и лето, зима и осень представлены в произведениях Никитина неповторимыми красками.

Вот посмотрите (именно посмотрите!), как входит в свои права весна: «... Минул март; зазолотели каждой своей веточкой тополя, наострившие липкую почку; очистились крыши; запахло у скотных дворов оттаявшим на солнечном припеке навозом, а в поле снега все еще лежали чистые, неподточенные и голубовато искрились, словно сахар на изломе» (Крах). Просто, ярко, и рассказываемое чувствуешь, перед глазами стоит.

Наблюдательность Никитина-писателя и его умение выбирать из многих признаков наихарактернейшие — поражает. Он чувствует «запах сена» и «вкус желтой воды». Вот картина, говорящая о тонком слухе и отличном зрении художника: «Незримая жизнь острова наполняла тишину своими таинственными звуками. Их было много, этих шорохов, вдохов, криков, слитых в один неясный вибрирующий гомон, и в нем различались только надтреснутый скрип коростеля да необыкновенно чистый голос какой-то птички, настойчиво твердившей свой полный трагического сомнения вопрос: „Как жить? Как жить? Как жить?“» (Гости).

Для передачи звуковой картины писатель находит разные по звучанию, но тождественные или очень близкие по значению глаголы: «... А кругом в садах и огородах, наслаждаясь, пилили, звенели, трещали, свистели, цокали кузнечики» (Запах сена).

Очень часто он создает звуковое впечатление при помощи образного сравнения: «Ветер, растягивая по небу узкие полосы облаков последней грозы, дул с прежней силой, и могучие сосны издавали какое-то шипение, словно высоко над головой струя пара вырывалась из узкого отверстия». Иногда применяет гиперболу: «А в лесу... начиналось какое-то бесовское действо: скрипели стволы деревьев, тяжелые громы катились по верхушкам, пригибая к самой земле, молнии освещали рвущуюся в агонии листву, и дождь стегал все вокруг свистящими струями» (Не поле перейти).

Чисто «цветовые» и «звуковые» картины встречаются в произведениях Никитина не так уж часто. Обычно он соединяет их вместе, создавая смешанную палитру, которую и видишь, и слышишь, и чувствуешь, и осязашь одновременно. «Утро, — пишет он в „Первых заморозках“, — было морозное — с инеем и тем острым блеском всего воздуха

на солнце, который предвещает бесснежную ясную осень. На дороге теперь хрупал ледок, и уже пахло из леса листом и сыростью, и стоял повсюду колкий запах инея.

Особенное значение в никитинских рассказах имеет художественная деталь. Она дает возможность понять человека, явление, предмет сразу, целиком. Красочны и убедительны у писателя не только психологические, но и бытовые детали.

Например, рассказ «Семь слонов». Их, этих семь слонов, видит в комнате любимой женщины инженер Андрей Пеплов. Но разве так уж редки эти традиционные «символы счастья»?

Но вот проходит время, и влюбленный инженер понимает, что молоденькая Тася пуста и эгоистична. «Мне, — вспоминает он, — стали жалки и смешны и она сама, и все, что связано с ней, — ее дом, ее родители, ее картинки, салфетки и семь слонов, похожие на свинок...».

Писатель одной лишь бытовой деталью, заключающейся в различном восприятии одного и того же предмета, показывает эволюцию чувств человека.

Другая очень важная и характерная особенность прозы Сергея Никитина — ее лиричность, музыкальность. Почти каждый рассказ обладает своей тональностью, своим ритмом.

«Умер у себя в деревне, — пишет Никитин в рассказе „Снежные поля“, — Алексей Ефимович Бурагин, бакенщик... Я долго шел со станции через сверкающие снега, загораживаясь от бокового ветра пахучим на морозе каракулевым воротником, и узкая тропа в снегах отзывалась на мои шаги каким-то пустотным звоном».

Все стилистические средства направлены на создание картины тишины и спокойствия. Никаких восклицательных интонаций. Они не появляются и тогда, когда покойника везут на кладбище и рассказ достигает своей кульминации: «И вот в деревенскую тишину, в безмолвие заснеженных полей ударяет траурный звук труб и тарелок. Выносят гроб, ставят его на розвальни. Сильная гнедая лошадь легко трогает их, и вся процессия быстрым семенящим шагом, толпясь, устремляется вслед по расшищенной накануне дороге. Последний путь. Идет он ровным полем, через две деревни, к некропному березнячку, в котором притаилось сельское кладбище. Режущий ветер летит над полем, до глазурного блеска подметая снежную корку. У деревенских околиц музыканты опять ухают в

трубы и тарелки. Какая-то старушонка, вся сносимая ветром, печально смотрит на проезжающие розвальни; концы ее платка, подол длинной юбки, полы нанковой поддевки — все стремится по ветру, и кажется, что ее, такую легонькую, сухонькую, самое вот-вот понесет по сверкающему полю».

Тональность рассказа горестно-грустная, окрашена авторским сочувствием, поэтому и у читателя складывается определенное настроение, как будто и он участвует в последних проходах.

Никитинское слово многогранно и многокрасочно. Оно идет из глубинных богатств народной речи.

Константин Паустовский писал, что особенностью литературного труда является «знание огромных возможностей слова, умение вскрывать нетронутые языковые богатства». У Сергея Никитина — завидное умение вскрывать языковые богатства народа, частицей которого он был. Именно поэтому многие его слова приобретают свою изначальную свежесть, первозданную выразительность. Это художник, обладающий своим стилем.

М. А. ЛАПШИН

Рисунок Ю. Космынина

ГЕРОИНКА РЕВОЛЮЦИИ

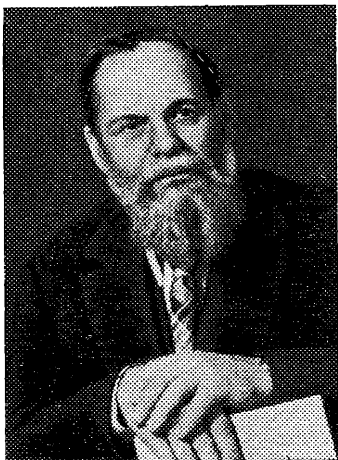
Алфонсас Малдонис

СОЛНЦЕ В ОКНАХ

Солнце катится в море. Заснежены дюны.
В переменчивых тенях игривой волны
Свет зеленый. А в окнах — багряный и юный
Отблеск алых знамен, словно символ весны.

Этих красок весенних смешением пишет
Наши лица и мысли на грани зимы
Неизвестный художник. Он временем дышит,
Тем же самым — прекрасным и сложным, как мы.

Время дум и трудов ради счастья земного,
Время братской любви и людского тепла,
От которого, будто бы к празднику, снова
Вся долина знаменами крыш расцвела.

ИСПЫТАНИЕ СЛОВА

Слово сказал — хоть терем на нем клади! До чего ж глубокий смысл народной мудрости: уместность, меткость, незаменимость и деловитость слова, верность слову и т. д. Позволю себе коснуться лишь одного из множества мотивов, заключенных в приведенной поговорке — влиянию слова на улучшение нравственного здоровья людей, а значит и общества, что, на мой взгляд, очень перекликается с высказанными на XXV съезде КПСС мыслями Л. И. Брежнева о единстве слова и дела как повседневной норме поведения.

Обратимся опять-таки к мудрости, родившейся в народе, одобренной им и — что, по-моему, самое главное — выдержавшей испытание временем. Например, общеизвестно, как бытует слово *завидовать*. Поучительная деталь: народ — самый строгий и безошибочный творец и толкователь языка — не выражает этим словом возвышенные чувства и мысли. Вспомним пословицы и поговорки, вошедшие в сокровищницу народной мудрости: *И мы видывали, да не завидовали; На погибель тому, кто завидует кому; Завидущи глаза не знают стыда; Берут завидки на чужие пожитки; Завистливый своих глаз не пожалеет; Завистливый Касьян на что ни взглянет, все вянет; Злой плачет от зависти, добрый от радости*. Зато попробуйте привести для примера народные поговорки, одобряющие зависть. Таких нет, если не считать иронических выражений.

У каждого слова свое прямое назначение. Вспомним общепризнанных знатоков и толкователей русского языка. В. И. Даль считает, что *завидовать* — это досадовать на чужую удачу, счастье; жалеть, что у самого нет того, что есть у другого. *Зависть* — свой-

ство того, кто завидует, нежелание добра другому, а одному лишь себе. Такого же мнения — и Д. Н. Ушаков: *завидовать* — испытывать чувство зависти к кому-нибудь или чему-нибудь. *Зависть* — чувство досады, вызванное превосходством, благополучием другого, желанием иметь то, что есть у другого.

Вряд ли кто будет возражать, что эстетика языка и речи неразрывно связана с нормами жизни отдельных людей и общества в целом.

Чрезмерное, тем паче не к месту, увлечение каким-нибудь словом обедняет язык, сушит разговорную речь. Так случилось, например, и со словом *работает*. Последние годы его непомерно часто можно встретить на многих вывесках, объявлениях: «Магазин работает с 8 до 22 часов», «В бане работает парильня». С формальной точки зрения не ахти какие ошибки. И все же, друзья, говорящие столь однообразными фразами, согласитесь, что вы — обладатели языка, который, по словам Энгельса, один из самых сильных и самых богатых из живых языков — на сей раз не правы. Можно же сказать иначе: магазин торгует, в бане открыта или — еще проще — в бане есть парильня и т. д.

Однажды я прочитал в газете: «Во вторник, в три часа дня, конкурс имени Чайковского взял старт». Речь шла об искусстве, о лучших исполнителях классических произведений Чайковского и других чародеев музыки, и вдруг — *конкурс взял старт*. Если бы автор этой фразы хотя бы мало-мальски прочувствовал душу слова и его оттенки, рука не могла бы так написать, характеризуя не момент спортивного состязания, а волшебное явление под сводами концертного зала.

И в художественных произведениях нет-нет да и встречаются огрехи. Например, рубрикой «Подслушанные разговоры» пользуются и на радио и на эстраде. Однажды так назвал свои талантливые миниатюры даже известный писатель. А ведь мысль-то выражена не точно. Я глубоко убежден, писатель отнюдь не подслушивал разговоры, нет. Кто же не знает, что подслушивать неприлично. Он просто-напросто услышал их, может быть, нечаянно и предал огласке. Значит, так и надо говорить и писать: «Услышанные разговоры».

Очень велика сила нравственная, которой обладает слово. От этой силы зависят людские симпатии и антипатии, чувства, мысли, поступки, зависит судьба каждой личности в отдельности и всего общества.

Есть люди, почему-то считающие, что неточное обращение со словами и с художественными образами ни в коем случае не может встретиться в творчестве признанных авторитетов, изречения которых часто цитируются. Слушаю по радио стихи, посвященные

любимой женщине. Все содержание стихотворения не буду оценивать, скажу лишь об одном оттенке. Поэт признается, что боится писать возвышенные слова о любимой по той причине, что вдруг да эти его слова кто-то скажет своей любимой. Тщеславие? Эгоизм? Во всяком случае чувства несовместимые с хорошим нравственным здоровьем. Но и это еще не все. Влюбленный поэт в надежде получить взаимность почти все содержание своего стихотворения свел к одной убогой мысли: «Я хочу, чтоб с тобою случилось несчастье, чтобы я прибежал и помог». А вот какие чувства были у А. С. Пушкина: «Я вас любил так искренно, так нежно, Как дай вам бог любимой быть другим». Если бы, предположим, об этом узнала покровительница лирической поэзии Эрата, нетрудно догадаться, кого она поблагодарила бы из поэтов.

Встречаются лекции, в которых при защите и возвышении словом одного явления порой несправедливо осуждается и принижается другое, не менее, а иногда и более важное в жизни. Особенно это опасно в обращениях и выводах, например: «Химическая прополка в сотни раз ускоряет и облегчает самую утомительную и нудную сельскохозяйственную работу». Досадное утверждение! Не спорим, химия при разумном, подчеркиваю, при разумном, применении облегчает труд. Но зачем же в разговоре на эту тему охавать ту или иную работу? Кто любит крестьянский труд, тот никогда не позволит себе назвать нудным полезное занятие, даже самое что ни на есть тяжелое, самое грязное. Прополка — обычная работа, отнюдь не самая утомительная, она, как и многие другие дела, опозитивирована, воспета в песнях да и выполняется-то чаще всего с песнями. Конечно, ее можно и нужно облегчить, ускорить, а может быть, и вовсе изжить. Так, вероятно, и будет при культурном ведении хозяйства, если исчезнут сорняки. Но пока прополка существует, вызывать к ней отвращение нет никакой необходимости.

Разумеется, это сложный вопрос. Я глубоко убежден: кто брезглив к ручному труду в крестьянстве, тот вряд ли способен почувствовать романтику даже механизированных деревенских работ, искренне увлечься ими, чтобы труд был не в тягость, а в радость. Характер труженика формирует прежде всего понимание полезности и необходимости его труда.

Есть слова, бытовавшие испокон веков в народе, а теперь по разным причинам полузабытые или вовсе забытые. Естественный процесс. Неслучайно в книгах классической литературы все чаще и чаще печатаются примечания с объяснением обыкновенных русских слов. Но бываю случаи, когда сами составители примечаний неправильно толкуют слова и тем самым заводят читателя в заблуждение. Приведу лишь один пример. В первом томе нового

Собрания сочинений Александра Твардовского (М., 1976) в стихотворении «Кто ж тебя знал, друг ты ласковый мой» есть такая строка: «Рванный пиджак, кочедыг да копыл». Пояснение в конце книги гласит: «Кочетык, кочедыг (обл.) — инструмент для плетения лаптей; копыл (обл.) — короткий брусок, вставленный в полозья и служащий опорой для кузова саней». Составитель примечаний — да извинит он меня за упрек — не учел, что на Смоленщине, где рос поэт, *копылом* называют лапотную колодку. Именно о ней, без которой и лапоть-то не сплетешь, а не о санном бруске шла речь в стихотворении, колы упоминается и *кочедыг* — свайка, лапотное толстое с кривизной шило.

Правда, Д. Н. Ушаков в своем Толковом словаре ограничился упоминанием лишь санного копыла. Но для автора примечаний, если он пользовался только одним словарем, это не может служить оправданием. В. И. Даль, к слову, упоминает и лапотный копыл. А богаче всех словарей, несомненно, сама жизнь.

Бывает, от некоторых слов веет чем-то чужим, далеким, даже противным духу современного человека. Полвека с лишним назад слова *министр* и *офицер* озлобляли честного, трудового человека молодой Советской республики, а сейчас, в других условиях, выражают иные чувства — родные, сокровенные, как и бытующие поныне в Польше слова *пан*, *пани*. Давайте поглубже вникнем в главную суть слова, а не в коросту, которой оно обрастает. Мы часто читаем и абсолютно нормально, без малейшего раздражения воспринимаем газетные фразы: *Там господствуют холодные ветры; Эльбрус господствует над Кавказским хребтом; К сожалению, еще не везде господствует правильное отношение хозяйственников к химии; Господство человека над космосом; Господствующее мнение* и так далее. А разве редко в серьезных, деловых разговорах самых культурных людей встречаются выражения: *господин своего слова, сам себе господин, господин положения?! Сейчас в нашей стране уже нет господствующих эксплуататорских классов, нет и позорной эксплуатации человека человеком. Человек стал настоящим господином своего положения, своего слова, своей судьбы. Советский человек властелин, владыка не над другим человеком, нет, а над силами природы, над стихиями, над своей жизнью во имя ее возвышения.*

Слова в разговорной речи и в книге — что тебе цветы на лугу. Каждый цветочек отличается от другого цветка, отличается не только своими собственными красками, но и оттенками. Цветущее разнотравье — до чего ж волнующая красота! Разве можно сравнить однообразную картину с разноцветьем?! Обилие красок захватывает всегда сильнее. Иной раз удивительно распространяется в природе что-нибудь одно — то одуванчик или ромашка, то крапива с лебе-

дой или сурепка. Чаще всего это удел сорняков. Порой даже красивое растение, ежели оно не на месте, становится сорняком, как голубоглазый василек во ржи.

Так и слова; в каждом своя суть, свое место, свои собственные краски и оттенки.

Общезвестна одна опасность для любого общества: если речь чересчур загрязняется вульгаризмами, начинается эрозия нравственности. Мы порой напрасно не замечаем или делаем вид, что не замечаем словесную скверну. Стыдно наблюдать, как она, будто ржа, разъедает молодежные — и не только молодежные — диалоги, монологи, реплики. Происходит недопустимая в социалистическом обществе порча языка. Сквернословие столь же пагубно для живой речи, как вредоносные отбросы промышленности губительны для окружающей среды. Это тревожит всех, кому дорого нравственное здоровье своих детей, своего народа. Недавно я получил взволнованное письмо из Владивостока от Феодосии Федоровны Крятиной. Слушала мое выступление по радио о лесах и вот откликнулась. Простая няня поликлиники считает, что и отношение человека к природе и отношение человека к человеку — звенья одной цепи, элементы одного морального кодекса. «А была картина по телевизору, — сетует она. — Про доктора Мишкина. Играет Ефремов. Спектакль неплохой, кое-что есть поучительное. Но вот одна медработница говорит доктору: „Заткнись“. А он ей: „Сама заткнись“. Мне семьдесят лет, я никогда не называла своего начальника на „ты“, а так сказать — как это можно?». В письме встречаются грамматические ошибки, но в оценке нравственных явлений, о которых она пишет, ошибок у нее нет. Как видим, образование и культура — не одно и то же.

Точность слова — это точность цели в жизни и делах человека, чего нам часто недостает. Встречаются категоричные суждения: «Нужно так бороться с природой, чтобы она во всем подчинилась человеку». Или: «Мы еще не научились как следует командовать природой». Один корреспондент, занимающий солидный пост, даже упрек высказал: «Вы, писатели, должны помочь нам зауздать природу, оседлать ее, непокорную, а ежели она будет продолжать своевольничать, то и пришпорить, чтоб силу человека почувствовал сам человек». Конечно же, столь несерьезные обращения со словом заслуживают резкого осуждения. Ведя разговор с природой, нельзя с легкостью необыкновенной бросаться столь ответственными словами: *бороться, командовать, управлять, зауздать, оседлать, пришпорить*. Она, матушка, наша природа, отнюдь не сивка-бурка, а взаимоотношения с нею отнюдь не скачки. Куда полезнее вместо безудержной строптивости сдержанное обращение со словом. Вспоминаются стихи, присланные мне в свое время ныне покой-

ным поэтом Николаем Рыленковым, с которым мы учились в одной школе крестьянской молодежи:

Борьба с природой? Нет, мне страшно слышать это.
Борьбу ведут с врагом, а нам природа — мать.
Любовью к ней зажжен в нас тот источник света,
Который столько тайн помог нам разгадать.
Она отдаст нам все: — Бери, но не уродуй
Извечной красоты для суетных затей...
И тянет нас побыть наедине с природой,
Как заглянуть в глаза наставницы своей.

Это было написано на Смоленской земле, а поэт Николай Жоголев вторил с Нижней Волги: «Храните лес, чтоб эхо в нем гудело, чтоб в ручеек Аленушка глядела».

Точное слово — незаменимое лекарство для улучшения нравственного здоровья народа. Если мы хотим, чтобы наша речь кристаллизовала благородные порывы души и обезвреживала все дурное в человеке, — а мы этого, конечно же, хотим! — всем нам полезно более тонко чувствовать пульс слова. Как просто и правильно, с наибольшей точностью выразить словом свои чувства и мысли — вопрос отнюдь не праздный. Это вопрос, прежде всего, правильного поведения человека по отношению к людям и обществу, верной оценки явлений, точного убедительного применения слова, то есть вопроса нравственного здоровья личности и общества. Необходимо именно такое отношение к слову.

А учиться есть у кого — у народа!

Петр ДУДОЧКИН

ЭТЮДЫ

СЛОВО — СЛОВЕЧКО

Доктор осмотрел больного и сказал:

— Будете пить феноксилметилпенициллин.

— Что пить?

— Феноксилметилпенициллин.

Целую неделю больной принимал это новое средство и — спасибо доктору! — поправился, а вот запомнить название лекарства так и не

смог, из-за чего чувствует себя очень виноватым перед фармацевтами. А ведь старался человек запомнить, зубрил, даже буквы в названии сосчитал (двадцать три!) и все-таки, грешен, не запомнил слово — словечко.

Как тут не разделишь точку зрения Николая Васильевича Гоголя, который писал: «Дивишься драгоценности нашего языка: что ни звук, то и подарок, все зернисто крупно, как сам жемчуг, и, право, иное название еще драгоценнее самой вещи».

Относится это к слову из двадцати трех букв или не относится — судите сами.

ЧП

Прихожу недавно к знакомым, а у них бог весть что творится: Иван Иванович расстроен, лица на нем нет. Евлампия Семеновна в слезах.

— Что случилось? — спрашиваю.

— ЧП! — хмуро отрезал муж.

— Да, да, чрезвычайное происшествие, — всхлипывая, подтвердила жена. Оказывается, двенадцати-

летняя дочь, их единственное чадо, обозвала Евлампию Семеновну... дурным словом. «Ишь, ненормальная!» — огрызнулась дочка, когда ей было сделано замечание.

— Сказать так на мать! На свою! На родную! — причитала убитая горем мамаша. Я тоже был обескуражен, не понимая, как могло это случиться. Не удивлялись лишь соседи, которым каждодневно доводилось слышать, как Евлампия Семеновна в гневе ругается на дочь: «Ненормальная! Идиотка!». Может быть, виновата поговорка: «Как аукнется, так и откликнется»?

ОПУКА

В шестом классе писали сочинение на тему: «Что я делал в воскресенье?». Была середина мая. Теплынь стояла солнечная, тихая. Все кругом прямо на глазах зеле-

нело, веселело. И, конечно же, закончив школьные уроки и домашние дела, мы, ребяташки, все свободное время проводили на улице — играли, ловили рыбу или раков (тогда еще в нашей речушке Габье рыбы и раков было видимо-невидимо).

Проверив сочинение, молодая, только что приехавшая из города учительница Ольга Мироновна вызвала меня и спросила: «Итак, в какую игру вы играли в своей деревне Стреченове?». «В опуку», — ответил я. Сперва она засмеялась, потом строго сказала: «Такой игры на свете нет». Раздался голоса: «Ольга Мироновна, есть такая игра! Интересная! Мы все в опуку играем!». Учительница встала и еще строже заметила: «Вы играете не в опуку». «Нет, в опуку!» — стояли на своем ученики. «Игра, в которую вы играете, называется по-другому: в лапту». «А у нас называется: в опуку». «Такие дурные слова говорят только малограмотные, невежественные люди, а культурные должны говорить: в лапту». Учительское слово — закон. Разве хочется кому быть малограмотным и невежественным? Было как-то стыдно, что вся округа по-некультурному называет хорошую игру.

Наказ учительницы так изменил поведение ребят, что почти все стали стесняться самих себя, ежели нет-нет и проговаривались про опуку. И других слов стыдно было. Наспех сделанный забор у нас называют «горожа»; учительница потребовала говорить «изгородь». Насмеялась она над многими словами. Вместо «доселе» разрешалось «до сих пор», вместо «тверезый» — «трезвый», вместо «сородичи» — «родственники». Начнешь рассказывать что-нибудь, а сам боишься, вдруг ляпнешь свое деревенское слово вроде «надобно», а позволено «нужно», даже «надо» не одобрялось.

Через год Ольга Мироновна совсем уехала в свой город, на ее место прислали Иосифа Адамовича Кандыбу, пожилого, жизнерадостного. Однажды на большой перемене он посоветовал: «Погода хорошая. Пойдемте на луговину в опуку играть». «А можно так говорить: в опуку?» — спросили ребята и признались во всем. Иосиф Адамович так интересно рассказывал «биографию опуки», что мы перестали стыдиться многих своих деревенских слов. «Опука — мяч», — так сказано в Толковом словаре Даля. Разновидностей мячей, как известно, множество, зато этот ни на какой другой не похож, поэтому и назван своеобразно, по-особенному. Он делается из

тряпья; сперва тряпицы сжимаются в комок, потом тугонатуго прошиваются навощенными нитками, мячик получается крепкий, особенно когда намокнет, летает хорошо и от удара лаптой и при броске.

После той поры минуло сорок лет. Доселе никак не возьму в толк: как могло случиться, что Ольге Мионовне так резануло ухо меткое в своем значении слово опука? Почему оно сочтено сорняком русской речи? На каком основании было столь категорично потребовано выбросить его, как дурное, из лексикона? Кое-кто ведь послушно выбросил и, может быть, требовал этого же и от других. Ныне в тех смоленских и брянских лесах, где прошло мое детство, бытует уйма новых развлечений. Но игра в опуку не забыта, называют ее так же, как называли. Ничего зазорного в этом нет, зато есть то, ради чего народ и сотворил слово — меткая характеристика предмета, аромат определенного явления жизни.

Рисунки В. Толстоногова

ГЕРОИКА РЕВОЛЮЦИИ

Ободияв Шамхалов

К познанию тайн для нас пути открыты —
Мы в атом проникаем все смелей,
Вычерчиваем дерзкие орбиты
Для наших звездных чудо-кораблей.

Сигналы посылаем в мирозданье,
Чтоб в свой черед в космической дали
Смогли услышать инопланетяне
Крылатый голос мыслящей Земли.

Пусть сбудется мечта моей планеты —
Чтоб не маячила пред ней беда,
Чтоб поднятые над Землей ракеты
Земле не угрожали никогда.

Чтоб, воли диктовать своей не смея,
Оружье, превращенное во зло,
В распахнутые для людей музеи
Из арсеналов тайных перешло.

Чтоб в черный час не поглотило пламя
Того, что на Земле из века в век
Искусными и мудрыми руками
Творил на благо жизни Человек.

Великая Октябрьская социалистическая революция дала могучий толчок развитию науки и техники в нашей стране, она позволила нашему народу открыть человечеству дорогу в космос. Если до революции полеты к другим планетам Солнечной системы были лишь несбыточной мечтой, то теперь наступило время исполнения самых смелых и дерзновенных мечтаний. Наступила эра покорения космоса.

С началом космической эры в русский литературный язык широким потоком хлынула «космическая лексика», она вызвала живой интерес лингвистов. Читатели «Русской речи» имели возможность познакомиться со словами, относящимися к освоению космоса: космонавт и астронавт (1976, № 1), космический — звездный (1973, № 2), луноход (1971, № 3), селенография и селенология (1971, № 5).

На страницах газет и научно-популярных журналов последних лет наряду с официальными названиями космических летательных аппаратов (см. сообщения ТАСС об очередных запусках космических кораблей в космос) широкое распространение получили равнозначные неофициальные наименования: *астролет*, *звездолет*, *космолет*, *плането-*

АСТРОЛЁТ

•
ЗВЕЗДОЛЁТ

•
КОСМОЛЁТ

•
ПЛАНЕТОЛЁТ

лет и др. Эти слова образованы по одной модели путем словосложения и этимологически прозрачны. Вторая часть представлена у всех четырех слов морфемой *-лет*, полученной усечением исконно русского глагола *лететь*. Распространению этих наименований способствует продуктивная словообразовательная модель с *само-* в первой части. По этому типу образован термин *самолет*, который прочно закрепился в русском языке и в свое время потеснил *аэроплан* (см. об этом Е. Н. Этерлей. Самолет и летчик.— «Русская речь», 1971, № 6).

Слово *самолет* существовало в языке задолго до создания летательного аппарата. По свидетельству Словаря 1847 года, оно обозначало «паром, который на больших реках ходит от одного берега к другому на канате»; в Словаре Даля этим словом названо несколько видов устройств, которым «приписывается быстрое движение от себя».

Таким образом, к моменту появления воздушного корабля в языке уже существовало слово, семантические возможности которого позволили дать этому аппарату готовое наименование *самолет*. Впоследствии оно послужило моделью для серии наименований летательных аппаратов в космосе.

Группа синонимов *астролет — звездолет — космолет — планетолет* образована по подобию наименования летательного аппарата в воздухе — *самолета*. По второй части — *-лет* — эти слова близки; первая часть — *астр(о)-, звезд(о)-, косм(о)-, планет(о)-* имеет смысловое отличие от *сам(о)-* в *самолет*. *Сам(о)-* означает способ передвижения; *косм(о)-* — среду, в которой движется космический корабль; *астр(о)-, звезд(о)-, планет(о)-* — место, пункт полета аппарата. Различна и семантическая (смысловая) судьба этих четырех слов.

Астролёт. Как показывают немногочисленные иллюстрации, это слово пока не получило в языке широкого распространения. В 60-х годах оно промелькнуло в рассказе фантастического жанра: «Михаил Яшин, капитан астролета, покинувший Землю 7-летним мальчуганом и сменивший старого космического волка Ричарда Спейсмана, сидел в кресле Прямой Связи и ждал...» («Неделя», 1966, № 44). Оно не было зарегистрировано ни одним из словарей русского языка. Видимо, вполне достаточным является употребление *звездолет* для обозначения космических аппаратов.

Этот процесс — замена в русском языке слов с корнем *астр(о)-* на *звезд(о)-* — начался еще в XIX веке, о чем свидетельствуют слова-

ри (сравните, например, замены, предлагаемые Словарем 1847 года: *звездозаконие, астрономия; звездозаконник* — то же, что *звездослов, астроном; звездословие* — *астрономия; звездословный* — *астрономический; звездослов* — *астроном; звездочетный* — *астрономический; звездочет* — *астролог*). Любопытно заметить, что остаточные явления такой замены, отголоски этого процесса можно наблюдать в слове *звездочет* (*астролог*): в Словаре Ушакова — *звездочет* (устар.). *Астролог*; в 17-томном Словаре — *звездочет*; в Словаре Ожегова, 1972 — *звездочет* (стар.), 'то же, что астролог'.

Звездолёт. Наименование космического корабля, ранее употреблявшееся лишь в жанре научной фантастики, теперь встречается в публицистике, художественной литературе, все шире распространяясь в общеречевом обиходе. Вот ряд примеров: «Значит, звездолет придется разогнать до скорости, близкой к световой...» («Земля и Вселенная», 1972, № 4); «Ручка идет вправо. Твой звездолет послушен как дитя» (Михайлов. Человек над планетой); «Как влюбленные имя любимой Произносим впопад, Невпопад. Без конца восхищенно твердим мы:— Космодром,— Звездолет,— Космонавт» (Татьяничева. «Как влюбленные имя любимой...»).

Как показывает обследование разнообразных литературных источников, за последние 15 лет *звездолет* в синонимической цепочке *астролет — звездолет — космолет — планетолет* начинает употребляться чаще других. Думается, что причиной такого предпочтения явилась возможность выразить название первого в мире космического корабля русским словом. Немаловажным стимулом большего распространения *звездолет* в общелитературном обиходе явилось вообще оживление словообразовательной активности слов с корнем *звезд(о)-*: *звездины, звездолетчик, звездоплаватель* и многие другие. За последние десятилетия в русском языке наблюдается всевозрастающее употребление сочетаний с прилагательным *звездный*: *звездный корабль, звездный маршрут, звездное меню, звездный пилот, звездный подвиг, звездный путь* и т. п. (см. об этом: А. А. Брагина. Космический — звездный.— «Русская речь», 1973, № 2).

Если обратиться к контекстам, в которых употребляется слово *звездолет* в хронологической последовательности за десять лет, то можно сделать любопытный вывод. В первые годы покорения космоса это слово называло космические корабли, отправляющиеся к какой-либо звезде (планете) для ее изучения: «Если даже в нашу эпоху будет техническая возможность отправить звездолет, то узнать о том, вышел ли он хотя бы в окрестности ближайшей

звезды, смогут только грядущие поколения» («Наука и жизнь», 1961, № 1). Подобную же роль выполняет слово в литературе фантастического жанра: «К звезде Фамальгаут отправился звездолет. У планеты Бледный Нептун на него упал таинственный луч, сравивший капитана» (Котляр. Мир мечты и фантазии).

Поздние же контексты свидетельствуют о расширении семантических возможностей слова *звездолет*. Оно теперь становится наименованием для любого космического корабля, который полетит или уже летал в космическое пространство: «Каков же главный вывод, который мы можем сделать сегодня, подводя итоги рекордному полету советского звездолета?» («Неделя», 1970, № 27).

Происходит также распространение этого слова в самых разнообразных сферах литературного языка: в научной, научно-популярной, художественной литературе, в очерках и проч. Особенно примечательным (как отражение века научно-технической революции) является его многоплановое использование в поэтических произведениях: «Знаю, Мне не править звездолетом, Знаю, не шагнуть мне за предел...» (Г. Регистан. Облаками скрытая до срока); «Качнулась тайга после взлета, Лучом полыхнула моя Ангара, Как огненный след звездолета» (М. Сергеев. Слышишь, «Байкал»).

Космолёт. Слово впервые фиксируется в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова (1960): «Воздушный корабль будущего для полетов в космическое пространство». С развитием в нашей стране космонавтики слово стало употребляться как наименование корабля настоящего, а не будущего (как указывал Словарь в 1960 году): «Ученые нашей страны осваивают сейчас принципиально новые космолеты — маневрирующие космические аппараты» (Крамаров. На заре космонавтики).

Употребление слова в общелитературном языке поддерживается активностью новообразований с производящей основой *косм(ос)*: *космодром*, *космодромный*, *космолетчик*, *космонавтка*, *космоплаватель*, *космопорт*, *космопроходец*, *космопсихолог*, *космофизик* и др. (в словаре-справочнике «Новые слова и значения» помещено 17 новых слов с этой основой).

Космолет употребляется в языке не только вместо терминологического словосочетания *космический корабль*, но и в целях стилистических. Подыскивание синонима для обозначения одного и того же предмета в одном тексте — обычное явление в общеречевой практике. Это подтверждается публикациями последних лет: «Главное же достоинство слизняков в том, что они — безусловно кандидаты в „пищевые объекты“ космического корабля. А условия

пребывания человека в замкнутом пространстве будущего *космолета* тоже исследовались в лаборатории» («Знание — сила», 1967, № 5); «Из газа будут изготавливаться изделия мягче пуха — искусственные меха, ткани — и прочнее металла — детали для машин, корпусов, кораблей, подводных лодок, автомобилей и, как знать, возможно, и кабины *космолетов*, материал для которых природа не способна создать самостоятельно» (В. Кожевников. Знакомьтесь, Балув). Слово *космолет*, как и *звездолет*, поэты охотно вводят в свои произведения: «Вот космолет! Созвездие Стожар Горит в зеркальном корпусе кабины. Когда-то первый безымянный шар Ушел отсюда в звездные глубины» (Щербаков. Передний край).

Планетолёт. Слово впервые зафиксировано в Орфографическом словаре (1967). Толкование к нему находим в словаре-справочнике «Новые слова и значения» (1971): «космический корабль для межпланетных полетов». Создано слово (как и перечисленные три) по типу *самолет*.

Планетолет появилось в одном ряду с другими близкими по значению наименованиями совсем не случайно. Слово *планета* известно русскому языку очень давно, как старинное заимствование из греческого языка, по смыслу близкое к слову *звезда*. В книгах XVIII века *планета* называлась блуждающей (или блудящей) звездой. Сюда относились светила Солнечной системы, имеющие собственное движение; их насчитывалось семь: Солнце, Луна, Венера, Меркурий, Марс, Юпитер, Сатурн.

В Словаре 1847 года *планета* сопровождается пометой «астрономическое», что указывает на специальную сферу употребления слова в языке XIX века. Сохранил эту помету и Толковый словарь под редакцией Д. Н. Ушакова. Однако в 17-томном Словаре *планета* помещается уже без ограничений и отмечается его второе (переносное) значение. Показания словарей русского языка, отражающие развитие значений и стилистическое изменение слова в общелитературном языке, свидетельствуют о том, что оно утратило узкоспециальное значение. Слово становится общим названием для всех планет. Поскольку полеты к планетам Солнечной системы — дело близкого будущего космонавтики, появление наименования *планетолет* представляется вполне закономерным явлением.

В языке *планетолет*, естественно, только начинает утверждаться, как правило, в публикациях, обращенных к будущему межпланетных аппаратов: «Мы не только чествуем наших космонавтов и творцов космических кораблей, но и мечтаем, мечтаем о будущем, о первых автоматических разведчиках, которые произведут посадку на Марсе, Венере и Луне, о полетах к этим космическим

мирам „пассажирских“ планетолетов» («Комсомольская правда», 4 октября 1964); «Большой спутник может явиться промежуточным вокзалом планетолетов, перевалочной базой в дальних рейсах» (Пересветов. Люди и космос); «Внимание! Внимание! Слушайте, жители всех планет нашей Галактики!.. Так могла бы начаться первая передача с Земли, если бы на ее поверхность приземлился экипаж планетолета, сплошь начиненного разнообразными кибернетическими устройствами» (Михайлов. Занимательно о геологии).

Параллельно с *планетолет* в общелитературном языке широко распространились его описательные синонимы: *межпланетный, межзвездный — корабль, лайнер*. Например: «Длина пути, который пришлось преодолеть межпланетному кораблю по трассе Земля — Венера, — 350 миллионов километров. Диаметр планеты, ожидающей научного посетителя, — около двенадцати тысяч километров» («Огонек», 1969, № 2); «Большой круг задач, которые придется решать автономной системе с искусственным интеллектом на межзвездном корабле, можно, по-видимому, объединить в следующие группы» («Авиация и космонавтика», 1970, № 2).

Синонимические наименования *межпланетный корабль, межзвездный корабль* являются равноправными вариантами словосочетания *межпланетный (межзвездный) лайнер*: «Фантасты уже давно „создали“ межпланетные лайнеры» («Социалистическая индустрия», 13 июня 1971); «Без сварки нельзя будет создать космическую станцию, стартовую площадку для межзвездных лайнеров» («Знание — сила», 1969, № 11). Такие словосочетания с прилагательными *межпланетный* и *межзвездный* стали, по всей вероятности, возможны в связи с появлением в языке сочетания *воздушный лайнер* (как *воздушный корабль — космический корабль*). Словосочетания прилагательных *межзвездный — межпланетный* с существительным *лайнер* подчеркивают не только более сложное техническое устройство будущих космических кораблей, отправляющихся к другим планетам, но и увеличение их размеров.

Как видно из сказанного, космическая лексика характеризуется (как и любая специальная лексика в начальный период ее формирования) употреблением семантических вариантов, что значительно пополняет словарный состав русского литературного языка.

Кандидат филологических наук
Н. П. ПЕНЬКОВСКАЯ
Ленинград

Рисунок С. Гавриловой

ОБ ОДНОМ НЕПРАВИЛЬНОМ УПОТРЕБЛЕНИИ МУЖСКОГО ОТЧЕСТВА

Известный советский писатель Виль Липатов, произведения которого расходятся в сотнях тысяч экземпляров, написал новый роман «Игорь Саввович» (см. главу «Срочный вызов» в «Литературной газете», 12 января 1977; полностью роман опубликован в журнале «Знамя», 1977, № 7—9). Наши писатели, а к числу очень популярных среди них относится Виль Липатов, призваны быть на страже чистоты русского языка, предохранять его от порчи. Поэтому хочется отметить употребление этим писателем неправильно образованного отчества *Саввович*.

Конечно, в защиту таких образований можно сказать, что они все же встречаются в живой речи, что автор их слышал. Однако язык — сложное развивающееся целое и порою противоречивое. Существуют языковые различия, социальные, возрастные, стилистические, территориальные, профессиональные и другие. Разные явления этого сложного целого — языка по-разному должны расцениваться. Писатель должен культивировать чистоту и правильность русского литературного языка, делать строгий отбор, отбрасывать неправильные формы и принимать те из развивающихся явлений, которые заслуживают поощрения и укрепления в литературном языке. Всякого рода жаргонные словечки и образования могут употребляться в художественном произведении только при определенной стилистической мотивировке (в речи персонажей, в речи рассказчика при «сказовой» форме и т. д.).

В образовании современных русских отчеств издавна употреблялись притяжательные суффиксы *-ов-*, *-ин-*, а также *-ич-*, который восходит к праславянскому патронимическому (от имени отца) суффиксу **-itj-* и изменился в русском языке в *-ич-*. Первоначально суффикс *-ич-* обозначал молодых живых существ: др.-русск. *львичь* 'львенок', *голубич* 'птенец голубя'; церк.-слав. написание *пѣтищѣ* (в др.-русск. было бы *пѣтичѣ*) от *пѣта* 'птица', *пѣтичишь* (в др.-русск. было бы *пѣтичичь*) от *пѣтица*; церк.-слав. *отрочишь* 'ребенок, мальчик'. В дальнейшем он приобретает значение 'сын лица,

названного в корне': *робичь* (церк.-слав. *робѣць*) 'сын рабыни', *тетъчичь* 'сын тетки' от *тетъка*, *мачешичь* 'сын мачехи', *сестричичь* 'сын сестры' (образовано от *сестрица*). О дальнейшем семантическом развитии этого суффикса свидетельствует, например, др.-русск. *отъчичь* 'наследник отцовского владения'.

Суффикс *-ов* (*-ев*) служил и служит для образования притяжательных прилагательных от имен существительных мужского рода на согласный (после твердого пишется *-ов*-, после мягкого — *-ев*-): *попѡва* (дочка), *Федѡтова* (изба), *отцѡва* (шапка), *старикѡва* (шуба), *царѣво* (письмо). Приведенные примеры относятся к разговорной речи, а вот случаи вроде *дѡрвиново учение*, *мѡрковского теория* являются устаревшими. Сочетание *вольтова дуга* (от собственно имени Вольт) представляет собой специальный термин, а *Петрѡв день* — название церковного праздника. Ср. также *Игорев полк* в сочетании *Слово о полку Игореве*.

С помощью суффикса *-ин* образуются притяжательные прилагательные от имен женского рода на *-а* (в написании *-а* или *-я*): *сестра* — *сѣстрин*, *сестрица* — *сестрицын*, *жена* — *жѣнин*, *Женя* — *Жѣнин*, *кошка* — *кѡшкин*.

Некоторые мужские и женские личные имена отличаются друг от друга нулевым окончанием в мужском роде и окончанием *-а* (в написании *-а*, *-я*) в женском. Соответственно по-разному образуются от них притяжательные прилагательные: с суффиксом *-ов* (*-ев*) или *-ин*. Эти образования, как и приведенные, по большей части принадлежат разговорной речи или являются устаревшими: *Ульѡн* — *Ульѡнов* (двор) и *Ульѡна* — *Ульѡнина* (изба), *Валѣтин* — *Валѣтинова* (шапка) и *Валѣтина* — *Валѣтина* (кофта), *Валѣрий* — *Валѣрьево* (пальто) и *Валѣрия* — *Валѣрина* (косынка). Отсюда и такие образования, как *Александровская эпоха* (эпоха Александра) и *Александрѣнский театр* (театр по имени Александры). Впрочем, следует помнить, что есть также имя *Александрѣна*.

Рассмотрим теперь отчества от личных имен. От имен на согласный, включая ⟨j⟩, отчество образуется путем прибавления притяжательного суффикса *-ов* (*-ев*) и следующего за ним суффикса *-ич*: *Петр* — *Петрѡвич*, *Игорь* — *Игоревич*, *Сергей* — *Сергѣевич* (о произношении этих отчеств см.: «Русская речь», 1977, № 3). От имен на *-а* (*-я*), склоняющихся по женскому склонению, мужское отчество с древнейших эпох образуется непосредственно с помощью одного только суффикса *-ич*: *Фомѡ* — *Фомѣич*, *Кузьмѡ* — *Кузьмѣич*, *Лукѡ* — *Лукѣич*, *Ильѡ* — *Ильѣич*, *Сѡва* — *Сѡвѣич*, *Никѣитѡ* — *Никѣитѣич*. Сюда можно прибавить еще несколько практически неупотребительных сейчас имен: *Фѡка* — *Фѡкѣич*, *Викѣла* — *Викѣлич*, *Вавѣла* — *Вавѣлич*, *Варнѡва* — *Варнѡвич*, *Варсѡва* — *Варсѡвич*, *Иѡна* — *Иѡнич*, *Кѣкша* — *Кѣкшич*. Отметим, что только в именах

с безударным окончанием возможна ошибка в образовании мужского отчества: *Савва — Саввович*. При ударении на окончании подобная ошибка невозможна: от *Фомá* только *Фомíч*. Однако место ударения не имело влияния на образование мужского отчества: *Петр — Петрóвич* и *Ивáн — Ивáнович*, а если в разговорной речи впоследствии такое влияние устной речи и было, то лишь в сторону сокращения заударной части: *Ивá[ныч']*, но никак не расширения и усложнения (ср.: *Савв-ич* и *Савв-ов-ич*). Поэтому отчество *Саввович* надо самым решительным образом отвергнуть. Это неправильное образование не является единственным, рядом с ним нельзя не отметить также неправильное, но употребляющееся *Никíтович*.

Чем объясняются эти ошибки?

Отметим раньше всего, что мужских имен на *-а* с безударным окончанием очень мало. Среди них более употребительны всего два: *Никíта* и *Савва*, а *Фоба*, *Викýла* и другие можно уже не считать фактами современного русского языка. Единичность этих имен и объясняет неустойчивость образования отчеств от них: они могли легко подвергнуться влиянию со стороны другого класса отчеств, более многочисленного (об образовании неправильных форм *Никитович*, *Никитовна* см.: «Русская речь», 1977, № 3).

Для некоторых мужских имен было характерно колебание между мужским и женским склонением: *Михáйло*, *Гаврíло*, *Данíло* — к *Михáйлу*, к *Гаврíлу*, к *Данíлу*; *Михáйла*, *Гаврíла*, *Данíла* — к *Михáйле*, к *Гаврíле*, к *Данíле*. Такое колебание было и у других имен: *Кири́лл* — от *Кири́лла* — к *Кири́ллу* и *Кири́лла* — от *Кири́ллы* — к *Кири́лле*. От соответствующих имен образовались два типа фамилий: Гаврилов и Гаврилин, Данилов и Данилин, Кириллов и Кириллин. В основном «побеждает» мужское склонение и словообразование, этому способствует как фактор языковой: наличие подавляющего количества мужских имен на согласный, включая ⟨j⟩ (с нулевым окончанием, типа *Иван*, *Игорь*, *Сергей*), так и внеязыковой: данные имена на *-а* обозначают лицо мужского пола. Ср., например, более редкие фамилии *Самбóйлин*, *Манúйлин* и более частые *Самбóйлов*, *Манúйлов*.

Под воздействием таких образований, как *Гаври́ла — Гаври́лович*, *Дани́ла — Дани́лович* и др., появляются неправильные образования *Никíта — Никíтович*, *Савва — Саввович*. Лучшей проверкой неправильности отчеств *Никитович*, *Саввович* является обращение к фамилиям от этих имен, которые образуются только по «женскому» типу: *Никíтин*, *Саввин*. Рядом с мужскими отчествами *Никíтич*, *Саввич* единственно правильными являются женские отчества *Никíтична*, *Саввична* (с [шн] на месте чн; вспомним известный романс М. П. Мусоргского «Светик Савишна»).

В заключение сошлемся на «Орфографический словарь русского языка» Академии наук СССР (изд. 13-е, исправленное и дополненное. М., 1974), где на с. 479 найдем: *Савва (Саввич, Саввична)*, а на с. 478 — *Никита (Никитич, Никитична)*. В книге Л. К. Граудиной, В. А. Ицковича, Л. П. Катлинской «Грамматическая правильность русской речи» (М., 1976, с. 166) формы *Никитович* и *Саввович* квалифицированы как ненормативные. Все сказанное дает основание сделать вывод, что писателю Вилю Липатову следовало бы назвать своего героя и свой роман «Игорь Саввич».

Член-корреспондент АН СССР
Р. И. АВАНЕСОВ

СРЕДИ КНИГ

ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА АН СССР — ЧИТАТЕЛЮ

В 1978 году Институт русского языка АН СССР запланировал выпуск ряда изданий — монографий теоретического характера, словарей, сборников статей.

Среди исследований по современному русскому языку прежде всего следует назвать «Русскую грамматику» в двух томах (отв. ред. Н. Ю. Шведова). Это теоретическое исследование, отражающее современное состояние науки о грамматическом строе русского языка. Вместе с тем «Русская грамматика» представляет собой и научное справочное пособие. Специальный аппарат, обилие поясняющих характеристик делают книгу доступной и расширяют круг ее читателей. В то же время данная работа не является учебником: обращение к ней предполагает знание предмета в объеме действующих школьных программ. «Русская грамматика» найдет широкого читателя не только в Совет-

ском Союзе, но и за рубежом. В 1978 году предполагается выпуск первого тома.

Актуальной проблемой современной лингвистики — научному определению нормы в современном русском языке — посвящена монография К. С. Горбачевича «Вариантность слова и языковая норма (на материале современного русского языка)» (ред. Ф. П. Филин). Решение рассматриваемых проблем весьма существенно и для нормативной грамматики, и для практической работы в области повышения речевой культуры. Книга будет представлять интерес для филологов-специалистов, аспирантов, студентов и различных работников культуры.

О проблеме нормы в языке в связи со словарной практикой говорится в двух сборниках: «Современность и словарь» (ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов) и «Новые слова и словари новых слов» (ред. Н. З. Котелова). Основное содержание первого сборника составляет характеристика общих принципов и методика описания лексики в эпоху быстрого роста культурного уровня советского народа. Во втором сборнике изучается опыт работы над словарем-

справочником, выпущенным Институтом русского языка АН СССР в 1971 году («Новые слова и значения») под редакцией Н. З. Котеловой и Ю. С. Сорокина по материалам прессы и литературы 60-х годов. В сборнике также ставится задача совершенствования теоретических основ словаря новых слов, в котором будут зафиксированы лексические изменения в 70-е годы.

«Словарь иноязычных (международных) выражений и слов, употребляемых в русском языке без перевода» А. М. Бабкина и В. В. Шендцова (изд. 2-е, дополненное, переработанное) — пособие по культуре речи, прежде всего фразеологии и стилистике; будет полезен работникам культуры различных профессий: журналистам, педагогам, научным и издательским работникам, пропагандистам и т. д. В словаре дается толкование около 50 тысяч иноязычных выражений, цитатных сочетаний и слов, заимствованных из иностранных языков и используемых в русском языке без перевода писателями, деятелями искусства и культуры, общественно-политическими деятелями.

В книге «Русская разговорная речь. Тексты» (ред. Е. А. Земская, Л. А. Капанадзе) собраны разнообразные образцы записей непринужденной устной литературной речи. Книга рассчитана на филологов.

Сборник статей «Проблемы лингвистической поэтики. 1976» (отв. ред. В. П. Григорьев) посвящен анализу некоторых явлений языка художественной литературы. Общие вопросы связаны с определением понятия поэтического языка и методов лингвистического анализа поэтических текстов (статья В. П. Григорьева).

В ряде статей дается анализ словоупотребления советских поэтов.

В очередном томе сборника «Проблемы структурной лингвистики. 1976» (отв. редактор В. П. Григорьев) показано использование методов структурной и математической лингвистики для решения задач, связанных с описанием особенностей синтаксиса и словообразования, лексикологии и семантики русского и других языков. Книга предназначена для лингвистов и научных работников — специалистов, работающих в смежных с языкознанием областях.

Капитальный труд «Историческая грамматика русского языка. Синтаксис (Простое предложение)» — коллективная монография, выполненная под руководством академика В. И. Борковского. На обширном фактическом материале памятников XI—XVII веков различных жанров в книге прослеживается история типов простого предложения, членов предложения, предложных и беспредложных конструкций, устанавливается хронология синтаксических изменений, продуктивность той или иной конструкции по отношению к синонимичной. В работе широко использованы данные русских диалектов. Выводы авторов, иллюстративный материал представляют интерес для специалистов в области истории синтаксиса и синтаксиса современных восточнославянских языков, для педагогов и студентов филологических факультетов. Книга может служить учебным пособием в высшей школе. В 1978 году выйдет первый том, второй том «Исторической грамматики русского языка (Сложное предложение)» готовится к выпуску в 1979 году.

«Исследования по исторической морфологии русского языка» (отв. ред. Р. И. Аванесов) — сборник статей, построенный на материалах памятников русского языка XI—XVII веков и современных диалектов. Он содержит исследования по проблемам истории развития глагольного и именного словоизменения и словообразования в русском языке. Книга представляет интерес для лингвистов-русистов, преподавателей вузов и студентов.

Несколько исследований посвящены изучению лексики. Сборник «Исследования и материалы по исторической лексикологии русского языка нового времени» (отв. ред. Е. Т. Черкасова) построен на новых материалах, извлеченных из широкого круга источников (конец XVII — начало XX века). В коллективной монографии «Диалектная лексика. 1975» (ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов) многие материалы, на которых основываются статьи, представлены впервые. Большое место в книге занимают работы о способах образования слов в народных говорах в сопоставлении со словообразованием в русском литературном языке. Монография предназначена для языковедов, специалистов по истории языка и диалектологии. В 1978 году выйдет из печати сборник «Исследования по словообразованию и лексикологии древнерусского языка» (отв. ред. Р. И. Аванесов).

В работе «Физические основы современных фонетических процессов в русских говорах» (ред. С. С. Высотский) рассматриваются изменения в фонетической системе отдельных групп русских говоров, происходящие в наше время. Наблюдения велись над речью разных социологических и воз-

растных групп населения. Оценки произношения дополнялись и уточнялись с помощью методов экспериментальной фонетики. Работа адресована филологам, специализирующимся по русской диалектологии, фонетике, а также студентам-русистам.

В книге «Памятники русского языка XV—XVI вв. (Рязанский край)» (отв. ред. С. И. Котков) публикуются тексты, написанные рязанцами и лицами, лексика которых в известной мере представляет Рязанский край. Она рассчитана на широкий круг специалистов — филологов, историков и др. и может служить полезным пособием при разработке вузовских лекционных курсов и проведении семинарских занятий, а также при подготовке дипломных и курсовых работ по истории русского языка.

Выйдут новые выпуски словарей, издание которых продолжается: «Словарь русского языка XI—XVII вв.» (вып. 5. Отв. ред. С. Г. Бархударов, ред. Г. А. Богатова) включает слова на буквы *е — ж — з*. Словарь задуман как общедоступное справочное пособие при чтении текстов разного жанра (летописей, грамот, житийной литературы и т. п.). В «Словарь русских народных говоров», вып. 14 (ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов) входят слова на букву *к*. Словарь фиксирует все лексическое богатство русской народной речи. Оба издания рассчитаны не только на специалистов — языковедов, историков, этнографов, но и на массового читателя, всех тех, кто любит и ценит родное слово. В 5-м выпуске «Этимологического словаря славянских языков (праславянский лексический фонд)» (отв. ред. О. Н. Трубачев), как и в предыдущих выпусках, ре-

шаются задачи реконструкции лексического фонда применительно к эпохе праславянского языка (V—VI вв. нашей эры), объясняется происхождение представленной лексики. Словарь обобщает результаты этимологических исследований и предлагает во многих случаях интересные решения.

Очередной том ежегодника «Этимология. 1976» (отв. ред. О. Н. Трубачев) содержит статьи советских и зарубежных авторов, посвященные происхождению отдельных слов и групп слов славянских и индоевропейских языков. Продолжается публикация исследований о словообразовании древнерусских уменьшительных имен, а также материалов по славянским названиям рыб.

Над созданием Общеславянского лингвистического атласа работает коллектив ученых социалистических стран. Некоторые результаты этой работы получили отражение в сборнике «Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1976» (отв. ред. Р. И. Аванесов). В статьях советских и зарубежных авторов рассматриваются вопросы славянской этимологии, проблемы лексико-семантического

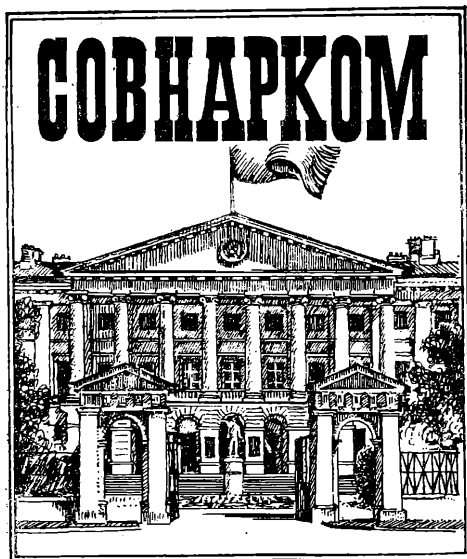
анализа явлений разных славянских языков. В сборнике помещаются работы, связанные с изучением разных сторон структуры русского языка и его говоров. Сборник «Восточнославянское и общее языкознание» (отв. ред. О. Н. Трубачев), кроме русского, посвящен другим славянским языкам, а также проблемам общего языкознания (прежде всего лексикологии и семантики). В ряде статей этого сборника раскрываются различные стороны истории русского, украинского и белорусского литературных языков, показаны этапы их становления.

Книга «Русский язык: его история и современное состояние (Виноградовские чтения. I—VIII)» (отв. ред. Н. Ю. Шведова) — это сборник докладов, прочитанных в Институте русского языка АН СССР на ежегодных чтениях (1970—1977), посвященных памяти выдающегося ученого академика В. В. Виноградова.

Все названные книги выйдут в издательстве «Наука».

Кандидат филологических наук
Р. Б. КЕРШИЕНЕ

Редколлегия и редакция журнала «Русская речь» благодарят всех читателей, которые ответили на Анкету «Русской речи» и прислали письма со своими предложениями, пожеланиями и замечаниями.

СОВНАРКОМ — это сокращение от слов *Совет Народных Комиссаров*, первого названия Советского правительства, учрежденного декретом II Всероссийского съезда Советов 26 октября 1917 года.

Интересна история возникновения этого названия. В день штурма Зимнего дворца В. И. Ленин предложил не позднее 26 октября организовать аппарат управления государством. По свидетельству видного государственного и партийного деятеля В. Д. Бонч-Бруевича в Смольном среди руководителей восстания шли споры о том, как назвать новое правительство. Предлагалось использовать какое-либо из существовавших в истории названий: *совет министров*, *кабинет министров*: «...Владимир Ильич, заваленный крайне трудной и сложной работой первых дней революции, услышав эти разговоры, переходя от телефона к телефону, мимоходом бросал:

— Зачем эти старые названия? Они всем надоели. Надо устроить комиссии по управлению страной, которые будут комиссариатами. Председателей этих комиссий назовем народными комиссарами. Коллегия председателей будет Совет народных комиссаров, которому и принадлежит полнота власти» (В. Д. Бонч-Бруевич. На боевых постах Февральской и Октябрьской революций. М., 1931).

Ленинское название точно соответствовало принципам, по которым строилось Советское правительство. По мысли Владимира Ильича, аппарату государственного управления должен быть чужд

дух бюрократизма. В этом органе необходимо сочетание единоначалия, коллегиальности и широкой опоры на массы трудящихся.

Слово *комиссар* (от латинского *committere* 'верять, поручать') появилось в русском языке в конце XVI века. В XIX веке комиссарами назывались лица, временно или постоянно исполнявшие какие-либо функции, обязанные отчитываться в своих действиях. Подробные сведения о слове содержатся в статье Ф. П. Сергеева «Комиссар» («Русская речь», 1976, № 1).

Благодаря прилагательному *народный*, обогатившему свое содержание в революционный период, словосочетание *народный комиссар* получило новое качественное значение, которого не могло иметь слово *министр*: в то время в сознании революционных масс министр являлся выразителем антинародной политики. Само по себе слово *министр* ничего предосудительного в своем значении не имеет. Оно пришло в наш язык из французского (*ministre*), которым, в свою очередь, было заимствовано из латинского (*ministerium* — 'служба, должность').

Народный комиссар — это полномочный представитель народа, выражающий народные интересы, облеченный его высшим доверием. Последнее значение было закреплено в Конституции РСФСР 1918 года: «Звание Народного Комиссара принадлежит исключительно членам Совета Народных Комиссаров, ведающего общими делами РСФСР, и никаким иным представителям Советской власти, как в центре, так и на местах, присвоено быть не может».

Совет, входя в сочетание *Совет Народных Комиссаров* в качестве основного слова, придало названию правительства необходимое для демократического аппарата государственного управления значение коллегиальности.

Сокращение *совнарком* сразу вошло в активный словарный состав языка, о чем свидетельствуют его изменение по падежам и появление прилагательного *совнаркомовский*. Довольно часто употреблялась и аббревиатура *СНК*. Тенденция к сокращениям и аббревиации была чрезвычайно характерна для языка революционной эпохи. Наряду с *совнарком* и *СНК*, употреблялись слова *наркомздрав* (Народный Комиссариат Здравоохранения), *ВСНХ* (Высший Совет Народного Хозяйства) и многие другие. Одни из них в настоящее время забыты, другие продолжают использоваться в языке, как, например, *исполком*.

Существовала определенная закономерность в варьировании употребления названий правительства. Так, в декретах и постановлениях, где необходимо было подчеркнуть важность и официальность сообщения, употреблялось полное наименование *Совет Народных Комиссаров* и крайне редко — аббревиатура. В остальных случаях ограничений не существовало. Например, в приведенном

высказывании В. И. Ленин использовал разные формы названий: «Думаю, следовало бы отмененное нами постановление Малого Совета о постоянной ложе *только* для Совнаркома переделать так, чтобы постоянная ложа были *и* для СНК, *и* для Московского Совдепа, *и* для Всероссийского совета профессиональных союзов, и для ЦИК» (В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 50, с. 212). Упомянутый В. И. Лениным Малый Совнарком был создан в декабре 1917 года для облегчения работы правительства и в начале 1918 года стал его постоянной комиссией, где решались мелкие текущие вопросы, в шутку называемые «вермишель». В случае единогласного решения Малого Совета дела подавались на подпись В. И. Ленину, при разногласиях они передавались на рассмотрение в Большой Совет.

В 1922 году в связи с образованием Союза Советских Социалистических Республик были созданы союзное правительство — Совет Народных Комиссаров СССР и Советы Народных Комиссаров союзных и автономных республик.

После победы над фашистской Германией возрос международный авторитет Советского Союза. Стали расширяться культурные, экономические и дипломатические контакты с другими государствами. Это привело к необходимости унификации названия Советского правительства с традиционными международными названиями. К тому же за годы Советской власти в сознании нашего народа слова *министр* и *министерство* перестали ассоциироваться с царским режимом.

По этим причинам 15 марта 1946 года постановлением Верховного Совета СССР Совет Народных Комиссаров СССР был переименован в Совет Министров СССР, а Советы Народных Комиссаров союзных и автономных республик — в Советы Министров союзных и автономных республик.

Упразднение института народных комиссаров не повлекло за собой изменения ключевого слова в названии правительства — *совет*, потому что оно имеет основополагающее значение для государственного аппарата, построенного на принципах демократического централизма.

В настоящее время слово *совнарком* является историзмом, отражающим период становления и развития Советской власти. Поэтому его можно с полным правом назвать одним из символов революции.

С. В. РЕДЬКИН
Рисунок Ю. Космынина

«И ОДИН В ПОЛЕ
ВОИН» — образовано
на основе выражения

«*Один в поле не воин*», известного всем восточнославянским языкам: русскому — *Один в поле не воин* (Пословицы русского народа. — Сб. В. Даля, М., 1957); украинскому — *Один у полі не воїн* (И. С. Олейник, М. М. Сидоренко. Украинско-русский и русско-украинский фразеологический словарь. Киев, 1974), *Один солдат в полі не вояка* (Українська народна приказка. Киев, 1936), белорусскому — *Адзін у поле не воїн* (Беларускія прыказкі, прымаўкі і загадкі. Мінск, 1958). Есть основания предполагать, что в древности это выражение имело иное звучание и до некоторой степени иное значение.

В сборнике «Русские народные пословицы и притчи, изданные И. Снегиревым» (М., 1848), помещен фразеологизм *Один в поле не ратай*. Возле этого выражения издатель ставит ремарку «*Костром.*», которая является сокращенным названием рукописного сборника «Костромские и Нерехотские пословицы, собранные действительным членом императорского общества истории и древностей российских Мих. Як. Диевым».

Если исключить возможность параллельного возникновения и употребления в древности выражений *Один в поле не ратай* и *Один в поле не воин*, то следует предположить, что именно выражение *Один в поле не ратай* послужило отправной точкой для образования фразеологизма *Один в поле не ратник*, а затем уже — *Один в поле не воин*. Одним из доказательств этого является то, что выра-

жение *Один в поле не ратай* подано Снегиревым как вариант *Один в поле не ратник*. Следовательно, Снегирев считал, что оба варианта имеют одно и то же значение, иначе он бы подал их в своем сборнике отдельно как два разных выражения. С этим нельзя не согласиться, поскольку слова в фразеологизмах полностью или частично утрачивают свой первичный смысл, а сами фразеологизмы (в данном случае пословицы) употребляются с метафорическим значением.

Есть основание считать, что именно *ратай* было заменено в фразеологизме словом *ратник* (*воин*), а не наоборот. *Ратай* появилось в древнерусском языке намного раньше, чем *ратник*, и начало выходить из активного употребления уже в Киевской Руси. Слово *ратник*, которое возникло позже, продолжало активно действовать в языках русской, украинской и белорусской народностей.

Как могла произойти замена *ратай* (то есть *пахарь*, укр. *орач*, белор. *арач*) словом *ратник*, то есть *воин*?

Во-первых, в связи с тем, что эти два слова — паронимы (имеют очень близкое звучание).

Во-вторых, в связи с тем, что указанные слова могут вступать в лексическую сочетаемость: *ратай* со словом *поле* в значении «обрабатываемая земля», а *ратник* со словом *поле* в значении «место, арена военных действий».

В-третьих, еще одно значение слова *поле* — «жители степи», сравним: «Не исключено, что первоначально жителей степных мест также называли *поле*» (А. С. Львов. Лексика «Повести временных лет». М., 1975), не мешало его лексической сочетаемости с названными словами.

И, наконец, *ратай* (*ратаи*), начиная с XII века, стало выходить из употребления (см.: А. С. Львов, там же), а *ратник* (*ратникъ*) активно действовало еще несколько столетий. Его и сейчас можно найти в словарях русского, украинского и белорусского языков, ведь оно и теперь может выступать как синоним слова *воин* с яркой историко-временной окраской. Параллельно употреблялось и слово *ратънии*, особенно близкое слову *ратай* по звучанию. Первоначально *ратънии* — только имя прилагательное — «неприятельский», «вражеский» (см.: Ф. П. Сороколетов. История военной лексики в русском языке XI—XVII вв., Л., 1970). Но «чаще всего *ратънии* в летописном языке употребляется субстантивированно со значением «враг, неприятель» (там же). Поэтому *Один в поле не ратънии* скорее значит *Один в поле не ворог*, чем *Один в поле не ратник*.

Если сначала на выражение *Один в поле не ратай* подействовала близость звучания слов *ратай* — (возможно и *ратънии*) — *ратник*

и оно приняло вид *Один в поле не ратник*, то позже, очевидно, действовала синонимия слов *ратник* — *воин*. Правда, при замене слова *ратник* словом *воин* произошло не только формальное обновление выражения, но и некоторое изменение в значении, ведь *ратник* еще значило: 'человек, храбро ведущий себя в битвах', 'отличный воин'. «Этого [понятия] совершенно нет в значении термина *воинъ* (*воины, вои*)» (Ф. П. Сороколетов. История военной лексики в русском языке XI — XVII вв.).

Замена слова *ратник* словом *воин* в разных местностях могла произойти давно, но окончательно обозначилась в языках русской, украинской и белорусской народностей в связи с активизацией в них слова *воин*: «Что касается существительных *воинъ, войско, воиникъ*, то... активизация их в русском языке [это вполне можно отнести и к украинскому, и к белорусскому языкам] и «обрастание» словообразовательными дериватами [от лат. *derivatio* — отклонение], — пишет Ф. П. Сороколетов, — относится к более позднему времени, чем эпоха Киевской Руси» (там же).

Общезвестное выражение *И один в поле воин* возникло на базе антонимического переосмысления пословицы *Один в поле не воин* и распространилось в русском, украинском, белорусском и других языках народов России в XIX веке после выхода в 1886 году романа русского писателя Г. А. Мачтета «И один в поле воин».

Григорий Александрович Мачтет (1852—1901) родился в Луцке на Волыни в семье уездного судьи. После того, как его за «неблагонадежность» исключили из Каменец-Подольской гимназии, учительствовал на Украине (1870—1872), сблизился с выдающимся украинским писателем, театральным и культурно-общественным деятелем М. П. Старицким, который оказал на него большое влияние. Затем Г. А. Мачтет уехал в Америку (1872—1874). Литературную деятельность начинает с 1874 года. Возвратясь на родину, Мачтет становится одним из активных участников народнического революционного движения. Г. А. Мачтет известен как автор революционной песни «Замучен тяжелой неволей» (первоначальное название «Последнее прости»), которая сразу же была переведена на украинский язык («В неволі скатований люто»). Это была любимая песня революционеров. Ее высоко ценил и любил В. И. Ленин.

За народническую революционную деятельность Г. А. Мачтет был арестован и сослан сначала в Архангельскую губернию, а затем в Западную Сибирь. После возвращения из ссылки он проживал

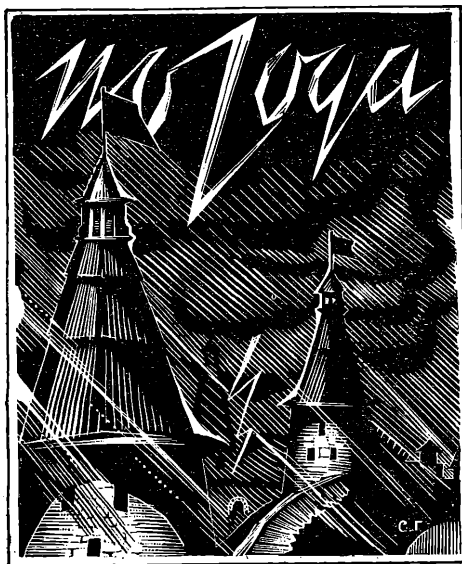
на Кавказе, в Одессе, Житомире, встречался с замечательным украинским писателем и общественным деятелем, революционным демократом М. М. Коцюбинским, известной украинской поэтессой и общественной деятельницей революционно-демократического направления Лесей Украинкой. Борьбе крестьян Сибири против эксплуататоров он посвятил произведение «Мы победили» (1884), деятельности революционеров-народников — роман «На заре» (1892—1893), рассказ «Новый доктор» (1900) и другие. На материале жизни, быта и истории украинского народа написал значительное количество произведений, в частности, роман «И один в поле воин» (1886). В 1902 году в Киеве вышло в свет «Полное собрание сочинений» Г. А. Мачтета в 12-ти томах. В 1929 году появился украинский перевод романа «И один в поле воин».

Дальнейшей популяризации выражения *И один в поле воин*, безусловно, содействовал роман украинского советского писателя Юрия Петровича Дольд-Михайлика с тем же названием «І один у полі воїн» (первый том — в 1956 году, второй — в 1963). До 1960 года включительно роман пять раз переиздавался на украинском языке (общий тираж 380 тысяч экземпляров) и десять раз на русском языке (общий тираж восьми изданий 1 миллион 450 тысяч экземпляров). Кроме того, Дольд-Михайлик вместе с Г. Ткаченко написал пьесу «І один у полі воїн» (1959), которая долгие годы не сходила со сцен многих театров страны. Роман, его инсценировку и экранизацию пропагандировали радио и телевидение.

Таким образом, это выражение получило широкую известность. Однако в украинский язык оно попало до выхода романа Ю. Дольд-Михайлика, потому что уже было включено в сборник «Українські народні прислів'я та приказки» (1955), выпущенный раньше: «І один в полі воїн, якщо він радянський», сравни: «Один у полі не воїн, якщо він не радянський» (там же).

Является ли *И один в поле воин* неологизмом Мачтета, сказать трудно. Оно могло бытовать в среде народников как один из основных девизов их деятельности. Но ясно одно: благодаря роману Григория Александровича Мачтета это выражение получило широкое распространение.

А. С. ЮРЧЕНКО
Рисунок С. Гавриловой

МЫ СПЕШИМ УТРОМ включить радиоприемник, вечером —

телевизор, чтобы не пропустить сводку погоды; отыскиваем необходимые сведения в газетах и, чтобы не быть зависимыми от определенного часа информации о погоде, покупаем термометр...

Слово *погода* при внимательном знакомстве с ним оказывается не однозначным, *погода* — не только «Состояние атмосферы в данном месте, в данное время» («Словарь русского языка» С. И. Ожегова). Так, городской житель, мало или совсем не знающий говоров, оказавшись, к примеру, в каком-либо селе Красноярского края, не без удивления услышит, как «погода поднимается, несет, дует».

В. И. Даль в своем Толковом словаре писал: «На юге, западе, погода нередко значит ведро, хорошее, ясное, сухое время, в прочей же Руси погода знч. непогода, ненастье; дождь, снег, метель, буря...». На широту бытования слова *погода* в значении «ветер, непогода» указывают современные толковые и областные словари: «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова, 17-томный «Словарь современного русского литературного языка», «Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна реки Оби» (Томск, 1967), «Словарь говоров Соликамского района Пермской области» (Пермь, 1973) и др. В «Русской диалектологии» под редакцией Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой (М., 1965) читаем: «... в большинстве говоров северного наречия звуковой оболочке *погода* соответствует значение „пло-

хая погода, ненастье”; в говорах южного наречия этой звуковой оболочке часто соответствует значение „хорошая, ясная погода”.

Интересно, что на слово *погода* в значении «ветер» обратил внимание В. И. Ленин, будучи в ссылке в селе Шушенском Минусинского округа Енисейской губернии (сейчас Красноярский край).

В письме к матери Марии Александровне от 9 мая 1899 года, посланном из Шушенского, он писал: «На этих днях здесь была сильнейшая „погода”, как говорят сибиряки, называя „погодой” *ветер*, дующий из-за Енисея, с запада, холодный и сильный, как вихрь. Весной всегда бывают здесь вихри, ломающие заборы, крыши и пр. Я был на охоте и ходил в эти дни по бору,— так при мне вихрь ломал громаднейшие березы и сосны. Но бывают такие неприятные „погоды” только весной и осенью, летом же если и случается ветер, то не сильный, так что этого-то бояться *не следует*. Сегодня день уже получше: поворачивает, должно быть, на лето. С половины мая до половины августа здесь уже нечего бояться сибирской „погоды”» (В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 55, с. 162). Чувствуя нелитературный характер этого слова, Владимир Ильич заключает его в кавычки.

Слово *погода* в значении «ветер» встречается лишь в одном письме В. И. Ленина, отправленном из сибирской ссылки. В других письмах к матери, посланных в этот период, оно употреблено в общепонятном литературном значении: «Погода стоит отличная, совсем весенняя» (В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 55, с. 25—26); «Ходили уже сегодня сообща на охоту. Погода стоит превосходная и время проводим прекрасно. Разрешение у меня на пять дней и я еду отсюда в пятницу или в субботу прямо в Шушу — Шушь отсюда верст 70» (там же, с. 53).

Слово *погода* в нелитературном значении использовала и Н. К. Крупская. В письме к матери В. И. Ленина, посланном 3 июля 1899 года из Шушенского, она писала о предполагаемой поездке в г. Минусинск: «Мы справляем почту сегодня, так как собираемся сегодня в гости. Впрочем, наша поездка вряд ли состоится, ибо начинается „погода”. Володя несомненно сглазил: все хвалился „хорошая, хорошая погода”, ну она и стала ни на что не похожа. Что ни день, то ветер, ставнями так и хлопает» (там же, с. 412).

Надежда Константиновна, хотя и заключает слово *погода* в кавычки, подает его без пояснений, как уже знакомое, понятное Марии Александровне. Это можно объяснить тем, что ее письмо было написано почти двумя месяцами позже письма Владимира Ильича, в котором содержалась достаточно полная «расшифровка».

А. Ф. ВАСИЛЕНКО
Рисунок С. Гавриловой

МЕТЕЛЬ. ВЬЮГА.
БУРАН — всем, конечно, известны эти

названия сильного ветра со снегом, или снежной бури. Вспомним стихотворение А. С. Пушкина «Зимний вечер»: «Буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя». Но не все, очевидно, знают происхождение этих названий и то, что они не полностью синонимичны. Некоторые из них имеют свои районы распространения, или, как теперь принято говорить, свою географию.

Точное употребление данных названий зависит от правильного представления о тех явлениях природы, которые они отражают. Поэтому этимологию (происхождение) всех четырех названий и их семантику (значение) рассмотрим вместе с обозначаемыми ими метеорологическими явлениями. Точно так же можно хорошо уяснить смысл названий, чтобы правильно их употреблять.

Метель и *вьюга* — синонимы, обозначающие снежную бурю вообще, как достаточно сильный ветер со снегом, снежные вихри. Название *метель* является принятым в научной литературе термином, как обозначение переноса снега вдоль земной поверхности ветром силою в четыре-пять и более баллов и не обязательно с кручением. В слове *метель* корень *-мет-* означает «бросать, кидать» (ср. метать), например: «Вдоль по улице метелица метет».

Вспомним также «Метель» А. С. Пушкина, в которой, можно сказать, дана классическая картина этого явления природы: «...едва Владимир выехал за околицу в поле, как поднялся ветер и сделалась такая метель, что он ничего не взвидел. В одну минуту

дорогу занесло; окрестность исчезла во мгле мутной и желтоватой, сквозь которую летели белые хлопья снегу; небо слилось с землею». Метели свойственны неожиданность, внезапность действия. Этот момент выразительно подчеркнул В. А. Жуковский в «Светлане»: «Вдруг метелица кругом; Снег валит клоками».

Метеорологи различают метели трех видов: поземок, низовую метель и общую метель. *Поземок* — перенос ветром снега непосредственно над поверхностью земли, или, точнее, над поверхностью снежного покрова. *Низовая метель* — перенос ветром снега, поднятого над поверхностью снежного покрова на высоту не ниже человеческого роста. *Общая метель* сопровождается выпадением снега, который при поземке и низовой метели лишь поднимается с поверхности снежного покрова, но иногда так метет, что трудно различить — идет снег или нет. Сплошная пелена.

Вьюга — также распространенное название снежной бури, происходящее от «витья». В этом названии подчеркивается ее вихревой характер: снег крутит, кружит, вьет. «Вьется вьюга», — читаем мы у А. С. Пушкина в «Сказке о мертвой царевне и о семи богатырях». *Вьюга* — собственно русское название снежной бури. Оно широко используется в художественной литературе. Так, в стихотворении А. С. Пушкина «Зимнее утро» всего двумя строчками создана изумительная картина зимней непогоды: «Вечор, ты помнишь, вьюга злилась, На мутном небе мгла носилась». Или у И. С. Никитина: «Вьюгами глубоко Избы занесло» («Зимняя ночь в деревне»). Отчетливо представляешь, как «пусто, одиноко, сонное село», потонувшее в сугробах. Слова из песни «Вьюга смешала землю с небом...» дополняют образное представление о снежной буре.

Метели, вьюги, как известно, чаще всего бывают в феврале и недаром в народе говорят: «вьюги да метели под февраль полетели», а сам этот месяц зовется вьюговеем. Действительно, в феврале, на переломе от зимы к весне, когда усиливается циклоническая деятельность, вьюги вьют, перевевают, наметая огромные сугробы в одних местах и сдувая снег в других. Снежные заносы в феврале — обычное явление.

В старину еще говаривали: «Помело метлой на масляну — придет государыня метельная». Употребляется и несколько других производных от слова *метель*: *метелистая* (зима), *метелица*, но более разнообразны они от слова *вьюга*. Это и *вьюжить*, и *вьюжный*, *вьюжливый* (сопровождаемый вьюгой), и *вьюжистый* (обильный вьюгами). Конечно, чаще услышишь «вьюжная зима», чем «метелистая», или «вьюжистая погода», чем «метельная», и в народной примете говорится: «зимой вьюги — летом ненастье».

Чаще слово *вьюга* встретишь и в поэтических произведениях. К уже приведенным стихам можно прибавить еще пример из

«Светланы» В. А. Жуковского: «от копыт их поднялась вьюга над санями». Или: «И нам не страшны вьюги были седой зимы», — читаем у А. Н. Плещеева («Нам звезды кроткие сияли...»).

Буран — название снежной бури от тюркской основы *бур* «крутить, вертеть». Оно означает то же, что и вьюга, но распространено главным образом в степной полосе юго-востока (в частности, в Приуралье), откуда еще несколько веков назад это слово пришло в русский язык. Вспомним повесть А. С. Пушкина «Капитанская дочка», действие происходит под Оренбургом: «„Ну, барин, — закричал ямщик, — беда: буран!“ Я выглянул из кибитки: все было мрак и вихорь. Ветер выл с такой свирепой выразительностью, что казался одушевленным».

Или вот как описывает буран знаток природы Приуралья С. Т. Аксаков: «Все слилось, все смешалось: земля, воздух, небо превратились в пучину кипящего снежного праха, который слепил глаза, занимал дыхание, ревел, свистал, выл, стонал, бил, трепал, вертел со всех сторон, сверху и снизу, отбивался, как змей, и душил все, что ему ни попадалось» («Буран»).

В «Толковом словаре» В. И. Даль дает такое разъяснение слову *буран*: «*вост.* пурга, степная вьюга, метелица, при северном, сильном ветре. Буран снизу, когда вихрь вздымает и крутит снежинки с земли, буран сверху, когда в то же время идет снег», то есть он выделил буран типа низовой и общей метели. В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова при объяснении слова *буран* просто указывается: «метель в степи». Поэтому, начиная с А. С. Пушкина, принято отличать буран от метели вообще. Это делается и в научной литературе, причем с названием *буран* связывается особенно сильная метель: «буран — метель при сильном ветре и низкой температуре» (Энциклопедический словарь географических терминов). О такой метели говорится у Д. А. Фурманова в «Мятеже» — «буранная метель». И бурану он дает такие эпитеты, как «черный, вьюжный, грозный».

Кстати, следует заметить, что тюркское *буран* ничего общего со словом *буря* не имеет, хотя эти названия и созвучны и кажутся близкими. Слово *буря* — славянское и имеет соответствия в других индоевропейских языках. Как тут не вспомнить знаменитую песню о «Ермаке»: «Ревела буря... и ветры в дебрях бушевали».

По происхождению *буран* и *буря* — разные слова, а по смыслу близкие, означающие разгул, неистовую свистопляску ветра. В бурю ветер дует с огромной силой (иногда до 12 баллов). Особенно свирепые снежные бураны бывают в приуральских степях — в Оренбуржье и прилегающих частях Казахстана и Западной Сибири, где ветер гуляет на степных просторах. В Казахстане «ветры нередко достигают ураганной силы, скорость их увеличивается до 25—

35 м/сек, а зимой местами до 40—45 м/сек, т. е. почти в 10 раз больше средней. Поэтому зимой часты бураны» («Советский Союз». М., 1970).

В некоторых районах страны слово *буран* употребляется в форме *бурун*: «сиб. буран, пурга, метель, вьюга; волж. буря, колоротный ветер, сильн. вихрь» (В. И. Даль). Но обычно под *буруном* понимается сильное волнение воды у берега над подводными скалами, пенящая волна над мелью. Встречается *бурун* еще в значении «сугроб» — в Полтавской области (Э. и В. Мурзаевы «Словарь местных географических терминов». М., 1959).

Пурга — слово финского происхождения со значением «снежная буря». В «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера отмечается, что оно «обычно объясняется как заимствованное из карельского *purgu* «пурга» и что распространение это слово могло получить «благодаря сев. великорусам». Поэтому, естественно, в русском языке название *пурга* вошло в употребление главным образом в северных областях. В. И. Даль, давая слову *пурга* значения «буран, метель, вьюга», делает пометку: «сев. вост. и сиб.», то есть распространено на севере Европейской части страны и в Сибири. Но *пурга* — не всякая метель, а сильная метель при вторжении холодного воздуха: «термометр падает тогда на 25—30° за несколько часов, и снег летит в виде ослепляющего и удушающего вихря; эти ветры (blizzards), аналогичные сибирским пургам (обычно это слово употребляют в единственном числе.— Л. Т.), бывают губительными и для животных и для людей, застигнутых ими в пути» (А. Боли. Северная Америка. М., 1948).

Термин *блиццард*, как синоним слова *пурга*, получил распространение в Америке, Англии и полярных странах. Он отмечен в «Словаре общегеографических терминов» (т. 1, М., 1975) и определяется следующим образом: «сильный, порывистый морозный ветер со слепящим снегом». Не случайно знаток природы Дальнего Востока В. К. Арсеньев подчеркивал, что «идти во время пурги положительно нельзя». А И. А. Гончаров, на себе испытавший жестокий шторм во время морского путешествия на фрегате «Паллада», у которого тайфуном чуть не снесло грот-мачту, решительно утверждает: «Пурга стóбит всяких морских бурь: это снежный ураган, который застигает мраком небо и землю и крутит тучи снегу; нельзя сделать шагу ни вперед, ни назад; оставайтесь там, где застала буря; если поупрямитесь, тронетесь — не найдете дороги впереди, не узнаете вашего и вчерашнего пути: где были бугры, там образовались ямы и овраги; лучше стойте и не двигайтесь» (Фрегат «Паллада»).

Что касается происхождения *блиццард*, то в «Словаре общегеографических терминов» говорится, что это «современное слово, веро-

ятно, более или менее звукоподражательное», в английском языке оно означает сильную метель.

Интересно отметить, что слово *пурга* вошло в научный обиход через русский язык. Так, в «Словаре общегеографических терминов», являющемся переводом с английского, указывается: «*Purga* (русск. от финск. *purku*) — пурга. В Сибири и на Алтае сильная метель или вьюга». Кстати, в приложении к данному словарю указывается еще два с половиной десятка терминов, которые вошли в английскую географическую терминологию из русского языка. Это либо собственно русские термины, либо принадлежащие к другим языкам народов, населяющих Советский Союз (такие, как *гайга*, *подзол*, *степь*, *чернозем*, *такыр*, *солончак*).

Рассмотренные термины не все употребляются только в значении «снежная буря». *Метель* и *буран* имеют более широкий смысл: под метелью и бураном иногда понимается и ветер с пылью или песком, целые их тучи, носящиеся в воздухе и застилающие небо. В пустынях бывают песчаные бураны. Один из таких буранов — *афганец* — «сильный пыльный ветер», дующий в верховьях Амударьи в районе города Термеза, со стороны Афганистана (отсюда и его название), его еще именуют *карабуран*. Когда поднимается этот ветер, представляющий собой настоящую пыльную бурю, днем становится темно, как поздним вечером. Поэтому он и называется *карабуран*, то есть «черный буран» (это наименование подобно названию *смерч* — от слова *смеркаться*, так как во время смерча тоже начинает темнеть, и первоначально слово *смерч* имело значение — «черная туча»).

Четыре разных названия в общем-то одного и того же явления — бури, но сколько в них оттенков, местного своеобразия, указывающих на необходимость точного употребления каждого слова. И наша русская классическая литература являет образцы такого правильного применения терминов, что иногда можно поставить в пример научной литературе. Вот два словаря, дающих для широкого читателя толкование терминов. В одном из них («Энциклопедическом словаре географических терминов») написано: «пурга — сильная метель при вторжении холодного воздуха» (как видим, дано четкое определение), а в другом («Метеорологическом словаре» С. П. Хромова и Л. И. Мамонтовой) лишь сказано: «пурга — см. буран», то есть термин *пурга* считается полностью синонимом *бурана*, что, как видно из изложенного, не совсем так.

Кандидат географических наук
Л. Л. ТРУБЕ

Рисунок С. Гавриловой

НАШ АДРЕС ПРЕЖНИЙ

Вышли из печати 12 и 13 выпуски «Словаря русских народных говоров» (слова *зубреха* — *калумага*, *калун* — *кобза*).

Названный словарь — богатейшее собрание русской диалектной лексики. В его выпусках, включающих слова на буквы А — К, имеется около 50 000 слов. Словарь содержит диалектную лексику всех говоров русского языка европейской части страны и Сибири, собранную из многочисленных печатных и рукописных источников XIX — XX столетий в Картотеках Словарного сектора Ленинградского отделения Института русского языка АН СССР.

Широк и разнообразен круг слов, представленных в Словаре: диалектные названия природы, растительного и животного мира, названия, характеризующие человека по каким-либо признакам, названия процессов труда, ремесел и промыслов, средств передвижения, жилища, одежды, пищи, обрядов, игр и многие другие. Интересны, например, названия некоторых природных явлений. *Засеять* «похолодать, обычно к осени»: *Ну, засеял сентябрь. Вот маленько засеяло, а то было тепло. Куйбыш. Ворон. Заболакивать, заболбкивать, заболбчить* «покрываться облаками (о небе)». *Начало заболакивать. Олон., Новг. Заболочать. Заболочало, будет дождь. Олон., Костром., Волог., Яросл., КАССР. Весёлка* «радуга». *Весёлка к дождю горит. Смол., Пск., Великолукск., Волог.* Ее же называют *веселухой*: *Смол., Брян., Тул., Арх. Брезг* «ранний утренний свет, рассвет». *В деревнях выезжают на работу со брезгом. Симб. А вон уж брезг видно. Костром. Рано утром* (бывает это): *в брезг да на свету. Вят., Новосиб. Если ты выйдешь на брезгу, как начнет брезжиться, то в девять часов как раз туда придешь. Симб., Перм., Волог., Свердл., Челяб. Ивень* «иней». *Петерб., Ленингр., Новг., Калуж.*

Богато представлены названия деревьев, лесных массивов. Елку, например, называют *элица* (Волог.), *елха* (Пенз.), *елшина* (Волог.), *эльица* (Олон.), *элька* (Перм.); кедр — *кедер* (Том., Свердлов., Перм. и др.), *кедёрка* (Ср. Урал., Том., Ср. Прииртыше); кедровый лес — *кедрак* (Краснояр.), *кедёрник* (Том.).

Имеется много диалектных названий животных и птиц. Например, самку зверя называют *звериха* (Урал), *зверйца* (Нижегор., Южн. Сиб.), волка — *волча* (Волга пришел. Смол.), *волчага* (Пск.), волчицу — *волчанйца* (Брян.), *волчанйха* и *волчинйха* (Калуж.). Щегол, имеющий на крыльях восемь белых пятнышек, называется *восьмерик* (Смол.), кукушка — *забжжа* (Олон.), *забжа* (Новг.), *забжа* (Новг., Ленингр., Олон., Пск., Смол.), ласкательно *забжонька* (Олон., Ленингр.), *забжочка* (Север.) и другие.

Разнообразны диалектные названия, характеризующие человека: *заугар* — «отчаянный, лихой, веселый парень» (Волог., Сев.-Двин.); *вожа* — «женщина, указывающая своим спутникам грибные и ягодные места» (Арх.); *волосяник*, *волосятик* — «человек с длинными волосами; волосатый человек» (Пск.); *засбня* — «вялый человек» (Тобол., Урал); *кичень* — «кичливый, надменный человек» (Пск., Твер.). Интересны в связи с этим прилагательные: *звизгливый* «крикливый, бслтливый» (*Бабка звизгливая, болтунья*, Курск.), *зветный* «неуравновешенный, взбалмошный» (*Он мужик тихий, воды не замутит, да вот баба-то ему попала зветная*. Волог., Ср. Урал), *излошадный* «видный, крепкий, здоровый» (Курган., Свердлов.); глаголы: *воспелёсовать* «вскармливать, воспитывать» (Пск.), *голенить* «лениться, бездельничать, показывая вид, крича, что работаешь» (*Скажи, Петруха, Фомке, чтоб он не голенил, а него откажу его от заработка*, Олон.), *зверовать* «охотиться на зверя» (*Я в молодости все зверовать ходил*, Свердлов., Челябин., Уральск., Оренб., Перм., Волог., Иркут., Якут., Краснояр., Енис., Забайк., Прибайк., Южн. Сиб.).

Однако полное представление о богатстве русской диалектной лексики читатель может составить, если обратится к самому Словарю.

В нем можно найти и диалектные фразеологизмы, и устойчивые словосочетания: *во всю жизнь кричать* «во всю мочь, во все горло кричать» (Калуж.), *ершей клевать* «дремать, спать сидя, покачиваясь» (Олон.), *ершом стать* «противиться, упираться» (Пск., Твер.), *на ершах сидеть* «усиленно любезничать» (Пск.), *вольяк не вильгешь* «точь-в-точь, как две капли воды» (Перм.).

Собранные материалы открывают широкие перспективы изучения на новой фундаментальной базе русской диалектной лексики, истории диалектных слов, их образования, территории распространения. Действительно, в Словаре представлены и такие слова, жизнь которых началась в далеком прошлом. Упомянутое, напри-

мер, существительное *брегз* 'рассвет' встречается в письменности XVI века: «Ликинии же свѣта не дожда, но по брезгу посла Антиоха» (И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка). Слово это восходит к общеславянскому лексическому фонду. Оно имеется в чешском *břesk*, польском *brzask*, древнепольском *brzazg*, словенском *břesk*, а также кашубском *břwsk* (в значении «сумерки»).

Аналогичным примером является слово *днесь* 'нынче, сегодня', записанное в 1961 году в русских говорах на Алтае: *Днесь второй раз дождь*. Наречие общеславянского происхождения, известное и в других славянских языках: в украинском *днес*, чешском *днес*, словацком *днес*, болгарском *днес*, сербскохорватском *данас*, словенском *dnês*, старославянском *дньньсь*. Часто встречается оно и в памятниках древнерусской письменности: «Нашю землю днесь отъяли, а ваша заоутра възята будеть» (Новгородская I летопись). Под влиянием церковнославянской традиции в XVIII — XIX веках слово вошло в произведения литературного жанра. «Певец бессмертный и маститый, Тебя Эллада днесь зовет На место тени знаменитой, Пред коей Цербер днесь ревет» (А. С. Пушкин. Ода Д. И. Хвостову). Постепенно слово *днесь* вышло из употребления как устарелое и сохранилось лишь в некоторых русских говорах.

Обобщение в Словаре материалов по всем русским говорам — дело сложное. Необходимо было учесть по возможности полно печатные и рукописные источники XIX—XX веков и обработать их для картотеки, тщательно следить за выходящими из печати статьями, региональными словарями и диссертациями. Неоценимую помощь в накоплении сведений о диалектной лексике оказали любители народного русского слова, многочисленные корреспонденты Словаря.

Большое значение для организации собирания информации имели выступления в печати, по телевидению и радио редакторов Словаря Ф. П. Филина и Ф. П. Сороколетова.

Ф. П. Филин, организатор всей работы над «Словарем русских народных говоров», в первые годы создания его писал: «Составители „Словаря“ обращаются к специалистам-филологам, учителям-словесникам, студентам филологических факультетов, ко всем любителям русского народного слова с просьбой присылать свои наблюдения над местной лексикой и выражают надежду, что этот призыв будет услышан» («Русский язык в школе», 1960, № 3). Журнал «Русская речь» (1971, № 1) обращался к читателям с просьбой направлять свои словарные записи в областные вузы, в которых ведется работа над словарями, или в Словарный сектор Института русского языка АН СССР,

Помощь в организации сети корреспондентов «Словаря русских народных говоров» оказали также радиопередачи «В мире слов».

Все эти обращения не остались без ответа: в картотеку Словаря стали поступать материалы с разных концов нашей страны.

Многие исследователи, понимая важность быстрого включения в сводный Словарь новых материалов, прислали в картотеку рукописи составленных ими региональных словарей еще до их опубликования. К ним принадлежат «Словарь говоров Подмосковья» А. Ф. Ивановой (в 1975 году была передана и картотека этого словаря), «Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна реки Оби» (т. 1—3), под редакцией В. В. Палагиной, «Словарь русских говоров южных районов Красноярского края», под редакцией В. Н. Роговой, «Иркутский областной словарь» Н. А. Бобрякова. Некоторые из присланных в картотеку рукописей больших региональных словарей пока, к сожалению, не опубликованы и их содержание не известно широкому кругу исследователей. Это «Словарь говоров Калужской области» Г. В. Зотова, в котором впервые с такой полнотой представлена лексика калужского края, и двухтомный «Словарь русских говоров Южного Урала» В. А. Сенкевича, в котором впервые систематично и полно показана лексика южноуральского крестьянства.

Недавно картотека получила новые щедрые дары: «Словарь русских народных говоров среднего и нижнего течения реки Урала (диалект уральских (яицких) казаков)» Н. М. Малечи (четыре тома машинописи) и лексические материалы по пинежским говорам (свыше 100 000 карточек), собранные под руководством доцента Г. Я. Симиной.

В архиве и картотеке «Словаря русских народных говоров» имеется немало небольших словарей, словариков, писем со словарными материалами, с материалами на карточках.

После получения первых писем или рукописей словарей с многими корреспондентами была установлена регулярная связь. Постоянными корреспондентами Словаря стали Д. А. Архангельский, П. А. Амосов, В. С. Дубровин, О. Е. Егорова, П. Д. Женатов, П. В. Зимин, И. Я. Лаврушин, Э. П. Ляхова, Д. А. Марков, А. М. Соловьев, А. С. Торлин, О. Е. Фиминова и другие. Письма свидетельствуют об установлении тесного контакта между коллективом сотрудников Словаря и самоотверженными любителями русского народного слова.

«Ваше любезное письмо получил. Очень рад, что моя „игра в слова“ не является забавой, приятным препровождением времени. Посылаю 28 карточек. По моим подсчетам послано 1 600 карточек» (из письма Д. А. Архангельского, 1971 год).

«Посылаю в Ваш адрес еще 70 карточек с записями диалектных слов. Теперь Вашим отделением от меня получено 810 карточек, все, что мне пришлось не без труда записать... Мои записи диалектных слов не надуманы. Это то, что я слышал в разговорах сельчан... да и сам-то я тоже носитель диалектов, и они в разговоре проявляются...» (из письма В. С. Дубровина, 1972 год).

«Подписчиком „Русской речи“ состою с 1968 года. В Вашем журнале часто печатаются материалы о старинных русских мерах, которыми я очень интересуюсь. Но о мерах пряжи и холста не было статьи. Поэтому я хочу рассказать о том, как измерялись эти величины в Вологодской области, Вожегодском районе Нижеслободского сельсовета, откуда я родом» (из письма П. Д. Женатова, 1973 год).

«Посылаю Вам очередную партию карточек со словами местного говора. Если что-нибудь не совсем ясно, то, пожалуйста, пишите. Я всегда с большим удовольствием Вам отвечу... Материалами по брянской лексике я запаслась на целый год, пополнять буду на каникулах летом» (из писем Э. П. Ляховой, 1972 год).

«Не сочтите, пожалуйста, за нескромность, но мне хочется предложить Вам свою помощь по вопросу об изучении северных диалектов. Может быть, я смогла бы быть полезной... Высылаю Вам еще полторы сотни слов, по своему образованию это наиболее интересные слова» (из писем О. Е. Фиминой, 1971 год).

Здесь трудно привести все добрые и сердечные высказывания наших корреспондентов, которыми явились люди, хорошо знающие свой говор. «Каждое слово, его произношение, интонации мне знакомы до мелочей», — так писал в одном из своих писем А. С. Торлин. Эти материалы содержат точную и объективную информацию. В них приводятся интересные образцы записей речи, нередко развернутые этнографические описания, сопровождаемые рисунками.

К сожалению, издание Словаря сильно отстает от составления: сейчас уже обрабатываются материалы на букву «Н». Но это не значит, что новые сведения на уже составленные буквы не имеют научной ценности. Они будут использованы при подготовке дополнения к «Словарю русских народных говоров». Количество этих сведений уже сейчас очень значительно.

Коллектив сотрудников, работающих над «Словарем русских народных говоров», выражает глубокую признательность и благодарность всем своим корреспондентам, приславшим сведения о русской диалектной лексике, и просит продолжать работу по сбору новых материалов. Ждем ваших сообщений. Наш адрес прежний: 199164, Ленинград, В-164, Университетская набережная, 5, Институт русского языка АН СССР, Словарный сектор, группа Словаря русских народных говоров.

И. А. ПОПОВ

Н И Г Е БОЛЬШОМУ ЧЕРТЕЖУ 350 лет

«Книга Большому Чертежу» (1627) принадлежит к числу интереснейших памятников русской письменности. Ее появление объясняется назревшей необходимостью в элементарных географических картах (чертежах) и тесно связано с развитием практической отечественной картографии. Известный советский географ Д. М. Лебедев в работе «Очерки по истории географии в России XV—XVI веков» (М., 1956) отмечает: «Необходимость учета... земельных площадей и военные нужды должны были стимулировать в XIII—XIV веках составление элементарных рукописных „чертежей“ тех или иных местностей».

В литературе встречаются многочисленные указания на широкое использование «чертежей» при составлении карт как русскими, так и иностранными картографами XV—XVI веков. К сожалению, ни один из «чертежей» XIII—XIV веков до нас не дошел (см.: Б. А. Рыбаков. Русские карты Московии XV—начала XVI вв. М., 1974). Кроме этого, в распоряжении ученых имеются авторитетные данные о первой русской оригинальной карте Московского государства — «Большом Чертеже», составленном в последней четверти XVI — начале XVII века на основе двух «чертежей» — «старого» и «нового». Ни «Большой Чертеж», ни источники, по которым он был составлен, не сохранились. Возможно, они сгорели во время пожара Москвы в 1626 году или были утрачены по каким-либо другим причинам. Подробно об этом рассказывают Ф. А. Ши-

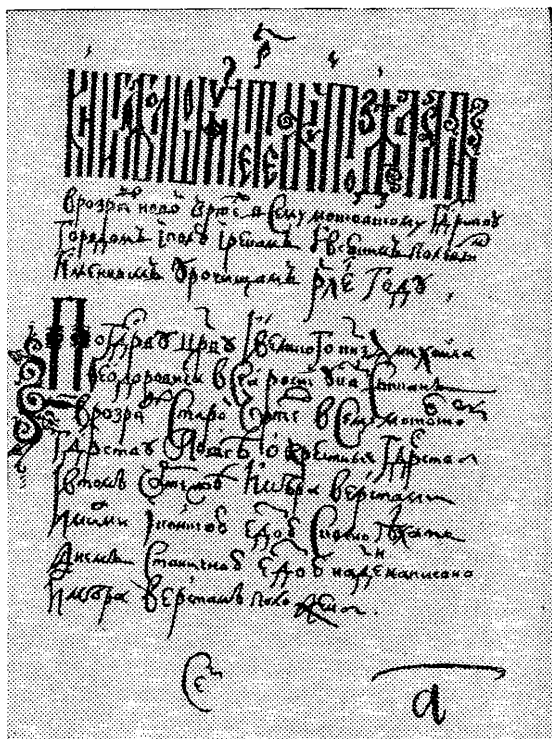
банов в работе «„Большой Чертеж“, или первая оригинальная русская карта Московского государства» (Вестник МГУ, 1947, № 5) и Б. П. Полевой — «Новое о „Большом Чертеже“» (Известия АН СССР. Серия географическая, 1967, № 6).

В связи с этим неоспоримо возрастает значение «Книги Большому Чертежу» — единственного дошедшего до нас памятника, не только доказывающего существование на Руси самих «чертежей» (и «Большого Чертежа»), но и конкретно отражающего содержание последнего. Становится понятным само название памятника, данное в форме дательного падежа принадлежности: «Книга Большому Чертежу» была составлена прежде всего в качестве своеобразного рукописного указателя географических названий, содержащихся на карте «Большой Чертеж».

Но не только этим определяется значение памятника для современной науки. Составление «Книги Большому Чертежу» относится к числу важных общегосударственных мероприятий, направленных на обеспечение обороны и безопасности границ Русского централизованного государства XVII века. Станичная, сторожевая, посольская и другие службы не могли быть организованы без наличия достоверной картографической документации, без сведений о наличии в разных географических зонах пресной, питьевой воды, о точных расстояниях между городами, о татарских перевозах и перелазгах и многого другого.

Не случайно поэтому, что в начале XVII века государственная администрация утвердила работы Разрядного приказа, тогдашнего военного ведомства, по обновлению карт и других практических пособий. Первые строки «Книги Большому Чертежу» свидетельствуют именно об этом: «По государеву царёву и великого князя Михаила Феодоровича всеа России указу сыскан в Розряде старои чертеж всему Московскому государству по все окрестные государства, и в том чертеже и мера верстами, и мильми, и конскою ездою, сколько ехать днем станичною ездою на день, написано, и мера верстами положена. И тот старои чертеж ветх, впредь по нем урочищ смотреть не мочно, избился весь и розвалился. А зделан был тот чертеж давно при прежних государех. И в Розряде дьяки, думной Федор Лихачев да Михаило Данилов, велели, примерясь к тому старому чертежу, в тое ж меру зделать новой чертеж всему Московскому государству по все окрестные государства».

Кроме обновления картографических материалов, были даны указания на повторное или новое составление описаний (росписей) к этим картам, на основании которых впоследствии могло быть составлено множество копий. «Книга Большому Чертежу» фактически и является такой росписью, составленной в Разрядном приказе в 1627 году подьячим А. И. Мезенцевым. Ему, очевидно,

«Книга
Большому
Чертежу».
Первый лист
369 списка

и велели составить «новый чертеж» (Большой Чертеж?) и сделать к нему роспись, то есть «Книгу Большому Чертежу». В челобитной А. И. Мезенцева читаем: «... в нынешнем во 136 году сентября в 12 день в Разряде я... большой чертеж зделал и мне... государевы дьяки велели чертежам, что я... зделал против старого чертежу морю и рекам и городом и зделати роспись и по росписи чертежи справить».

Долгое время считалось, что памятник не имеет автора. Сравнительно недавно благодаря архивным материалам, впервые полностью опубликованным, Г. А. Хабургаеву удалось доказать авторство А. И. Мезенцева (см.: Г. А. Хабургаев. Заметки по исторической фонетике южновеликорусского наречия. Ученые записки МОПИ, 1966).

По своему содержанию «Книга Большому Чертежу», возможно, несколько шире «Большого Чертежа», поскольку при ее составлении могли быть использованы и другие источники: писцовые

книги, данные генерального межевания, полевые опросы местного населения и т. п. В пользу такого предположения свидетельствует само содержание памятника, в котором сведения стратегического характера (указание расстояний между объектами, их подробная физико-географическая характеристика и др.) сочетаются с историческими и этнографическими сведениями. Из «Книги Большому Чертежу» наши далекие соотечественники могли узнать, например, что в Средней Азии «... на реке на Угус город Каган, живет в нем Юргенского царя брат». Или: «Близь тоя обители [монастырь в подмосковном Новом Иерусалиме] окрест и вдале учинены многие веси и наречены имены по образу древняго Иерусалима яже есть: Иордан, Елеон, Фавор, Вифиния, Рама, Вифлием, Самария, Сидон, Назарет, Капернаум, Галилея». Такое богатое и оригинальное содержание обусловило дальнейшую судьбу памятника.

В течение XVII века «Книга Большому Чертежу» широко используется как своеобразная маршрутная карта («дорожник») Разрядного приказа для «государевой службы посылок». Следует отметить, что подобные «дорожники» применялись и для организации почтовой службы. Один из таких «дорожников» XVII века был найден П. Г. Бутковым, опубликовавшим в журнале Министерства внутренних дел его текст (СПб., 1840). Интересно, что П. Г. Бутков обнаружил определенное сходство между этим указателем и «Книгой Большому Чертежу», что подтверждается названием его работы «Три статьи, присоединенные к книге Большаго Чертежа России, ... о разстоянии от Москвы главных городов, иностранных и всех Русских».

Начиная с XVIII века, а возможно и раньше, общий интерес к памятнику заметно растет. Это объясняется утратой «Большого Чертежа», равнозначным вариантом которого становится «Книга Большому Чертежу». Поэтому впоследствии возникло смешение самой «Книги Большому Чертежу» с картой «Большой Чертеж». Сравним, например, название 2-го издания памятника: «Книга Большому Чертежу, или Древняя карта Российского Государства, поновленная в Розряде и списанная в книгу 1627 года» (СПб., 1792).

Интерес к памятнику растет и благодаря наличию в нем самых разнообразных сведений. Поэтому «Книгу Большому Чертежу» начинают рассматривать как своеобразную историко-географическую энциклопедию. Иногда ее отождествляют с распространенными в XVII—XVIII веках землеописаниями (или космографиями) и даже называют «малой космографией». Неудивительно, что памятник известен в многочисленных списках, часть из которых содержит разнообразные пометы и записи. Это свидетельствует

о том, что «Книгой Большому Чертежу» пользовались люди, находившиеся на государственной службе, а также и все те, для кого она являлась просто интересной книгой для чтения.

Прошло более ста лет, прежде чем в 1768 году памятник был открыт для науки крупнейшим ученым и общественным деятелем XVIII века В. Н. Татищевым и введен им в число важных исторических источников (История Российская... М., 1768). В течение XVIII—XIX веков «Книга Большому Чертежу» неоднократно издавалась: Н. И. Новиковым (СПб., 1773), А. И. Мусиным-Пушкиным (СПб., 1792), Д. И. Языковым (СПб., 1838), Г. И. Спасским (М., 1846). Причем каждый издатель считал своим долгом указать на непреходящую ценность памятника и снабдить его необходимыми примечаниями. Поэтому указанные издания наряду с самим текстом «Книги Большому Чертежу» содержат интересные толкования некоторых географических названий (топонимов) и терминов.

Памятник с исчерпывающей полнотой фиксирует топонимическую и нарицательную (апеллятивную) лексику древнерусского языка XVI—XVII веков, что представляет большой интерес для языковедов. Примечательно, что одним из первых на важность изучения топонимического содержания памятника указал известный историк русского языка академик Ф. И. Буслаев. Он отмечал: «Для истории языка эта книга важна, как по географическим собственным именам, так и по различным выражениям, употребленным... при описании местностей» (Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков. М., 1861).

В памятнике представлено почти две тысячи топонимов, более тысячи из них — гидронимы (названия водных объектов). Это понятно, ведь «Книга Большому Чертежу» имеет ярко выраженный гидрографический характер, что связано с описанием территории Московского государства, проведенным в основном по крупнейшим рекам — главным путям сообщения того времени. Не случайно памятник впервые был издан под названием «Древняя Российская Идрография...» (СПб., 1773). Гидрографический характер при описании каждого района, и в особенности европейского севера России, последовательно выдержан в «Книге Большому Чертежу» и является определяющим.

Именно этим обусловлено обилие нарицательной лексики, связанной с большими водными системами и представляющей несомненный интерес для исторической лексикологии. Данные памятника помогают вполне четко определить сдвиги в значении некоторых гидрографических терминов. Рассмотрим это на примере древнерусского слова *колодезь* (колодец), трудность толкования которого

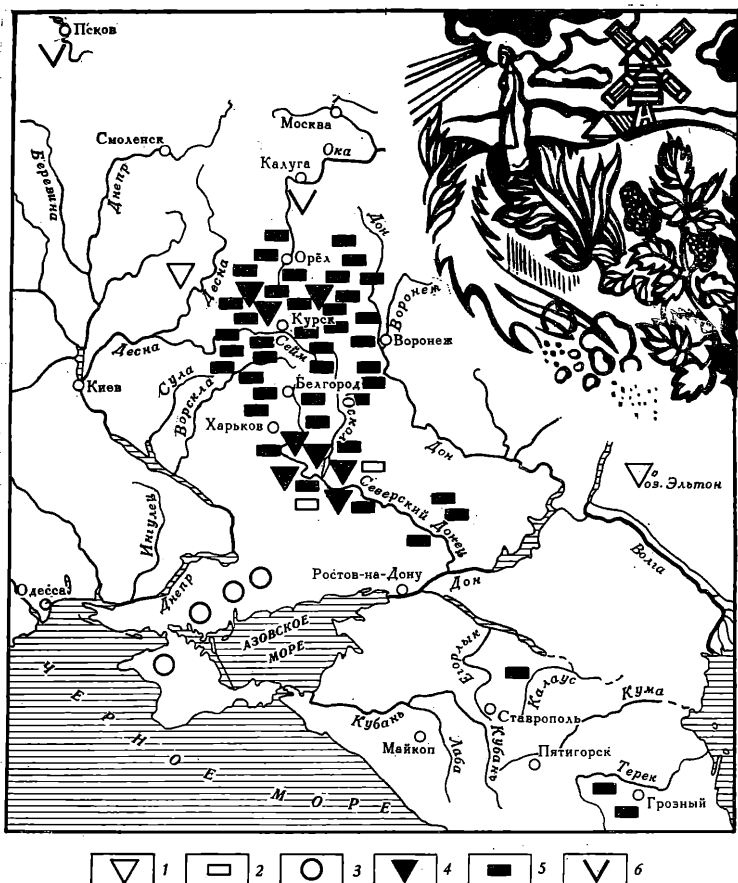
уже отмечалась в лингвистической литературе (см.: В. А. Никонов. Ручей — Ключ — Колодезь — Криница — Родник. — Материалы и исследования по русской диалектологии. М., 1961). Географический термин *колодезь* широко представлен в восточно- и южнославянских языках (белор. *калбдзеж*, *калбдзець* 'источник'; укр. *колбдязь* 'колодець'; болг. *к\ла\денец* 'источник, колодець'; сербск.-хорв. *к\ла\денац* 'источник, колодець' и т. д.) и совсем не встречается в западнославянских языках. В современном русском литературном языке известно только одно значение данного термина, обычно приводимое в толковых словарях: *колодець* — 'яма, защищенная от обвалов срубом и служащая для добывания воды' (17-томный Словарь современного русского литературного языка). Между тем «Книга Большому Чертежу» дает интересные примеры на разнообразное употребление этого термина в древнерусском языке XVI—XVII веков.

Во-первых, *колодезь* — 'естественный источник, родник': «Стародуб стоит у родника-колодезя, а реки под ним нет». В составе гидронимов данный термин в указанном значении представлен всего семью названиями, например, «А ниже Ба[лы]клеи Каменной колодезь, от Балыклеи верст з 12»; «Теплой колодезь на Московской дороге, от Курска 40 верст» и т. д.

Во-вторых, *колодезь* — 'ручей, небольшая река, вытекающие из естественного источника'. Данное значение, безусловно, связано с первым и возникло на основе его расширения: «Роспись реке Донцу, и рекам и колодезям, которые... в реку в Донец с Крымской и с Нагайской стороны пали». В этом значении слово присутствует в составе 43 гидронимов: «Через дорогу течет в Мечю колодезь Гоголь...»; «В речку в Пселец из горы течет Гремячей колодезь» и др.

Сходное развитие значений ('источник' > 'ручей') имеет и слово *ключ*, представленное в памятнике всего двумя примерами: «... город Изборск стоит на Словенских ключах» > «з горы под монастырем в реку текут великие ключи...».

Наконец, слово *колодезь* известно в «Книге Большому Чертежу» в третьем значении — 'искусственный источник, копанный' и представлено только примерами нарицательного характера: «по обе стороны дороги, деревни татарские, а воды копанья колодези, а рек нет»; «а в Молочных Водах вода солоная же, а копаные колодези есть». Данные примеры показывают, что первоначально значение 'искусственный источник' заключалось не в самом слове *колодезь*, а в определении к нему — *копанный*. Однако с течением времени соотношение между компонентами в словосочетании *копанный колодезь* изменяется: значение сосредотачивается уже только на определении — *копанный*, а все словосочетание в целом стягивается в одно слово — *копань*. Интересно, что и в настоящее время распро-

Распространение апеллятива колодезь по данным «Книги Большому Чертежу»

1. «природный источник»; 2. «ручей, река»; 3. «искусственный источник»;
4. Названия природных источников; 5. Названия ручьев, рек; 6. Апеллятив ключ

странено данное значение слова *колодезь* в украинском и белорусском языках, а также в части примыкающих к ним южновеликорусских говоров. Однако лексическое выражение этого значения может быть различным. Ср. укр. *копанка* — ‘яма для воды; расчищенное под посев место в лесу’, *копань* — ‘небольшой пруд’. Белор. *копанка* — ‘яма с водой, небольшой пруд’. Аналогичное явление наблюдается в говорах Смоленской области, где искусственно сде-

ланный колодец или небольшое озерцо обозначают словом *копань*, *копанка*. Писатель П. П. Дудочкин, смолянин родом, в статье «Живые алмазы России» вспоминает: «На моей памяти отец с дедом расчистили лопатой водяную жилу..., получилась ямка-копанка аршинной глубины, потом поставили тут дубовую кадку без днища, с деревянными обручами. Получился незаплывающий колодец» (Ветер странствий. Альманах. Вып. 11. М., 1976). Распространение слова *колодезь* по данным «Книги Большому Чертежу» возможно представить картографически (см. карту).

Таким образом, даже единичные примеры убеждают в необходимости учета и использования ценных данных «Книги Большому Чертежу» для историко-лексикологических разысканий. Кроме этого, памятник интересен еще и тем, что сохранил для нас первоначальное значение многих географических терминов, теперь вышедших из употребления, например: *гурло* — ‘устье, рукав реки; морской пролив’. Материалы «Книги Большому Чертежу» позволяют точнее датировать первое употребление некоторых географических терминов в процессе формирования языка русской географической науки. Так, например, памятник показывает, что употребление слова *верховье* как термина практической географии относится уже к первым десятилетиям XVII века. Анализ содержания «Книги Большому Чертежу» свидетельствует о достаточно развитой к XVII веку системе гидрографической терминологии. Среди таких терминов встречается и *верховье*: «А река Десна вытекла от Дорогобужа, *верховьем* вязалась с рекою Угрою»; [Малая Балыклейка] «впала с правой стороны, а *верховьем* взялась выше Балыклеи» и др. В этой связи представляется не совсем точным утверждение о том, что «с 30-х гг. XVIII в. в географической литературе начинает распространяться новый термин...— верховье реки» (Л. Л. Кутина. Формирование языка русской науки. М.—Л., 1964). Очевидно, это не было началом распространения нового термина, поскольку употребление слова *верховье* в качестве термина практической географии было известно в русском языке, как показывают приведенные примеры, уже в XVII веке, а по отдельным памятникам — в XII—XV веках (См.: Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1975).

«Книга Большому Чертежу» давно и прочно вошла в число обязательных источников при создании больших лексикографических произведений, таких, например, как выходящий сейчас «Словарь русского языка XI—XVII вв.» (М., вып. 1—4, 1975—1977). Материалами памятника охотно пользовался М. Р. Фасмер, иллюстрируя и доказывая ими происхождение некоторых географических

названий в своем Этимологическом словаре русского языка, например, этимологию гидронима *Нева*. Многие другие исследователи продолжают использовать данные «Книги Большому Чертежу» в работах самого различного характера.

Несмотря на широкое и активное использование памятника в течение длительного периода времени, мы, к сожалению, пока не располагаем обстоятельным комментарием к нему, не выполнено и топонимическое исследование «Книги Большому Чертежу». Все это предстоит сделать в ближайшем будущем.

Со времени создания «Книги Большому Чертежу» прошло 350 лет, и до сих пор этот ценный памятник продолжает оставаться важным источником изучения истории русского языка, истории Русского государства.

А. В. БАРАНДЕЕВ

СРЕДИ КНИГ

«КУЛЬТУРА РУССКОЙ РЕЧИ НА УКРАИНЕ»

Важная особенность современного русского языка — его использование вне собственно русской национальной среды. По-русски говорят десятки миллионов советских людей нерусских национальностей, а в последние десятилетия и миллионы людей в зарубежных странах. У этого факта много следствий, но читателям журнала «Русская речь», ревнителям русского языка интереснее всего, несомненно, знать, безразличен ли он для судьбы самого русского языка, как сказывается на его прогрессе, чистоте и самобытности?

Вопрос о жизни русского языка в иноязычной среде привлекал к себе внимание многих исследователей. Еще в дооктябрьский период им занимались А. А. Александров, В. А. Богородицкий, К. П. Зеленецкий; его разрабатывают и многие советские ученые: М. Г. Булахов, В. П. Григорьев, Ю. Д. Дешериев, М. И. Иса-

ев, Г. А. Махароблидзе, М. М. Михайлов, И. Ф. Протченко и другие. Однако нигде не было пока столь глубокой и комплексной разработки, как в книге «Культура русской речи на Украине» (отв. редактор Г. П. Ижакевич. Киев, изд-во «Наукова думка», 1976), написанной большим коллек-

тивом специалистов Института языковедения имени А. А. Потебни АН УССР и ряда вузов Украины.

Имеющиеся публикации рассматривали в сугубо теоретическом аспекте проблему развития языка в условиях контактов и билингвизма (двуязычия) или, напротив, в практическом плане педагогики и методики обучения. Монография «Культура русской речи» посвящена всестороннему изучению реального использования русского языка на Украине. Благодаря своей близости с украинским языком и длительной традиции своего функционирования на Украине, «русский язык практически охватывает параллельно и наряду с украинским все сферы общественно-политической, экономической и культурной жизни населения Украинской ССР» (с. 17—18). Такая ситуация придает качеству русской речи украинцев историко-социальное значение.

На Украине выходят книги и газеты на русском языке, которые и пишутся и читаются, конечно, не только русскими, живущими в республике, но и украинцами. Да и сами русские в этом случае не изолированы от украинского языкового влияния, тем более что многие из них владеют украинским языком. Вероятно, особенно показательны в рецензируемой монографии прекрасно исследованное украинское художественное творчество на русском языке. Не говоря уже об особенностях произведений Н. В. Гоголя, В. Г. Короленко, по-русски писали многие свои труды Т. Г. Шевченко, Марко Вовчок, П. Грабовский, Л. Глибов, М. Коцюбинский, Леся Украинка, Панас Мирный. Черты украинской речи не

чужды и русским авторам, живущим на Украине: Н. Ушакову, Л. Вышеславскому, Б. Палийчуку и многим другим. Становление и освоение в русской речи черт, вызванных к жизни украинским языковым влиянием, прослеживается в публицистике, научном общении, в бытовом разговоре, причем и тут оно может быть не менее влиятельным, чем в поэзии и художественной литературе.

В сущности монография украинских ученых и посвящена анализу этого специфического вклада в русскую речь, оценке перспективности или нежелательности отдельных его частей. Нельзя не заметить, что здесь возможен (и на практике часто наблюдается!), с одной стороны, пуристический подход — безоглядное осуждение всего, отличающегося от норм современного русского языка. С другой стороны, теоретически возможно и мнение о неизбежной «особости» русской речи на Украине, о ее отграничении и даже отделении от русской речи в России. Единственно, что может уберечь от крайностей, — это объективное научное исследование, вскрывающее глубинные тенденции идущих процессов. Авторы монографии твердо стоят именно на этой позиции.

Они проводят, например, тщательный инструментальный анализ произношения и интонации украинцев, говорящих по-русски. При этом выявляется, скажем, меньшая зависимость качества гласных звуков от их места в слове по отношению к ударению. Средняя длительность ударных гласных в устах украинцев оказывается большей, чем у русских (заметим, что эти экспериментальные дан-

ные объясняют интуитивное впечатление русских, будто украинцы «поют» в русской речи, перенося в нее певучесть своей мовы). Для русской речи украинцев характерно иное произношение гласных, отчего появляются различия в звуках, произносимых русскими одинаково: дорога и барабан. Немало особенностей и в произношении согласных: кроме фрикативного *з* на месте взрывного (дорога, строгий, выглядит; ср. также *х* вместо *к* в конце слов *луг, стог*), упомянем губно-губной звук на месте губно-зубного: *прау-да* (правда), *зубоу* (зубов), *удова* (вдова), *уперед* (вперед) и т. п.

Насколько устойчивы эти особенности и мыслимо ли их влияние на русский язык в целом? Большинство из них, как показывают авторы, легко устранимы и не составляют абсолютной характеристики русской речи на Украине. Они могут стать стабильными тогда, когда соответствуют известным процессам самого русского языка, а не являются чистым и непосредственным результатом украинского влияния. Любопытно, что фрикативное *з* в русской речи украинцев заметно отличается от сходного звука украинского языка, но полностью совпадает с аналогичным звуком южнорусских диалектов и старым литературным звуком в словах *господи, благо, богу*. Произношение украинцами *а* вместо *и* в первом слоге слов *часы, чахотка, чабан* идет в русле собственно русских процессов изменения произношения в последние 50—60 лет и, видимо, ускоряет их. Иной вопрос, насколько желательна русскому языку такая помощь!

Важен, однако, общий вы-

вод: перспективным оказывается лишь то, что находит поддержку в процессах самого русского языка. Это так не только на фонетике, но и в грамматике, лексике, стилистике. Прямые отзвуки украинского языка, например в русской речи украинцев: «Маруся знае это»; «Гости с академии зайдуть до секретаря»; «Писав мне, шо приедет поездом»; «Пользуемся мало мы словарями», носят характер индивидуальный и случайный. Они не составляют системы особой русской речи, противопоставленной русской речи в России, и не могут воздействовать на русский язык. Впрочем, и здесь обнаруживаются факты, соответствующие процессам русского языка, свойственным как его литературной форме, так и диалектам, просторечию. Факты эти уже небезразличны для русского языка. В первом случае они содействуют прогрессу русского языка, его обогащению и совершенствованию. Во втором — могут стимулировать явно нежелательные процессы, подерживая, скажем, такие формы: *смеяться с него, гости с Москвы, соскучился за вами, дышуть, возьмут, приедь, бежи, ляжу, иметь две дочери* (вместо *двух дочерей*), *один одного* (вместо *один другого*) и т. д.

«Отдельные элементы украинского языка, в том числе и структурные, проникнув в русскую речь на территории Украины и впоследствии выходя за ее пределы, находят более широкое распространение и становятся в отдельных случаях достоянием русской литературной речи» (с. 18). Примером могут служить теперь укоренившиеся в русском языке названия мест на *-щина*. Однако и тут авторы

монографии вскрывают основную особенность (составляющую, по-видимому, специфическое качество русского языка): приемлемым оказывается то, что хотя бы в зародыше существует уже в самом русском языке.

Беспристрастный научный анализ русской речи украинцев показывает, что в ней нет системы общих, всеми ими принятых черт, которая не соответствовала бы тенденциям русского языка или, соответствуя им, не реализовалась бы в его литературной форме. Авторы монографии неоднократно подчеркивают: русский язык осваивается и функционирует на Украине в форме единого эталона литературно-нормированной русской речи, как она существует на родине — в России и повсюду. Отсюда следуют два важных вывода.

Первый касается русского языка в целом: это историческая и территориальная целостность и монолитность русского языка. Несмотря на широкое функционирование на громадных иноязычных территориях, он не распадается на варианты (скажем, кавказский, среднеазиатский, украинско-белорусский), как произошло, например, с английским языком, существующим в виде британского, американского, австралийского и иных литературных вариантов или «стандартов» со своими нормами и идеалами правильности. Русский язык, разумеется, не стоит на месте. В советскую эпоху его бурного развития повысился и вклад иноязычного населения, но в целом процесс идет в рамках устойчивой самобытности, исторически сложившихся норм и законов. Именно с этих позиций должен прогнозировать

ся путь будущего прогресса русского языка и оцениваться его культура в двуязычных средах, культура как средство межнационального общения и сотрудничества народов СССР, как средства широкого международного общения — «мирового языка».

Второй вывод относится к сфере «языкового планирования» на самой Украине; он естественно распространяется и на другие иноязычные регионы функционирования русского языка. Если русская речь украинцев в силу специфики самого русского языка не может быть самостоятельной системой, то наблюдающиеся отличия русской речи украинцев от речи русских должны квалифицироваться как нежелательный «акцент» и по мере возможности устраняться.

Классифицируя те явления, которые мешают совпасть русской речи украинцев и русских, авторы монографии представляют их как «ошибкоопасные» места, требующие внимания при обучении в школе и при работе над собой, как «отрицательный языковой материал». Такой материал нужен не столько для историко-теоретического изучения контакта двух близкородственных языков, сколько для разработки действенных мер преодоления ошибок. Вероятно, поэтому книге и дано название «Культура русской речи на Украине», а не «Функционирование русской речи на Украине». Последнее, вообще-то, точнее соответствовало бы содержанию: ведь изучаются и те явления, которые, появившись как искажение собственно русской нормы, могут быть приняты или уже приняты в России, и явления истории двух языков, имевшей

и сходные и расходящиеся направления (особенно это относится к разделам, посвященным русско-украинско-польскому взаимодействию в XVI—XVIII веках и языку русских произведений Т. Г. Шевченко).

Параллельное использование на Украине двух языков — русского и украинского — имеет своим следствием также влияние русского языка на украинский. Живущие в республике русские, говоря по-украински, и украинцы, владеющие русским языком, переносят в свою речь особенности русской речи. В результате складывается, если угодно, определенный «общий фонд», который в конечном счете становится достоянием обоих языков, сближая и родня их. Процесс этот весьма ограничен, ибо языки близки, связаны общим языком-прародителем и развиваются в сходных, если не одинаковых историко-общественных и культурных условиях. Демонстрация этой общности — принципиальный тезис авторов монографии, не менее важный, чем утверждение монолитности и единства русского литературного языка. В сущности эти положения взаимно дополняют друг друга, лингвистически проясняя существо языковой жизни многонационального Советского Союза, где обеспечено не только свободное развитие всех языков, но и активное их взаимодействие.

Нельзя не заметить, что идея взаимодействия, ведущего к складыванию новых общих черт в соприкасающихся языках, разработана в монографии несколько слабее. Не разграничив теоретически разные пласты общности, в частности природный, естественный и приобретенный,

что особо важно в случае контакта двух близкородственных языков, авторы иной раз ищут дифференциации там, где их искать беспредельно. Это особенно заметно при анализе лексики; например, слово *хата* неоднократно квалифицируется как «украинизм» — русское заимствование из украинского языка. Но, во-первых, нет уверенности, что это так: многие склонны считать его общим восточнославянским словом, во всяком случае оно явно органично для собственно русских южных говоров. Во-вторых, оно настолько обрусело, настолько стало параллельным к исконно русскому слову *изба* и принято литературным русским языком, что ссылка на украинское происхождение ничего не дает. Напрасно столь настойчиво подчеркивается авторами и украинское происхождение слов *отчизна*, *пекарь*, даже *понурий*, *скарб*, *бугай* и прочих. Более продуманного истолкования, как кажется, заслуживают разговорно-синтаксические конструкции (хотя бы: *Толстой он был богатым*). Здесь так же, как в лексике, дело не в специфике русской речи украинцев, а в процессах совместной выработки синтаксической общности.

Недочетом книги можно признать недостаточное внимание к роли средств массовой информации во всех языковых процессах современности. Практически ничего не говорится о радио, кино и телевидении, не упоминается театр, а газете посвящена более чем скромная глава «Язык русских публицистических изданий». В то же время очевидно, что учет этих

Окончание на с. 106

По карте Родины

Валуйки

Лиски

НАЗВАНИЕ города *Валуйки* в Белгородской области РСФСР часто связывают с диалектным южнорусским словом *валуй* «неповоротливый человек, лентяй» (В. А. Никонов. Краткий топонимический словарь. М., 1966). Аналогичное название населенного пункта в бывшем Волоколамском уезде А. М. Селищев производил от личного имени *Валуйка*, которое, по его мнению, возникло из указанного диалектного слова (см.: А. М. Селищев. Избранные труды. М., 1968).

Исследование белгородского топонима *Валуйки* нельзя отрывать от другого географического имени — названия левого притока Оскола — *Валуй*. На высоком правом берегу его недалеко от устья в конце XVI века возникло укрепление, далеко выдвинутое в «поле» для защиты окраин русского государства от набегов крымских татар и превратившееся в город *Валуйки*. Связь между названиями реки и поселения несомненна.

Водное название (гидроним) в форме *Волуй* (*Валуй*) нередко встречается в документах XVII века, хотя самое древнее упоминание его (1491) дает нам уже суффиксальное образование — существительное *Волуйка*: «межь *Волуйкою* и *Донцемъ*» (Памятники дипломатических сношений древней Руси с державами иностранными. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Ногаями и Турцией. Т. 1. М., 1884). Из-

редка встречаются и другие варианты гидронима: *Валуичик*, *Валуйки* (мнж. число), река *Волуйская*, *Большой Валуй*. Речка *Валуй* имеет, в свою очередь, приток *Валуичик*, называвшийся также *Валуйцем*, *Малым Валуйцем* или *Малым Валуем*.

В названии *Волуй* (в южнорусской акающей огласовке — *Валуи*) обнаруживается форма мужского рода древнерусского прилагательного *волуу* «воловий, бычий» (ср.: *волуя глава*, *волуя кожа*, *волуе стадо* и т. д.), определявшего когда-то утраченный географический термин — *ручей*, *овраг*, *колодезь* «небольшой водный поток». *Волуй* и находится в той зоне бассейна реки Дон, где в прошлом был хорошо известен термин *колодезь*, нередко выступавший в составных названиях в качестве определяемого компонента (в XVII веке среди притоков *Волуя* были, например, *Верхний колодезь* и *Мосеев колодезь*). Замена в русском языке этой краткой формы прилагательного современной формой с суффиксом *-ов-* (*воловий*) привела к тому, что гидроним *Волуй* (*Валуи*) стал восприниматься как полноправное имя существительное. Название реки *Волуй* в значении «воловий» произошло, по-видимому, оттого, что на его богатых травянистой растительностью берегах пасли крупный рогатый скот и в первую очередь волов.

Гидроним *Волуй* (*Валуи*) — единственный в бассейне Дона, хотя встречается и в других речных бассейнах, например, в Поочье, где он засвидетельствован трижды: река *Валуи* (в верховье Оки), озеро *Большие Валуи* (в среднем левобережье Оки), *Волуйский верх* (в верхнем правобережном Поочье) (Г. П. Смолицкая. Гидронимия бассейна Оки. М., 1976).

С интересным фактом «расшифровки» первичного значения гидронима мы имеем дело в следующем случае: одно из сел бывшего Кромского уезда Орловской губернии, расположенное на берегу *Волуя* (левого притока Оки), носило название *Воловьи Верхи* (Списки населенных мест Российской империи. СПб., 1871). Точно так же название деревни *Коровьи Верхи*, расположенной в истоках реки *Коровинки*, позволяет нам предположить, что в основе его современной формы лежит прилагательное *коровья*, а не личное имя *Коровин*, *Корова*.

На базе основы прилагательного *волов-* появились новые имена, сложившиеся в более позднее время: *Воловчик* — ручей в бассейне Олыма, правого притока Быстрой Сосны; *Воловка* — речка в бассейне Вороны, правого притока Хопра (П. Л. Маштаков. Список рек Донского бассейна. Л., 1934); овраг и верх с одинаковым именем *Воловатой*, овраг *Воловой* — все в бассейне верхней Оки (Г. П. Смолицкая. Гидронимия бассейна Оки) и т. д.

Среди названий наших речек, ручьев и оврагов встречается немало «коровьих» (только в бассейне Оки, по данным каталога Г. П.

Смолицкой, их несколько десятков), «конных» (или «конских»), «кобыльих» и других. Например, приток Красивой Мечи (бассейн Дона) *Кобыленка*; *Кобылка* (в «Книге Большому Чертежу» еще *колодезь Кобылеи*) и *Жеребенок* — оба в бассейне Быстрой Сосны; *Жеребец* — левый приток Северского Донца; овраг *Конской* — в верхнем левобережном Поочье и т. д. В этих наименованиях отразился вид деятельности огромного крестьянского населения старой России, занимавшегося скотоводством. «Воловьи» названия некоторых наших речек — лишь незначительная часть этой представительной группы географических имен. В произвольной форме *Валуйка* это название закрепилось и за населенным пунктом. В форме единственного числа слово *Волуй* (*Валуйка*) просуществовало долго — оно фиксируется не только документами конца XVI, но и XVIII века. Однако уже в XVII веке появляется форма множественного числа — *Валуйки*. «Книга Большому Чертежу» регистрирует колебания в употреблении вариантов *Валуйка* и *Валуйки*. Иногда они могут сосуществовать в общих текстах и даже стоять рядом, как, например, в одном из документов 1710 года: «с тою почтою на *Валуйки* [множ. число] явятца и с *Валуйки* [единств. число] к Москве та почта... отпущена будеть» (Материалы по истории Воронежской и соседних губерний. Воронеж, 1885—1886).

Появление формы множественного числа в топониме *Валуйки* и постепенное ее закрепление в языке было вызвано хорошо известным в топонимии процессом расподобления одинаковых названий рек и населенных пунктов. Форма множественного числа характерна для русских названий населенных пунктов и мало типична для названий рек. Материалы по топонимии бассейна реки Дон дают нам множество примеров подобного расподобления однокорневых названий речек и ручьев и находящихся на их берегах сел и деревень. Приведем некоторые из них, относящиеся к верхнему течению Дона (до впадения в него реки Воронеж): река *Панька* — на ней три населенных пункта с названием *Паньки*; ручей *Дриска* — село *Дриски*; ручей *Избище* — село *Избищи*; речка *Щигор* — город *Щагръ* и т. д.

Может иметь место и «обратное» влияние формы названия сел и деревень на речные названия, которые в связи с этим приобретают не свойственное им прежде множественное число: река *Панька* (правый приток Дона) — село *Паньки* — река *Паньки*; лощина *Мшара* (на верхнем Дону) — деревня *Мшары* — лощина *Мшары*; речка *Озерка* (в бассейне Быстрой Сосны) — деревня *Озерки* — речка *Озерки*; речка *Опочка* (в бассейне Оскола) — село *Опочки* — речка *Опочки* и т. д. «Обратное» воздействие топонима *Валуйки* на название ручья отмечается лишь в единичных случаях. Форму гидронима *Валуйки* мы, например, находим на карте Новороссий-

ской губернии в «Российском атласе», изданном в 1800 году Географическим департаментом.

Если в XVII веке отношения *Валуй-Валуйка* отражали различия гидронима и названия населенного пункта — при более редком употреблении: *Валуй — Валуйки*, то в XVIII—XIX веках устанавливается именно этот, последний тип топонимической связи, сохранившейся в наше время.

Лиски. Так до 1965 года назывался город Георгиу-Деж в Воронежской области РСФСР. Свое название он получил от правого притока Дона — реки *Лиски* (или *Лыски*). Множественное число в наименовании города такого же происхождения, как и в рассмотренном топониме *Валуйки*. В документах 50—60-х годов прошлого века название еще встречается в форме *Лиска* (*Лыска*), а иногда уже и *Лыски*, как, например, в посвященном Воронежской губернии выпуске «Материалов для географии и статистики России», составленном В. Михалевицем (СПб., 1862). Примерно к концу XIX века закрепляется противопоставление: река *Лиска* (*Лыска*) и название населенного пункта на ней — *Лиски* (*Лыски*).

Замечание В. А. Никонова: «Этимология *Лиски* неясна» (Краткий топонимический словарь) следует относить только к гидрониму, который отмечает еще «Книга Большому Чертежу»: «пала в Дон речка *Лиска*», «ниже речки *Лиски*». Как речное название *Лиска* встречается в целом ряде источников XVII—XIX веков. Его варианты: *Лыска*, *Лысочка*.

Именно варианты гидронима и названия населенного пункта с основой *Лыск-* имеют, на наш взгляд, этимологическую ценность: они прямо указывают на связь с прилагательным *лысая*, получившим — уже на топонимической стадии — суффикс имени существительного *Лысая*→*Лыска*. Это прилагательное использовалось для обозначения различных географических объектов (рек, ручьев, балок, возвышенностей и т. д.), лишенных древесного или травяного покрова. Сравните, например: балка *Лысый колодезь* — в бассейне реки Быстрой, левого притока Северского Донца; *Лысые горы* — на реке Медведице; *Лысая гора* — на берегу реки Маныч, левого притока Дона и др. В восточнославянской топонимии «лысые горы» встречаются часто (вспомним еще известную *Лысую гору* под Киевом). Среди прочих значений слова *лысина* В. И. Даль отмечает и «голое темя гор, холмов» (Толковый словарь). Такие названия встречаются и в гидронимии Днепра: *Лисогорка*, две *Лысянки*, *Лысая Гурка*, две *Лиски*, *Лыса* и др. (П. Л. Маштаков. Список рек Днепровского бассейна. СПб., 1913); в бассейне Оки: река *Лысенка* (сна же *Лысенка*, *Лыска*), овраг *Лысой* и, почти рядом, дру-

гая река *Лисенка* (Г. П. Смолицкая. Гидронимия бассейна Оки) и т. д.

Имеется еще одно название *Лиска*, относящееся к левому притоку Чира. С XVII века оно отмечается в «Донских делах» и в других источниках, имеющих отношение к Дону. В отличие от воронежской *Лиски*, нижнедонская *Лиска* не сохранила вариантов с основой *Лыск-*, но среди ее притоков имеется балка Лысова, а также *Голый лог* и балка *Голая* (многие притоки Чира безлесны).

Фонетическая неустойчивость основы *Лыск-* // *Лиск-* в некоторых случаях приводила к переосмыслению таких названий — к сближению их со словами *лисья*, *лиса*, *лисица*. Благодаря этому *Лысье горы* на реке Медведице становятся *Лисьими горами* (Дон и его притоки. Воронеж. 1891); *Лысая гора* недалеко от реки Байгоры (бассейн Воронежа; здесь же находится и село *Лысье Горы*) превращается в *Лисью* (Бассейн Цны, Савалы и Битюга. СПб., 1905). Точно так же название левого притока Сулы (левого притока Днепра) *Лисогорка* переосмысливается в *Лисицу* (П. Л. Маштаков. Список рек Днепровского бассейна) и т. д.

Для обозначения различных водных объектов с безлесными берегами использовались и другие определения: *нагольная* (ср. *Нагольная* — балка в бассейне Айдара, левого притока Северского Донца; река *Нагольная* имеется и среди притоков Миуса, впадающего в Азовское море), *босая* (две *Босых* балки мы находим в бассейнах Айдара и Деркула) и т. д. Во всех подобных случаях мы имеем дело с уже стершимися в наши дни топонимическими метафорами.

Е. С. ОТИН

Окончание. См. с. 101

явлений пролил бы дополнительный свет на все исследуемые проблемы, в частности и на формирование общих черт в двух языках. Один маленький пример: сочетание *справлять праздник*, *справлять день рождения*, характеризующиеся как «общие для русской разговорной речи и украинского языка» и как просторечные с точки зрения русского литературного языка (с. 131), в современной газетной фразеологии требуют иной квалификации. А их связь с русскими *отмечать*, *праздновать* может

быть результатом общей тенденции языка к известной языковой интернационализации.

В заключение рецензии, цель которой рекомендовать читателям очень интересную книгу, еще раз подчеркнем ее общекультурное значение. В ней исследованы не только специфические проблемы правильности и культуры русской речи в условиях близкородственного украинско-русского двуязычия, но и отчасти некоторые перспективы развития самого русского языка в реальных условиях его нынешнего существования.

В. Г. КОСТОМАРОВ

Слово в поэтике классицизма

Каждое литературное направление вырабатывает свое принципиальное отношение к употреблению слова, «первоэлемента литературы» (А. М. Горький). Развитие литературы органически связано с развитием литературного языка. В числе крупных достижений русской культуры XVIII века — выработка норм русского литературного языка, проводившаяся в тесной связи с формированием поэтики классицизма, с употреблением слова в идейно-художественной системе этого литературного направления. (Термин «поэтика» употреблен здесь для обозначения целостной системы художественных средств, характерной для литературного направления, писателя.) Русский классицизм утвердил победу светского начала в нашей культуре. Человек может и должен творить совершенство на земле! Он должен руководствоваться не мистицизмом, а рационализмом!

Оценка жизни с позиций высокой нормы, образца, оказывалась невозможной без упорядочения языковых средств. Этой потребности ответила теория «трех штилей» М. В. Ломоносова, способствовавшая упорядочению русского литературного языка. Лишались права употребления литературной речи «весьма обветшалые» слова, непонятные современникам. Церковнославянизмы объявлялись особой принадлежностью «высокого штиля», которым «составляться должны героические поэмы, оды, прозаические речи о важных материях». Особыми качествами его являлись торжественность и «великолепие».

Средний стиль («посредственный штиль») составлялся из «славенороссийских речений» и «больше в российском языке употребительных». В него допускались, но с осторожностью, и «низкие» слова. «Сим штилем писать все театральные сочинения... Стихотворные дружеские письма, сатиры, эклоги и элегии...» (М. В. Ломоносов. Предисловие о пользе книг церковных в российском языке). Средний стиль в учении Ломоносова менее всего теоретически разработан: «...его позиция на стыке между стилями делает состав языковых средств неопределенным, а границы его очень зыбкими» (В. П. Вомперский. Стилистическое учение М. В. Ломоносова и его теория трех стилей. М., 1970). Однако именно этот стиль и составил впоследствии основу русского литературного языка.

«Низкий штиль» чужд «высоких» церковнославянизмов. Главное в нем — русские разговорные формы. Употребляются и «простонародные низкие слова». Возможны и «славенороссийские речения». Низкий стиль — это простой безыскусственный слог. Им создаются «комедии, увеселительные эпиграммы, песни; в прозе дружеские письма, описания обыкновенных дел» (Предисловие о пользе книг церковных в российском языке).

Высокий, средний и низкий стили русского литературного языка сравниваются Ломоносовым с литературными жанрами классицизма, тоже высокими, средними и низкими, на уровне лексики, произношения, синтаксиса, «украшающих» речь тропов и фигур. И хотя ученый затрагивал проблему жанров лишь для того, чтобы соотнести их речевой строй с тем или иным стилем, он способствовал разработке их поэтики.

На примере изучаемых в школе произведений М. В. Ломоносова и Г. Р. Державина рассмотрим, как осуществлялось стилистическое учение великого филолога.

«Ода на день восшествия на престол императрицы Елизаветы Петровны, 1747 года» Ломоносова посвящена теме родины и патриотической деятельности во имя ее блага. Поэт ставит и решает в своем произведении большие общенациональные проблемы. Что нужно делать императрице, чтобы принести наибольшую пользу отечеству? — Развивать науку, промышленность. «Почувствуют и камни силу тобой восставленных наук», — убеждает поэт Елизавету. Отечество с нетерпением «ожидает» ученых и специалистов, ободряет, благославляет их, призывает в полную меру применить свой «разум», талант, свои знания и умения. Наука, просвещение — активное средство воспитания граждан, полезных отечеству. Программа государственной деятельности, предлагаемая поэтом, конкретна и содержательна. «Великая Петрова дочь» должна продолжить дело своего отца, государя-патриота, просвещенного монарха.

Строфы (с 7-й по 11-ю), непосредственно посвященные изображению Петра I, избирают тропами и фигурами. Согласно стилистическому учению Ломоносова, тропы и фигуры в поэтической речи «высокого штиля» «важную и благородную материю украшают, возвышая и устремляя слово», однако употребление их должно «иметь свою меру». Центральную роль в словесном изображении Петра играет перифраз (троп, состоящий в замене названия лица, предмета или явления описанием его существенных признаков) — «... человека, каков не слыхан был от века». В тропе, сконструированном при помощи сложноподчиненного предложения, особую смысловую нагрузку приобретает придаточная, определительная часть: какого человека? — «каков не слыхан...». Образ-описание здесь строится на основе гиперболы (перифраз включает в себя гиперболу: «таких или подобных людей не было никогда!») и содержит восхищение поэта героем, воспеваемым лицом.

На чем основывается это восхищение героем, возвышение его в произведении? Для ответа на вопрос следует обратиться к перифразу *зиждитель мира*. Слово *зиждитель* — церковнославянизм — относится к числу архаизмов, которые были понятны грамотным современникам поэта. Такого рода архаизмы принадлежали «высокому штилю»: они придавали особую торжественность поэтической речи. *Зиждитель мира* означает «строитель», «основатель», «создатель» мира, вселенной, то есть «бог». Дело не в религиозности поэта. Как человек своего времени, он отдавал должное религии, но, как известно, никогда не проявлял осо-

бой склонности к ней. Смысл этого перифраза в контексте оды — в выдвижении и возвышении самого принципа строительства, созидания, созидающей деятельности. Человек-деятель, человек-созидатель уподоблен богу. Тема о нем соразмерно завершается перифразами 10-й строфы: «Бессмертия достойный муж, Блаженства нашего причина», — после описания патриотических дел героя. Таким образом, условно-символическая деятельность «зизждителя мира» — бога — лишь упомянута, а деятельность человека — Петра I — конкретизирована, соотнесена с Россией, показана как патриотическая деятельность:

Россию, грубостью поправну,
С собой возвысил до небес.

Грубость, отсталость, невежество — антиподы Петра, это «препятства», сквозь которые «он вознес главу победами венчанну».

Примечательно употребление архаических форм слов — существительных, особенно причастий и прилагательных: *препятства*, то есть «препятствия»; *венчанну*, то есть «венчанную». Такие формы употреблялись и потому, что некоторые слова не укладывались полностью в четырехстопный ямб оды (подобные «вольности» были вполне допустимы в одическом словоупотреблении), а также потому, что, наряду с иными архаизмами, они создавали высоко торжественный строй книжной «украшенной» речи, являлись «усечениями» «высокого штиля». Требованиям последнего соответствовало и произнесение под ударением *e* вместо *o*: *вознес* вместо *вознѣс* и т. п. Кроме того, примечателен подбор слов с определенными звуками: например, употребление гласного *a*: ужасный, делами, пр[а]славить, Р[а]ссию и т. п. «В российском языке, как кажется, частое повторение письмени *a* способствовать может к изображению великолепия, великого пространства, глубины и вышины, также и внезапного страха», — писал Ломоносов в «Кратком руководстве к красноречию». Особое значение он придавал и сочетаниям согласных звуков: «Чрез сопряжение согласных твердых, мягких, плавких раждаются склады, к изображению сильных, великолепных, тупых, страшных, нежных и приятных вещей и действий пристойные...». Так внутри поэтики классицизма вызревало осознание изобразительно-выразительных возможностей русских ассонансов и аллитераций. Однако Ломоносов понимал относительность подобных правил. Главным он считал стремление «лучше

последовать самим идеям и стараться оные изображать ясно».

Как теоретик и как поэт Ломоносов признает: «Больше всех служат к движению и возбуждению страстей живо представленные описания, которые очень в чувства ударяют, а особливо как бы действительно в зрении изображаются». И он создает в 8-й и 9-й строфах аллегорико-метафорическое, в духе классицизма, описание великих патриотических дел Петра I, пронизывая его главным возвышаемым в оде принципом созидания: «В полях кровавых Марс страшился...». Слова *Марс* (бог войны в римской мифологии), *Нептун* (бог моря), *Нева* (олицетворение одного из результатов деятельности Петра I), *науки* (в значении 'музы наук') выступают как емкие символично-аллегорические обозначения понятий, самых существенных для характеристики государственной деятельности воспеваемого героя. Как правило, аллегория сочетается с олицетворением и другими тропами: Марс *страшился* (пугался), Нептун *чудился* (удивлялся), *сомненная* (испуганная) *Нева рекла* (говорила); науки «в Россию простирали руки», они обратились к монарху с речью, он «призывает» их к себе, и «Россия ожидает полезны видеть их труды».

К аллегории присоединяется также синекдоха (троп, состоящий в переносе значения с части на целое и наоборот): «российский флаг» вместо «российский флот». Прилагательные большей частью рационально-оценочного характера: *крайнее* тщание, *чистейшего* ума плоды, *полезны* труды. Слова *сомненная* (Нева), *божественны* (науки) выдвигают на первый план эмоциональную оценку явлений. Эпитет *кровавые* (поля) традиционно-живописен для изображения «полей войны». Так создается яркое, величественное описание дел Петровых. «Знатному возвышению и великолепию» поэтической речи соответствуют употребляемые церковнославянизмы: *зря* — видя, *через* — через, *тщание* — старание и т. д.; мифологические имена: *Марс*, *Нептун*. «Славенороссийские речения»: *меч*, *стена*, *путь*, *река*, *ум*, *рука* и т. д. — в контексте оды тоже звучат торжественно. Возвышенно-напряженному, энергическому характеру речи соответствует синтаксис: сложносочиненные предложения с небольшими простыми в составе, усложняемыми прямой речью, которая усиливает аллегории-олицетворения.

Риторической фигурой восклицания: «Но ах, жестокая судьбина!» (в начале 10-й строфы) — внезапно прерыва-

ется описание полезных дел Петра I, уступая место теме скорби, плача по поводу безвременной его кончины. Ключевыми словами становятся: *скорбь, плач, рыдания, вопль*. Все они относятся к «славенороссийским речениям». Употребляются и церковнославянизмы, ставшие архаизмами уже в эпоху Ломоносова: *отторжен* — отнят, *восстенали* — застонали, *провождали* — провожали и т. п.; мифологические образы: музы (в древнегреческой мифологии было девять богинь, покровительниц наук и искусств) и Парнас (высокая гора в Греции, на которой якобы обитали Аполлон и музы), последним придан аллегорико-метафорический смысл:

Верхи Парнаски восстенали,
И музы воплем провождали
В небесну дверь пресветлый дух.

В этой строфе также видим характерное для Ломоносова сочетание тропов: аллегорий, олицетворений, метафор, метонимий и т. п. Например, в стихах:

Завистливым отторжен роком,
Нас в плаче погрузил глубоком! —

в метафорическом значении употреблены эпитеты-прилагательные: *завистливый* (рок), *глубокий* (плач) и глаголы (герой *отторжен*, то есть отнят роком; своею гибелью он всех *погрузил* в плаче). «Верхи Парнаски восстенали» — метонимия (вместо «музы на Парнасе застонали»). В данной строфе большинство прилагательных (эпитетов) содержат ярко выраженный эмоционально-оценочный оттенок: *жестокая* судьбина, *несносная* скорбь, *завистливый* рок, *пресветлый* дух. Поэта-классициста никак нельзя упрекнуть в отсутствии эмоциональности. Однако эмоции всегда возникают у него как следствие переживания торжества или гибели рационального. Синтаксические конструкции 10-й строфы значительно отличаются от предыдущих, соответствуют скорбному звучанию поэтической речи. Здесь видим нагнетание приложений, обстоятельственных словосочетаний, предшествующее называнию основного действия.

Система «трех штилей», видоизменяясь, действовала в течение всего XVIII века. Сторонники классицизма (А. С. Шишков) отстаивали ее и в начале XIX столетия. В творчестве Г. Р. Державина эта система подверглась существенным изменениям. Наступал новый этап развития русского литературного языка. Поэтическая речь уже не могла придерживаться идеальных норм середины XVIII ве-

ка. Мысля образами классицизма, противопоставляя должное и недолжное, Державин в оде «Фелица» (1782) допускает смешение стилей, совмещая в одном произведении и воспевание просвещенного монарха, и сатирическое обличение праздности, безделья и других недостатков окружающих царицу вельмож.

Чистота высокого стиля сохранялась Державиным в сатирических одах. Этому способствовала задача условного воспроизведения гневной речи пророка, обличающего высокопоставленных грешников. Сатирическая ода отражала трагическое осознание классицистами несоответствия жизни утверждаемой ими высокой норме. Такова ода «Властителям и судиям» (1780), за которую Державин был обвинен царицей в якобинстве.

В центре оды — «властители» недостойные: цари, вельможи, «земные боги во сонме их». Они пренебрегают высоким долгом, который возложен на них саном; погрязли в пороках. Кульминацией оды выступает четверостишие, как бы собирающее в фокус всю силу гнева поэта:

Не внемлют! — Вдят и не знают!
Покрыты мздою очеса:
Злодействы землю потрясают,
Неправда зыблет небеса.

Сатирические образы земных «властителей» создаются средствами торжественно-гневной речи пророка. Он как бы передает слова «небесного» бога, который судит «земных богов», недостойных своего высокого положения. Затем пророк говорит от своего имени, поражаясь злодействам «сильных мира сего». Далее речь пророка как бы продолжает сам поэт, голос которого сливается с голосом пророка: «Цари! — Я мнил, вы боги властны...».

Специфическую лексику этой оды Державина составляют архаизмы, большей частью церковнославянского происхождения. Например: *восстал, властитель, сонм, исторгнуть, покров, внемли, древо, един*. Однако таких здесь значительно меньше, чем у Ломоносова. Архаизмы общеславянского и собственно русского происхождения играют ту же роль в создании патетики одической речи. Это слова: *рек, зыблет, очеса, мзда*; торжественно-архаическое произношение придано словам: *судиям* вместо *судьям*; *злодействы* вместо *злодейства*. Как и в оде Ломоносова, соблюдается «высокий штиль» произношения под ударением *e* вместо *o*: *падете* вместо *падёте*; *умрете* вместо *умрёте*. Общеславянское слово *бог* произносится с фрикативным зву-

ком на конце, тоже согласно произносительным нормам высокого стиля. Слова *законы, помощь, оборона, сироты, вдовы* и т. д. в обычном контексте имели бы нейтральное звучание; в оде же «Властителям и судиям» они включены в общую возвышенную экспрессию, звучат гневно-торжественно.

Тропы — метафоры и сравнения — воспринимаются здесь не как «украшающие», а как средства, усиливающие образно-ораторскую сущность поэтической речи. Таковы метафоры: «На лица сильных не взирать...»; «Исторгнуть бедных из оков...»; «Покрыты мздою очеса...»; сравнения:

И вы подобно так падете,
Как с древ увядший лист падет!
И вы подобно так умрете,
Как ваш последний раб умрет!

Ярко представлены в оде риторические фигуры: вопросы, восклицания, обращения, выражающие благородный гнев поэта-пророка.

...доколь вам будет
Щадить неправедных и злых?..
Не внемлют! — Видят и не знают!..
Воскресни, боже! боже правых!..

Характерно употребление в этой оде прилагательных в роли существительных, чего совсем не было у Ломоносова: *неправедные и злые, сильные, бедные, бессильные*. Это новшество является веянием будущего сентиментального подхода к языку. Ода «Властителям и судиям», созданная в принципах поэтики классицизма, содержит в себе и зачаток нового отношения к слову.

Так общие закономерности отношения к слову, свойственные классицизму как литературному направлению, находили индивидуальное воплощение в лучших произведениях русской литературы XVIII века, отражая закономерности историко-литературного процесса и развития литературного языка. Сентиментализм и романтизм заявили о новом отношении к слову. Вместе с тем они не лишены были и связей с предшествовавшим классицизмом. По новому пути пошли Карамзин, Жуковский, Рылеев, Пушкин. С Крылова началось освоение живой разговорной речи как базы общерусского национального литературного языка. Этот путь окончательно утвердил своим реалистическим творчеством А. С. Пушкин.

Кандидат педагогических наук
А. В. ДАНОВСКИЙ

Рисунок С. Гавриловой

ИЗ СЛОВАРЯ РУССКИХ ФАМИЛИЙ

Продолжение. См.: 1976, № 1—6; 1977, № 2—5

Меркулов. Отчество от обиходной русской формы Меркул из канонического мужского личного имени Меркурий (древнеримский бог торговли и предвестник богов), имя из латинского *merc* «товар» (основой служил родительный падеж — *mercis*). Замена второго *r* на *л* — диссимилиация (расподобление), подобно *февраль* из латинского *februarius*.

Мещеряков. Отчество от именованя отца по месту прежнего жительства: *мещеряк* (как *сибиряк*, *туляк*) — житель Мещеры — так называлась территория восточнее Рязани, по этнониму народа *мещера*, который русские застали там в IX веке; позже Мещеру заселяли татары, на них и перешло название мещеряки, но ко времени появления фамилий *мещеряк* относилось уже к русскому населению рязанского левобережья Оки и только в северной части Тамбовской губернии и северо-западной части Пензенской губернии еще обозначало местное нерусское население.

Мижурин. Отчество от прозвища Мижура из диалектного (ярославское) *мижурить* «прищуриваться» (Г. Г. Мель-

ниченко. Краткий ярославский словарь. Ярославль, 1964).

Микифоров. Отчество от русской обиходной речевой формы Микиф^{ор} из канонического мужского личного имени Никиф^{ор} (древнегреческое «победоносный»).

Микулин. Отчество от русской обиходной речевой формы Микула из канонического мужского личного имени Николай (древнегреческое «победитель народов»).

Минаев. Отчество от формы Минай, в которой смешаны производные от двух канонических мужских личных имен — Мина (см. Минин) и Миней.

Минин. Отчество от канонического мужского личного имени Мина, в прошлом нередкого у русских, так как церковь праздновала его 17 раз в году — в честь 16 «святых» с этим именем, но вышедшего из употребления, как почти все мужские имена с окончанием *-а*, в процессе размежевания формы мужских и женских имен (см. таблицу 15 в книге: В. А. Никонов. Имя и общество. М., 1974).

Мирошников. Отчество от именованя отца по заня-

тию: украинское *мирошник* «мельник»; собственно-украинская фамилия — Мирошниченко (тождественно обоим этим — русская Мельников).

Митрохин, Митрошкин, Митряев. Отчества от русских просторечных форм Митроха, Митрошка, Митряй, производных от канонического мужского личного имени Дмитрий.

Михайлов. Вопреки общему мнению прямая основа фамилии не имя Михаил; в этом случае могло быть только Михайлов (такая фамилия есть у болгар, но очень редка: Ст. Илчев. Речник на личните и фамилни имена у българите. София, 1969). Полная форма этого имени даже в XVIII веке (царь Михаил Романов) оставалась достойным только церкви и торжественных документов, а повседневно употребляли только формы Михайла и Михайло, из них — отчества в краткой форме притяжательных прилагательных *михайлин* и *михайлов* (как и Самойлов, Измайлов, а не Самуилов, Измаилов), которые затем закрепились в роли фамилий. В массе народа так оставалось и в XIX веке, когда полная форма имени восторжествовала у образованного меньшинства, но оно к тому времени уже имело фамилии. Поэтому полная форма в фамилиях не отразилась. Так как имя в XVII—XIX веках было одним из самых частых, то фамилия заняла одно из первых мест; по подсчетам Б. Г. Унбегауна она в Петербурге в 1910 году занимала пятое место, уступая только Иванову, Васильеву, Петрову и Смирнову.

Обилие суффиксов русского языка позволило образовать от имени десятки производных форм (с различными эмоциональными оттенками или ней-

тральных), отчества от которых стали самостоятельными фамилиями: кроме Михайлов и Михайлин также Михаев, Михалев, Михалин, Михалищев, Михалкин, Михалков, Миханкин, Миханькин, Мишагин, Мишакин, Мишаков, Мишанин, Мишенин (не от *мишень!*), Мишечкин, Мишян, Мишкин, Мишукин, Мишаков, Мишулин, Мишунин, Мишунькин, Мишуриин (не от *мишур!*), Мишуров, Мишутин, Мишуткин, Мишуточкин, Мишухин и др.; может быть, от того же имени и фамилия Михлины (в с. Ключи Камешкирского р-на Пензенской обл.). Производные следующих ступеней — Михалычев (отчество от отчества), Михайловский (из топонима Михайлово). В украинском языке: Михно, Михненко, Михайлик, Михаленко, Михнюк, Мищенко, Мишук и другие; у белорусов Н. В. Бирилло насчитал 88 фамилий из производных форм от этого имени; немецкое Михельсон, французское Мишель (Луиза Мишель — участница Парижской коммуны).

Мичурин. Отчество от формы Мичура. По Б. Г. Унбегауну — эта форма производна из канонического мужского личного имени Дмитрий, но это лишено доказательств. Возможно, диалектное изменение из Бичурин <bičurin < baj-šögä — татарская фамилия. Но В. И. Даль зафиксировал диалектное (вятское) *мичура* «сгрюмец, неразговорчивый, брюзга» — это вполне могло дать основу прозвищу, отчество от которого закономерно стало фамилией.

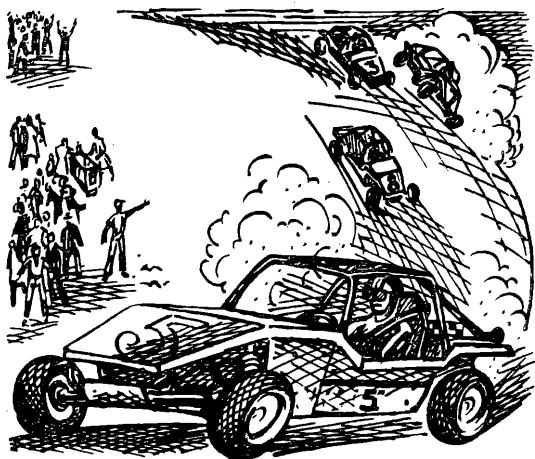
В. А. НИКОНОВ

Продолжение следует

● НОВЫЕ СЛОВА В СПОРТЕ

Москвичка Л. Г. Ивлиева пишет: «Прочтала в «Вечерней Москве» (15 ноября 1976): „... они своими руками монтируют карты и маленькие машины „багги“. Откуда пришло к нам слово *багги*, какую машину им называют? Также меня интересуют новые слова *виндсёрфинг* и *дельтапланеризм*».

БАГГИ. Так называется новый одноместный или двухместный спортивно-кроссовый автомобиль. Около десяти лет тому назад на песчаных пляжах Калифорнии появились не совсем обычные машины-самоделки: вместо крыши над головой водителя находилась

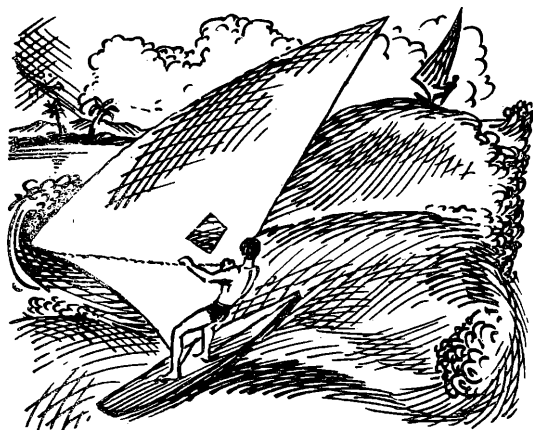
рама из труб, не было стекол, фар, задних и передних крыльев. Сверхпростота кузова и оборудования дополнялась быстротой (скорость свыше ста километров в час), высокой проходимостью и очень хорошей маневренностью. Создатели этих автомобилей называли их «бич-багги» (дословно — «песчаная блоха»). Са-

моделка привлекла к себе внимание спортсменов многих стран, и ее стали широко использовать в кроссе по сильно пересеченной местности. Родился новый вид автоспорта. Многие автозаводы приступили к серийному выпуску автомобиля, за ним закрепилась вторая часть названия — *багги*.

В нашей стране новый вид автоспорта получает большое распространение. Машины участвовали в нескольких соревнованиях: в Прибалтике, в Грузии... Осенью 1976 года был проведен первый Всесоюзный кросс на этих автомобилях.

В последнее время слово *багги* начинает употребляться без кавычек: «О нем все еще спорят. Им продолжают восхищаться. Он поражает. Этот удивительный автомобиль—багги... „Специальность“ багги—кросс по сильно пересеченной местности. Его доступность в простоте. Его привлекательность в просторе для технического творчества» («За рулем», 1976, № 12).

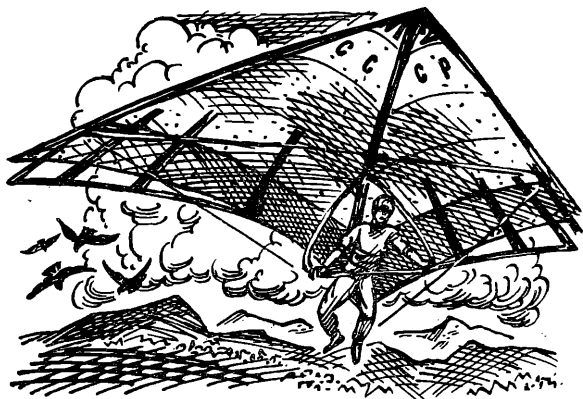
ВИНДСЕРФИНГ. Это новый вид состязаний на спортивном снаряде виндсёрфере (3,5-метровой доске с килем, мачтой и парусом). Название *виндсёрфинг* пришло к нам из английского языка. Оно образовано от «винд» — ‘ветер’ и «сёрфинг» — ‘скольжение на специальной широкой доске с волн океанского прибой’. Предшественником виндсёрфинга является сёрфинг, родина которого Гавайские

острова, побережье Австралии и Калифорнии. Сёрфинг известен нам по яркому описанию Джека Лондона (Путешествие на «Снарке», глава «Спорт богов и героев»). Слово *сёрфинг* зафиксировано в словаре-справочнике «Новые слова и значения» (М., 1971).

В настоящее время уже существует международная ассоциация виндсёрфинга. В 1975 году в Средиземном море около французского острова Бендор состоялся первый чемпионат мира. Соревнования проводятся и в нашей стране. В 1976 году Федерацией парусного спорта СССР был образован комитет по виндсёрфингу.

ДЕЛЬТАПЛАНЕРИЗМ. Такое название получил новый вид спорта в воздухоплавании. В самом термине четко просматриваются две основы: название буквы греческого алфавита *дельта*, имеющей форму треугольника — Δ, и знакомое слово *планеризм* 'искусство

летания на планёрах'. Спортивные полеты осуществляются на легких планирующих летательных аппаратах — дельтапланах. Аппарат представляет собой каркас из легкого сплава и крыло треугольной формы из дакрона или парашютной ткани. Предшественником дельтапланеризма является буксировочный полет на «змее». Первые свободные полеты на дельтапланах были осуществлены в Австралии, Америке, Франции.

Стартуют на дельтаплане с помощью какого-либо буксировочного средства, обеспечивающего скорость не менее 50 километров в час, на лыжах с достаточно крутой горы, а также и без разгона, используя сильные потоки восходящего воздуха. Как сообщала «Комсомольская правда» (12 мая 1977): «У дельтапланеристов появились и свои рекордсмены. Так, продолжительность полета, достигнутая на спортивном дельтаплане, сейчас равняется 22 часам, дальность — 56 километрам и высота над точкой старта — 3220 метрам».

С 1974 года новый вид спорта развивается у нас. Сейчас в Москве, Ленинграде, Киеве, Минске и других городах работают секции

дельтапланеризма. Состоялись и соревнования — полеты на продолжительность и точность приземления — в Карпатах, Крыму, Москве (Крылатское) и в других местах.

В 1976 году Международная авиационная федерация — ФАИ утвердила дельтапланеризм как самостоятельный вид спорта. В этом же году в Кёссене (Австрия) состоялся официальный чемпионат мира.

Новые спортивные термины еще не успели войти в энциклопедии и толковые словари нашего языка. Но от них уже образуются по продуктивной модели с суффиксом *-ист* наименования спортивныхменов (ср. *регбист, картингист, альпинист*) — *баггист, виндсёрфингист, дельтапланерист*: «...необходимо серийное производство этих простых, но грамотно построенных машин! Именно этого ждут советские баггисты, именно это превратит баггикросс в массовое увлечение сотен и тысяч молодых и смелых людей» («Техника — молодежи», 1975, № 9); «Если дует сильно, по скорости виндсёрфингист не уступит воднолыжнику» («Техника — молодежи», 1976, № 7); «Дельтапланеристы стартовали с вершины горы Носаль, по склону которой проложена трасса горнолыжного спуска» («Комсомольская правда», 8 апреля 1977).

В. В. Касаркин

Рисунки В. Комарова

● СЛЁТ

В. В. Маркин из Ростова-на-Дону пишет: «В Словаре Д. Н. Ушакова (1940) к слову *слет* приведены такие значения: „1. Действие по глг. *слететься* — *слетаться*. С. орлов. 2. Стая слетевшихся в одно место птиц (спец.). 3. Съезд, собрание членов, представителей какой-н. массовой организации [по образцу названия съезда для гимнастических упражнений членов чешской спортивной организации, т. н. соколов] (нов.). *Первый всесоюзный с. пионеров. Всесоюзный с. изобретателей. С. ударников*“. Меня заинтересовало объяснение, заключенное в скобки».

В нашем языке первоначально слово *слёт* означало ‘собрание птиц’ и ‘действие по глаголу *слетать*’. В Словаре В. И. Даля приведены такие примеры: «*На точках бывает большой слет дупелей, собрание, много их слетается. // Убить птицу на слете, на взлете, на подъеме с земли*».

Толчком к возникновению нового значения у слова послужило чешское *slet*, применявшееся для названия собраний т. н. соколов — членов первого чешского гимнастического общества «Сокол», организованного в 1862 году по инициативе известного

чешского педагога Мирослава Тырша. Во многих славянских преданиях, песнях, легендах прославляется ловкий молодец — зоркий и сильный сокол (ср. русск. *Финист Ясен-сокол*).

За сравнительно короткое время сокольская гимнастика получила большое распространение среди славянских народов — словянцев, хорватов, сербов, болгар, русских, украинцев, поляков. В их языки вошла терминология новой гимнастической школы. В русском языке вместе со словами *слёт, вис, упор* появились и такие «термины», как *ручить, ножить, вышмыг*.

В конце 30-х годов в нашей стране создается своя гимнастическая школа. Чешская терминология, ограниченная рамками материала сокольской гимнастики, не могла уже охватить все разнообразие советской гимнастической системы. Кроме того, «... сокольская терминология была хороша для чешского языка, т. к. она базировалась на... чешском словообразовании, но она была сравнительно мало пригодна для русского языка, ибо совершенно не соответствовала законам нашего словопроизводства» (сб. «Развитие русского языка после Великой Октябрьской социалистической революции». Л., 1967). В 1938 году специальной комиссией по разработке новой гимнастической терминологии был выпущен материал «Гимнастическая терминология с приложением словаря» (М., 1938), в котором приводились новые гимнастические термины, образованные с учетом русского словообразования. Многие сокольские термины постепенно ушли из нашего языка. Слово же *слёт* расширило свое значение: от узкого 'собрание гимнастов' к широкому 'общественно-значимые мероприятия'.

В нашем языке значение сокольского *слёт* совместились с исконной семантикой русского, и последняя была воспринята как органический перенос. Слово не воспринимается как заимствование, в этом заключается причина его активности с лингвистической точки зрения. Определенную роль в его широком распространении сыграли экстралингвистические факторы. В 30-е годы очень часто проводились слеты стахановцев, передовиков, пионерские слеты. И необходимое, точное слово прочно укрепились в новом значении.

С. Л. Михлова

● БЕНЕФИС, ДЕБЮТ

Историей и употреблением слов *бенефис* и *дебют* интересуется В. Л. Вартамян из Еревана.

Слово *бенефис* происходит от латинского *beneficium* 'дар, благодеяние'. В наш язык оно пришло из французского (*bénéfice*) и было впервые зафиксировано в «Новом словотолкователе» Н. Яновского (1803). Сразу же при своем появлении в русском языке слово стало достоянием театральной терминологии. Им стали называть «театральное представление, сбор с которого идет в пользу одного из работников театра»: «Жалованья мне директор положил по сту рублей в месяц и бенефис в Харькове, а Любиньке по семидесяти пяти в месяц и бенефис летом, на ярмарке» (Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы). В Толковом словаре В. И. Даля приводится и «нетеатральное» значение *бенефис*: 'в иностр. торговле, процентная скидка с товара, уступка'.

Артист, «в пользу» которого давалось представление, назывался бенефициантом: «Сколько может получить бенефициант, если театр полон и цены большие?» (А. Островский. Таланты и поклонники). Бенефициант имел право выбрать для бенефиса пьесу по своему усмотрению. В оперных театрах бенефициантом мог быть не только один человек, но и коллектив, например, устраивались спектакли «в пользу», как тогда писалось в афишах, хора или оркестра театра.

Интересно отметить, что *бенефис* в современных толковых словарях обычно приводится с пометами «*театр. доревол. в бурж. театре*». После Октябрьской революции слово постепенно вышло из употребления, так как исчезло само явление — бенефисные спектакли. И вот совсем недавно мы опять встретились со старым словом. «Бенефис» — так был назван цикл телевизионных музыкальных передач, каждая из которых посвящалась творчеству одного артиста. «Бенефицианты» (Сергей Мартинсон, Савелий Крамаров, Вера Васильева, Лариса Голубкина) сами выбирали пьесы, в сценах из которых собирались выступить, причем для «бенефиса» можно было взять и пьесу, никогда ранее артистом не игранную, и подобрать партнеров.

Итак, мы видим, что слово *бенефис* как бы начинает свою «вторую жизнь». Однако теперь оно употребляется только в так называемом творческом значении 'сцены из спектаклей в честь одного или нескольких участников, творческий отчет': «„Чеховские страницы“... своеобразный спектакль-бенефис, творческий отчет корифеев МХАТ» («Театрально-концертная Москва», 1977, № 24). «Вивонник» торжества не получает сбора от спектакля. В последнее время сфера употребления слова расширилась. Теперь *бенефис* можно встретить не только в применении к театру, но и, например, к

спорту: «Уж не такие ли футбольные „бенефисы” — одна из особенностей осеннего первенства?» («Московская правда», 24 августа 1976).

Несколько позже слова *бенефис* в русский язык вошло французское *дебют* (*début* — ‘начало’). Впервые оно отмечено в Общем церковно-славяно-российском словаре П. Соколова (1834) и Словаре Академии Российской (1847). *Дебют*, как и *бенефис*, прежде всего вошло в театральный обиход. Дебют в театре — первое выступление артиста на сцене вообще, в новой роли, новом для него театре, а также в театре другого города, другой страны. Человек, впервые выступающий где-либо (в театре и т. д.), называется дебютантом.

В последнее время сфера употребления слов *дебют*, *дебютант* расширилась, вышла за рамки только театральной терминологии. Дебютом теперь называется первое публичное выступление на каком-либо поприще. *Дебют*, *дебютант* очень широко употребляются в языке спорта. В спортивных отчетах говорится о дебюте матча, спортсмена в команде, на новом для него месте в команде: «Дебют матча был за динамовцами — они чаще создавали ситуации, непосредственно грозящие голом в ворота соперников» («Советский спорт», 15 июня 1977); «Вчера москвичи познакомились еще с одним дебютантом команды — защитником Николаенко» («Советский спорт», 14 июня 1977). Дебютантом может быть не только отдельный человек, но и коллектив — команда. Например, мы часто встречаем в спортивной печати: «Такая-то команда — дебютант высшей лиги».

В шахматах дебютом называется начало шахматной партии (первые ходы): «Смыслов уже чуть ли не в дебюте получил тяжелую позицию» («Советский спорт», 16 декабря 1976). В последнее время наблюдается интересное явление: дебют в «шахматном» значении ‘начало игры’ часто используется в репортажах о футбольных, баскетбольных и других матчах: «Если пользоваться шахматной терминологией, то дистанция в тридцать туров футбольного чемпионата разбивается как бы на три этапа: 1-й — 10-й туры — дебют, 11-й — 20-й туры — миттельшпиль, 21-й — 30-й туры — эндшпиль» («Говорит и показывает Москва», 1977, № 24). В спортивных отчетах встречаются такие фразы: «Дебют матча остался за командой...», т. е. команда сразу, уже в начале игры, захватила инициативу.

В заключение нужно сказать, что слово *бенефис* встречается в нашем обиходе редко, тогда как *дебют* и производные от него употребляются очень часто как в устной, так и в письменной речи.

В. С. Филиппов

Указатель статей, опубликованных в журнале «Русская речь» за 1977 год

Гимн Союза Советских Социалистических Республик	5
Аванесов Р. И. О произношении отчества с именами	3
Аванесов Р. И. Об одном неправильном употреблении мужского отчества	6
Акопян Р. С. Именительный присоединения	1
Аникин В. П. А. Н. Афанасьев, царская цензура и сказка о выбитом курином глазе	4
Арбатский Д. И. Ложная этимология в языке учащихся	3
Бакина М. А. «...Обеспечить, что означает: печи поломать»	3
Барандеев А. В. «Книге Большому Чертежу» 350 лет	6
Барандеев А. В. Новые названия на карте СССР	5
Баранкова Г. С. Древняя естественнонаучная лексика в «Шестодневе» Иоанна экзарха Болгарского	3
Бельчиков Ю. А. Изучение стилистики русского языка в Советском Союзе	6
Бирюков Ф. Г. Советская проза 20-х годов	6
Блинов А. Д. Рабочий-герой: каков его язык?	3
Борисова Е. Н. Случайный	4
Брагина А. А. Учить ли «езде в поэзию»?	5
Будагов Р. А. Как рассказала Марина Цветаева о жене А. С. Пушкина	2
Букчина Б. З. Дефис? Тире?	4
Бученков П. С. Рифмой «свободной и смелой» (О поэзии В. С. Курочкина)	2
Варбот Ж. Ж. Детинец	1
Василевская Е. А. Ю. С. Воронов. «Стиль деловой речи В. И. Ленина»	5
Василенко А. Ф. Погода	6
Василькова Н. И. З. Н. Люстрова, Л. И. Скворцов, В. Я. Дерягин. Беседы о русском слове	2
Викторов А. М. Заметки о языке учебно-технической литературы	4
Виноградов С. И. Дискуссии о языке первых послереволюционных лет	2
Виноградов С. И. Съезд	5
Водовозов Н. В. «...Прекрасный наш язык способен ко всему...»	4
Воровский о Ленине	4
Воронов Ю. С. Об одном полемическом приеме	2
Галманова М. А. Новые материалы о Пушкине	3
Гальченко И. Е. Культура речи и перевод	1

Гей Н. К. Гармония пушкинского стиля	3
Гладышева Л. А. «...Печаль моя светла...»	3
Глебова Т. С. Эпитет в прозе К. Симонова	1
Голуб И. Б. Образное слово Пушкина	3
Горбачевич К. С. Как говорят студенты?	1
Горн В. Ф. Живой язык Василия Шукшина	2
Горпинич В. А. Сухиничи — сухиничский	5
Граудина Л. К. Сосредоточивать и сосредотачивать	1
Громова В. В. Фамилии в романе М. Шолохова «Тихий Дон»	1
Грубеш Владимир. «Я русский бы выучил только за то, что им разговаривал Ленин»	5
Дановский А. В. Слово в поэтике классицизма	6
Дудочкин П. П. Испытание слова. Этюды	6
Дудочкин П. П. М. И. Калинин — мастер устной речи	1
Евдокимова Л. И. Воровский говорит с читателем	4
Заказчикова Т. А. Десятни XVI—XVII вв.	1
Заказчикова Т. А. Забытые имена наших предков	3
Иванова Н. Н. О поэтической традиции в художественном тексте	1
Иванов В. В. Наука о русском языке и русский язык в национальной школе	4
Интервью с артистами театра им. Моссовета Ю. А. Кузьменковым, Р. Я. Плятом	5
Интервью с главным режиссером Московского театра Сатиры В. Н. Плучеком	3
Каменцева Е. И. Геральдика	4
Кедайтене Е. И. Принять участие — участвовать	1
Кершиене Р. Б. Институт русского языка АН СССР — читателю	6
Клюев С. М. Александр Иванович Одоевский (к 175-летию со дня рождения)	6
Коготкова Т. С. Поезд и состав	5
Кожин А. Н. Образное слово Константина Федина	1
Кожин А. Н. Слово поэта — боевое оружие	3
Колмакова Т. С. В. В. <i>Одинцов</i> . Лингвистические парадоксы	2
Костомаров В. Г. «Культура русской речи на Украине»	6
Костомаров В. Г. Серпантин и серпентина	5
Кременская И. К. Работа над сочинением	4
Кузнецова О. Д. <i>Неуклюжий</i> и его родственники	2
Кузнецова О. Д. Ценный памятник диалектной речи	1
Кузьмина Н. А. «Пробиваясь певучим потоком» (творительный превращения в поэтической речи)	2
Кузьмин А. И. «Василий Теркин»	5
Купалова А. Ю. Школьные правила и языковая действительность	2
Лапшин М. А. Мастерство Сергея Никитина — рассказчика	6
Левашов Е. А. Застегнутый на все пуговицы	1
Левашов Е. А. Пушкин и академические толковые словари	3
Лилеева Е. Л. Выразительность ленинского заголовка	2
Лопатин В. В. «Грамматическая правильность русской речи»	4
Лопушанская С. П. Мышление и мышление	5

Макеев А. В. «Лица высказывают себя речами»	1
Марковский И. К. Паспорт	2
Матвеев Б. И. Антонимы в «Мертвых душах» Н. В. Гоголя	2
Мизяева Л. А. Во всю Ивановскую	1
Миськевич Г. И. Поволжье, Зауралье	2
Михайловская Н. Г. О языке сатиры XVII века	2
Мокиенко В. М. Драть как сидорову козу	1
Мокиенко В. М. Попасть в переplet	3
Морозова С. Е. М. Г. Булагов. Восточнославянские языковеды	1
Московский А. М. Изобразительные средства пословиц и поговорок	4
Муравьев В. Л. Пальто	3
Мусаев К. М. Великий Октябрь и письменность народов СССР	5
Мучник Б. С. Отрицание как утверждение	3
Назарова Ж. А. Орган	4
Некрасова Е. А. Грамматическая ошибка или поэтический прием?	1
Несина Г. Н., Сергиенко Э. С. Названия одного русского села	5
Нестеров М. Н. Язык и стиль повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба»	2
Никонов В. А. Из словаря русских фамилий	2—6
Одинцов В. В. Язык первых декретов	6
Опришко А. Я. О новых наименованиях «старых» явлений	3
Орлов Л. Л. Чабан. Овчар. Пастух	2
Ороховацкий Ю. И. Слово из народных поверий	2
Отин Е. С. Валуйки. Лиски	6
Отин Е. С. Геральдика и топонимика	1
Паршина Т. В. Фельетон	4
Пеньковская Н. П. Астролёт, звездолёт, космолёт, планетолёт	6
Петрищева Е. Ф. Диалог	5
Петрищева Е. Ф. Жили-были бабка с дедом	3
Петровский В. В. О ключевых словах в художественном тексте	5
Подгаецкая И. М. «...Зажжен над миром — Серп и Молот!»	5
Пиорно Хуана Маргарита, Лейба Эберто Гонсалес. Изучение русского языка на Кубе	4
Попов И. А. Наш адрес прежний	6
Порецкая Р. Э. Моряк-лексикограф А. П. Соколов	1
Поступающему в вуз	3, 4
Практикум по стилистике	2, 3
Преображенская М. Н. В. В. Колесов. История русского языка в рассказах	3
Протченко И. Ф. Содружество равноправных языков народов СССР	5
Прохорова В. Н. Мост — телемост — воздушный мост	2
Пустовалов П. С. Подумай и ответь	1
Пустовойт П. Г. Гармония чувства и слова	4
Пылакина О. А. Бригада, бригадир	3
Редькин С. В. Совнарком	6
Рогожникова Р. П. Об одном из самых употребительных сочетаний	5
Русакова Ю. Г. Заметки о языке романа «Евгений Онегин»	3
Сапунов Б. В. «Информационный взрыв» на Руси в XI веке	2

Сахарова С. Р. Гайдар правит	5
Сергеев В. Н. Культура речи и словари-справочники советской эпохи	3
Сергеев В. Н. Читая Луначарского	5
Сергеев Ф. П. Мирное сосуществование	2
Сергеев Ф. П. Подданный. Подданство. Гражданство	1
Сергиенко Э. С., см. Несина Г. Н.	5
Сетин Ф. И. Обучение родному языку в Древней Руси	5
Сказка «Кочет и курица»	4
Скацел Йозеф. Русский язык в Чехословакии	5
Смирнов С. В. Осип Максимович Бодянский	4
Смолицкая Г. П. Остафьево	3
Советские писатели об А. С. Пушкине	3
Советские поэты о Великом Октябре	5
Сысолятина Н. А. Глухомань	4
Тарланов З. К. Особенности синтаксиса русских пословиц	4
Томилина Г. Я. Клобук и колпак	4
Трубе Л. Л. Метель. Вьюга. Буран	6
Улуханов И. С. Обратное словообразование	2
Филатов В. А. О ключевых словах в научно-техническом тексте	4
Филин Ф. П. Язык художественной литературы и читатель (Слово после дискуссии)	4
Фонякова О. И. Речевой портрет в пьесе «Любовь Яровая» Тренева	5
Харпалева В. Ф. С. А. <i>Высоцкий</i> . Средневековые надписи Софии Киевской	1
Хаустова Ю. Ф. Л. В. <i>Успенский</i> . Культура речи	4
Ходакова Е. П. Словесная игра у Пушкина	3
Чебыкин В. А. Просторечные слова в полемике В. И. Ленина	2
Ширяев Е. Н. «Ономастика и норма»	3
Шостак М. И. Образные средства	4
Шумилов Н. Ф. Зам, зав... телик, мультик	2
Шумилов Н. Ф. Советский Союз — Страна Советов — СССР	4
Этерлей Е. Н. Л. М. Леонидов о речи актера	1
Юрченко А. С. «И один в поле воин»	6
Янко-Триницкая Н. А. Ты кто, Жужу?	4
Почта «Русской речи»	
Арбуз или тыква?	1
Баклуши бывают разные	5
Балерина, танцовщица, танцор...	2
Бедному жениться и ночь коротка	2
Бенефис, дебют	6
Булфон	2
Буржуазный — капиталистический	3
Взялся за гуж, не говори, что не дюж	1
Династия	4
Еще о слове <i>картофель</i>	2
Еще раз о поэтических новообразованиях	1
<i>Жудь и жуть</i>	3

Застолье	5
Каскадёр	2
МАПРЯЛ	2
Металлический завод	2
Наблюдения над разговорной речью	1
Ни кола ни двора	1
Новые слова в спорте	6
О видовых парах глаголов	5
Однородные или неоднородные?	2
О новом термине <i>этология</i>	1
О русских фамилиях (ответы на письма читателей)	1
О фамилии поэта Баратынского	4
Планетный, планетарный	1
Почему бы не делать так?	1
Проходить красной нитью	3
<i>Пылесосу</i> или <i>пылесосу</i> ?	4
«Реветь белугой»	3
С буланцем	4
Слёт	6
Слово читателям	1
Таран	1
<i>Упряжка и уповод</i>	5
Фаворит	1
Целовальник	5
Читатели дополняют... предлагают... рассказывают...	1
Что греха таить	4
Шелоник	5

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. И. БОРКОВСКИЙ (главный редактор), **Г. П. БЕРДНИКОВ**,
Е. А. ВАСИЛЕВСКАЯ, **В. П. ВОМПЕРСКИЙ**, **К. В. ГОРШКОВА**,
В. П. ДАНИЛЕНКО, **В. Я. ДЕРЯГИН**, **И. Г. ДОБРОДОМОВ**,
Л. П. ЖУКОВСКАЯ, **Л. М. ЛЕОНОВ**, **А. И. ОВЧАРЕНКО**,
И. Ф. ПРОТЧЕНКО (зам. главного редактора), **Л. И. СКВОРЦОВ**
(зам. главного редактора), **Ю. С. СОРОКИН**, **Ф. П. СОРОКОЛЕТОВ**,
Ф. П. ФИЛИН, **О. А. ХАМИЦАЕВА**

Адрес редакции: 121019 Москва, Г-19, Волхонка, 18/2
Телефон: 202-65-25

Зав. редакцией *Т. С. Колмакова*
Художественный редактор *Т. А. Михайлова*
Корректоры *В. В. Беллев*, *Г. Н. Шамина*

Сдано в набор 12/VIII-1977 г. Подписано к печати 1/XI-1977 г. Т-16849
Тираж 59 600 Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Усл. печ. л. 6,72 Бум. л. 2,0
Уч.-изд. л. 7,7 Заказ 2716

Цена 50 коп.

Индекс 70788

**Русская
речь**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»